МИРЫ БРЭМА СТОКЕРА

ДРАКУЛА

СВОБОДНЫЕ ПРОДОЛЖЕНИЯ

ВМ

Миры Брэма Стокера. Дракула. Свободные продолжения.

Ричард Матесон, Вуди Аллен, Анджела Картер, Ким Ньюман, Майк Резник, Кейтлин Ребекка Кирнан, Эдвард Д. Хох, Дэн Симмонс, Филип Хосе Фармер, Саймон Грин, Роберт Дж. Сойер, Андрей Олегович Белянин, Вук Задунайский, Энн Райс, Дэвид Джеймс Шоу

Аннотация
Миры Брэма Стокера. Дракула. Свободные продолжения
Ричард Бёртон Матесон. Кровный сын
Вуди Аллен. Граф Дракула
Анджела Картер. Хозяйка дома любви
Ким Ньюмен. Замок в пустыне: Anno Dracula 1977
Энн Райс. Хозяин Рэмплинг-гейта
Майк Резник. Полуночный концерт
Дэвид Шоу. Последний выход сыновей шока
Эдвард Хох. Дракула 1944
Дэн Симмонс. Все дети Дракулы

Филип Фармер. Никто не идеален

Кейтлин Р. Кирнан. Пустота была красноречива

Роберт Сойер. Пекинский человек

Саймон Р. Грин. Человек, который хотел быть Дракулой

Андрей Белянин. Как казак графа Дракулу напоил

Вук Задунайский. Сказание о господаре Владе и Ордене Дракона

Аннотация

Компиляция рассказов разных писателей, продолживших тему Дракулы.

Миры Брэма Стокера. Дракула. Свободные продолжения

Составители: BertranD, mikle_69.
Автор обложки: mikle_69.

Ричард Бёртон Матесон
Кровный сын

Richard Matheson, "Drink My Red Blood", 1951

Когда обитатели дома узнали о сочинении Джула, они окончательно уверились, что Джул псих.

Подозревали об этом уже довольно давно.

От его пустого пристального взгляда людей бросало в дрожь. Его сиплый гортанный голос никак не вязался с хрупким телом. Его бледная кожа пугала многих детей. Создавалось впечатление, будто бы она ему велика. Он ненавидел солнечный свет.

И мысли его казались окружающим несколько «с приветом».

Джул хотел стать вампиром.

Люди уверяли, будто знают наверняка, что он родился в ту ночь, когда буря с корнем вырывала деревья. Ходили слухи, что он родился с тремя зубами. Утверждали, будто бы этими зубами он впивался в материнскую грудь и сосал вместе с молоком кровь.

Говорили, что он часто лаял и гоготал в своей

колыбельке с наступлением темноты. Говорили, что он пошёл в два месяца и сидел, таращась на луну, когда она появлялась на небе.

Вот что говорили другие.

Родители вечно переживали из-за него. Единственный ребёнок, так что они быстро заметили все его странности.

Они думали, что он слепой, пока врач не объяснил им, что он просто смотрит мимо предметов. Он сказал им, что Джул, при такой огромной голове, может оказаться гением или же идиотом. Выяснилось, что он идиот.

Он не произносил ни слова до пяти лет. После чего однажды вечером он пришёл к ужину, сел за стол и произнес: «Смерть».

Его родители не знали, что испытывать: восторг или ужас. В итоге они нашли золотую середину между двумя эмоциями. Они решили, что Джул не понимает значения этого слова.

Но Джул прекрасно понимал.

Начиная с того вечера у него накопился такой обширный лексикон, что все знавшие его были ошеломлены. Он не только запоминал любое сказанное ему слово, слова с вывесок, из журналов и книг — он придумывал свои собственные слова.

Такие как сумракасание. Или гибелюбовь.

Конечно, это были просто пары слов, слитые воедино. Они обозначали явления, которые Джул понимал, но не мог выразить обычными словами.

Он часто сидел на крыльце, пока остальные дети играли в классики, мячик и другие игры. Он сидел там и пристально глядел в переулок, придумывая слова.

До двенадцати лет Джул почти не попадал в неприятные истории.

Правда, однажды его застукали за тем, что он раздевал в переулке Олив Джоунз. А ещё раз его поймали за вскрытием котенка прямо на кровати.

Но эти случаи разделял промежуток в несколько лет. Те скандалы позабылись.

В общем и целом он пережил детство, не вызывая в людях особого отвращения.

Он ходил в школу, но ничему не учился. Он сидел по два-три года в каждом классе. Все учителя знали его по имени. На некоторых уроках, таких как чтение и письмо, он блистал.

На других — безнадежён.

В одну субботу, когда ему исполнилось двенадцать, Джул отправился в кино. Он смотрел «Дракулу».

Когда сеанс закончился, он прошёл, дрожащий комок нервов, мимо других мальчиков и девочек.

Он пришёл домой и на два часа заперся в ванной комнате.

Родители колотили в дверь и угрожали, но он так и не вышел.

В итоге он отпёр дверь и сел за стол ужинать. Палец у него был перевязан, а по лицу растекалось довольное выражение.

На следующее утро он отправился в библиотеку. Это было воскресенье. Он весь день просидел на ступеньках, дожидаясь, пока библиотека откроется. В конце концов он вернулся домой.

На следующее утро он снова пришёл сюда, вместо того чтобы пойти в школу.

Он обнаружил на полке «Дракулу». Он не имел права взять книгу, потому что не был записан в библиотеку, а чтобы записаться, требовалось привести кого-нибудь из родителей.

Поэтому он сунул книгу за пояс брюк, вышел из библиотеки и так и не вернул книгу.

Он направился в парк, сел там и прочитал книгу от корки до корки. Был уже поздний вечер, когда он закончил.

После чего начал сначала, переходя от одного

уличного фонаря к другому, и читал всю дорогу домой.

Он не услышал ни слова, пока его бранили за то, что он пропустил обед и ужин. Он поел, ушёл в свою комнату и читал книгу, пока не дочитал до конца. Его спросили, где он взял книгу. Он сказал, что нашёл её.

Шли дни, а Джул всё перечитывал и перечитывал «Дракулу». Он так и не пошёл в школу.

Поздно ночью, когда сон всё-таки брал над ним верх, мать приносила книгу в гостиную показать отцу.

Однажды они заметили, что Джул подчеркивает некоторые места неровными карандашными линиями.

Например: «Её губы были багровыми от свежей крови, тонкая струйка стекала с подбородка, марая белоснежный батистовый саван».

Или: «Когда кровь брызнула, он крепко сжал обе мои ладони своей рукой, а свободной схватил меня за шею и прижал мой рот к ране».

Когда мать увидела это, она вышвырнула книгу в мусоропровод.

На следующее утро, обнаружив пропажу, Джул визжал и выкручивал матери руку. Чтобы его успокоить, она сказала ему, где книга.

Тогда он кинулся в подвал и принялся рыться в грудах мусора, пока её не нашёл.

С кофейной гущей и яичными скорлупками, приставшими к рукам, он отправился в парк и ещё раз прочитал книгу.

Он перечитывал её целый месяц. После чего изучил так хорошо, что выбросил, потому что знал её теперь наизусть.

Из школы приходили сообщения о прогулах. Мать ругалась. Джул решил на время вернуться туда.

Он хотел написать сочинение.

И в один прекрасный день написал его в классе. Когда все закончили писать, учительница спросила, не хочет ли кто-нибудь прочитать своё сочинение перед классом.

Джул поднял руку.

Учительница удивилась. Однако отнеслась благожелательно. Ей хотелось подбодрить его. Она указала на него своим крошечным подбородком и улыбнулась.

— Прекрасно, — произнесла она. — Слушаем внимательно, дети. Джул сейчас прочитает нам своё сочинение.

Джул встал. Он был взволнован. Тетрадь дрожала у него в руке.

— «О чём я мечтаю», сочинение…

— Выйди к доске, Джул, детка.

Джул вышел к доске. Учительница ласково улыбнулась. Джул начал снова:

— «О чём я мечтаю», сочинение Джула Дракулы.

Улыбка померкла.

— Когда я вырасту, я хочу стать вампиром.

Уголки губ учительницы опустились, рот приоткрылся. Глаза расширились.

— Я хочу жить вечно, расквитаться со всеми и сделать всех девчонок вампиршами. Я хочу вдыхать запах смерти.

— Джул.

— Я хочу выдыхать смрад мёртвой земли, склепа и гниющих гробов.

Учительница содрогнулась. Она вцепилась руками в зелёный классный журнал. Ей было трудно поверить своим ушам. Она посмотрела на детей. Те сидели с разинутыми ртами. Некоторые хихикали. Но только не девочки.

— Я хочу, чтобы моя плоть была гнилой и холодной, а по венам струилась кровь других людей.

— Этого… кхе-кхе, гм!

Учительница громогласно откашлялась.

— Этого хватит, Джул, — сказала она.

Джул принялся читать громче и отчаяннее.

— Я хочу погружать свои жуткие белые клыки в чужую плоть. Я хочу, чтобы они…

— Джул! Немедленно сядь на место!

— Я хочу, чтобы они, словно лезвия, взрезали кожу и проникали до вен, — неистово продолжал Джул.

Учительница вскочила на ноги. Детей трясло от ужаса. Никто уже не смеялся.

— Тогда я вытащу клыки и позволю крови литься потоком мне в рот, жаркими струями стекать по глотке и…

Учительница схватила его за руку. Джул вырвался и убежал в угол. Отгородившись стулом, он вопил:

— И я высуну язык и прильну губами к горлу своей жертвы! Я хочу пить кровь девочек!

Учительница кинулась на него. Она вытащила его из угла. Он царапался и завывал всю дорогу до двери, а потом до кабинета директора.

— Вот о чём я мечтаю! Вот о чём я мечтаю! Вот о чём я мечтаю!

Это было жутко.

Джула заперли у себя в комнате. Учительница с директором сидели вместе с родителями Джула. Они говорили траурными голосами.

Они пересказывали случившееся.

Все родители в доме обсуждали это. Многие из них сначала не поверили. Они решили, что их дети всё выдумали.

Потом подумали, каких же чудовищных детей вырастили, если они выдумывают такое.

В общем, они наконец поверили.

После чего все вокруг ястребами высматривали Джула. Люди избегали его прикосновения или взгляда. Родители забирали детей с улицы, когда он приближался. Все рассказывали о нём небылицы.

Снова начали приходить записки о его прогулах.

Джул сказал матери, что больше не станет ходить в школу. Ничто не могло заставить его переменить решение. Он туда не пойдёт.

Когда за ним пришёл школьный надзиратель, занимавшийся прогульщиками, Джул бежал по крышам, пока не ушёл от долга достаточно далеко.

Год протащился без толку.

Джул слонялся по улицам, выискивая что-то, он сам не знал что. Он заглядывал в переулки. Он заглядывал в мусорные бачки. Он заглядывал на стоянки. Он заглядывал в богатые районы, и в

бедные, и в районы между ними.

Он не мог найти то, что хотел.

Он редко спал. Он совсем не разговаривал. Он всё время смотрел в землю. Он забыл придуманные им словечки.

И вот.

В один прекрасный день Джул брёл через зоопарк.

Словно электрический разряд пробежал по телу, когда он увидел летучую мышь — вампира.

Глаза его расширились, а бесцветные зубы тускло блеснули в широкой усмешке.

И начиная с того момента Джул каждый день ходил в зоопарк и смотрел на летучую мышь. Он разговаривал с ней и называл её Графом. Он чувствовал в глубине души, что это на самом деле человек, превратившийся в мышь.

Его снова охватила жажда к самообразованию.

Он украл из библиотеки ещё одну книгу. О жизни животных.

Он нашёл страницу с летучей мышью — вампиром. Вырвал её, а книгу выбросил.

Он заучил этот раздел наизусть.

Он знал, как мышь прокусывает ранку. Как она слизывает кровь, словно котёнок, лакающий сливки. Как она ходит на сложенных крыльях

и задних лапах, словно чёрный, покрытый шерстью паук. Почему она не питается ничем, кроме крови.

Месяц за месяцем Джул смотрел на летучую мышь и разговаривал с ней. Это стало его единственным утешением в жизни. Единственным символом воплощённой мечты.

Как-то раз Джул заметил, что проволочная сетка снизу клетки отходит.

Он огляделся по сторонам, его чёрные глаза забегали. Он не заметил, чтобы кто-нибудь смотрел на него. День был пасмурный. Людей вокруг было не много.

Джул потянул сетку на себя.

Она слегка подалась.

Потом он увидел, как из домика с вольерами для обезьян выходит служитель. Так что он убрал руки и пошёл прочь, насвистывая только что придуманный мотив.

Поздно ночью, когда предполагалось, что он уже спит, он босиком прошёл через комнату родителей. Слышно было, как похрапывают отец и мать. Он поспешно выскочил из комнаты, надел ботинки и побежал в зоопарк.

Каждый раз, когда ночной сторож уходил подальше, Джул оттягивал проволочную сетку.

Он тянул её, пока не оторвал.

Когда он закончил и ему было пора возвращаться домой, он приставил сетку на место. Чтобы никто не заметил.

Весь день Джул стоял перед клеткой, смотрел на Графа, посмеивался и говорил ему, что скоро тот снова окажется на свободе.

Он пересказывал Графу всё, что изучил. Он сказал ему, что хочет попробовать спускаться по стенам вниз головой.

Он уговаривал Графа не переживать. Скоро тот выйдет на свободу. И тогда, вместе, они будут бродить по округе и пить кровь девчонок.

А ночью Джул отодвинул сетку и забрался внутрь.

Было очень темно.

Он опустился на колени перед маленьким деревянным домиком, прислушиваясь, в надежде уловить писк Графа.

Джул сунул руку в чёрный провал двери. Он всё время шептал что-то.

Подскочил, когда почувствовал, будто в его палец впились иголки.

С выражением крайнего удовольствия на худом лице, Джул вытянул трепещущий шерстяной комок наружу.

Он выбрался из клетки с мышью в руке и побежал прочь из зоопарка. Он мчался по молчаливым улицам.

Время шло к рассвету. Чёрные небеса начали сереть. Он не мог вернуться домой. Ему надо было найти себе место.

Он прошёл по переулку и перелез через забор. Он крепко держал мышь. Она прильнула к струйке крови, текущей из его пальца.

Джул прошёл через двор и вошёл в маленький заброшенный домик.

Внутри было темно и сыро. Дом был забит мусором, жестяными банками, промокшими картонками и испражнениями.

Джул решил, что отсюда мыши не сбежать.

Тогда он плотно прикрыл дверь и закрыл на щеколду.

Он чувствовал, как сильно бьётся сердце и дрожат конечности. Он отпустил летучую мышь. Та улетела в тёмный угол и вцепилась в деревянную стену.

Джул судорожно сорвал с себя рубаху. Губы его дрожали. На его лице горела улыбка безумца.

Он сунул руку в карман брюк и вытащил маленький перочинный ножик, который похитил у матери.

Раскрыл лезвие и провёл по нему пальцем. Нож прорезал кожу.

Дрожащей рукой он вцепился себе в горло. Полоснул по шее ножом. Кровь потекла по пальцам.

— Граф, Граф! — кричал он в безумном восторге. — Пей мою алую кровь! Пей меня! Пей меня!

Спотыкаясь о консервные жестянки, поскальзываясь, он двинулся к мыши. Мышь слетела со стены, метнулась через комнату и вцепилась в противоположную стену.

Слёзы потекли по щекам Джула.

Он заскрежетал зубами. Кровь текла по его плечам и по впалой безволосой груди.

Всё тело лихорадочно подергивалось. Он шагнул к противоположной стене. Оступился и упал, распоров бок об острый край жестяной банки.

Руки его взметнулись. Он схватил летучую мышь. Приложил её к своему горлу. Опустился спиной на холодный сырой пол. Вздохнул.

Принялся стонать и хвататься за грудь. Содержимое желудка подступало к горлу. Чёрная мышь у него на шее беззвучно слизывала его кровь.

Джул ощутил, как жизнь вытекает из него.

Он подумал обо всех прошедших годах. Об ожидании. О своих родителях. О школе. Дракуле.

Мечтах. Об этом. Этом нежданном счастье.

Глаза Джула резко распахнулись.

Зловонная комната поплыла вокруг него.

Он с трудом дышал. Он раскрыл рот, чтобы глотнуть воздуха. Он втянул его в себя. Воздух был полон смрада. Он закашлялся. Тощее тело содрогалось на холодном полу.

Языки тумана покидали его сознание.

Выплывали один за другим, похожие на шёлковые вуали.

Внезапно его разум заполнила ужасающая ясность.

Он ощутил пронзительную боль в боку.

Он осознал, что лежит, полуобнажённый, среди мусора и позволяет летучей мыши пить свою кровь.

Со сдавленным криком он протянул руку и оторвал от себя покрытый мехом живой комок. Отшвырнул мышь от себя. Она вернулась, овевая ему лицо хлопающими крыльями.

Джул с усилием поднялся на ноги.

Двинулся к двери. Он едва видел. Он пытался остановить кровотечение из горла.

Ему удалось распахнуть дверь.

После чего, вырвавшись на тёмный двор, он упал лицом в высокую траву.

Он пытался позвать на помощь.

Но ни звука, если не считать бессмысленного бульканья, не сорвалось с его губ.

Он услышал хлопанье крыльев.

После чего внезапно всё затихло.

Сильные пальцы осторожно подняли его с земли. Умирающий взгляд Джула различил высокого черноволосого мужчину, глаза которого сверкали, словно рубины.

— Сын мой, — произнес мужчина.

Перевод: Елена Алексеевна Королева

Вуди Аллен
Граф Дракула

Woody Allen, "Count Dracula", 1971

Где-то в далекой Трансильвании ужасный граф Дракула, ожидая наступления ночи, лежит в гробу, на котором серебряными буквами начертано его имя. До захода солнца он скрывается в безопасности своей отделанной атласом опочивальни, поскольку солнечный свет означает для него верную гибель. Но как только темнеет, гнусный злодей, движимый неким инстинктом, выбирается из своего убежища и, обернувшись летучей мышью или волком, рыщет по округе, дабы напиться кровью своих жертв. Наконец, перед тем, как его заклятый враг, солнце, своими лучами возвестит о начале нового дня, Дракула поспешает вернуться в свой надёжно скрытый от света гроб и там засыпает, а назавтра всё повторяется вновь.

Вот его веки начинают подрагивать; древний необъяснимый инстинкт подсказывает ему, что солнце уже почти село и скоро пора вставать.

Нынче вечером, очнувшись от сна, Дракула ощущает особый голод; он лежит, одетый в плащ с капюшоном на красной подкладке и, прежде чем открыть крышку гроба и выйти, ждёт, когда сверхъестественное чувство точно подскажет ему момент наступления темноты, а тем временем граф размышляет, кого выбрать в качестве сегодняшней жертвы. И останавливает свой выбор на булочнике и его жене. Они такие упитанные, доступные и ничего не подозревающие. Мысль о легковерной супружеской паре, в чье доверие он недавно осторожнейшим образом втёрся, возбуждает его аппетит до лихорадочной остроты, и ему едва удается сдерживаться в эти последние секунды перед выходом на поиски добычи.

Вдруг он осознаёт, что солнце зашло. Исчадие ада, он стремительно восстаёт из гроба и, превратившись в летучую мышь, очертя голову устремляется к коттеджу безмятежных супругов.

— Ой, граф Дракула, какой приятный сюрприз, — приветствует его жена булочника, открывая двери. (Возле их дома монстр вновь принял человеческий облик — так под видом любезного господина он скрывает свои кровавые цели.)

— Что побудило вас прийти в столь ранний

час? — спрашивает булочник.

— Ваше приглашение на обед, — отвечает граф. — Надеюсь, я не ошибся. Вы приглашали меня отобедать с вами именно сегодня, не так ли?

— Да, сегодня, но только в семь часов.

— Что вы хотите сказать? — удивляется Дракула, озадаченно оглядываясь кругом.

— Ничего страшного, можете посмотреть вместе с нами на солнечное затмение.

— Затмение?

— Ну да, сегодня полное затмение.

— Что?

— Немножко темноты, начиная с полудня до двух минут первого. Посмотрите в окно.

— О-о-о… у меня большие неприятности.

— Да?

— Прошу прощения, но я…

— Что стряслось, граф Дракула?

— Я должен идти. Да-да. О, боже… — Граф суматошно пытается нащупать дверную ручку.

— Идти? Да вы только что пришли.

— Да, но… кажется, мне нехорошо…

— Граф Дракула, да вы совсем бледный.

— Бледный? Мне нужен глоток свежего воздуха. Рад был с вами повидаться…

— Входите. Располагайтесь. Хотите чего-нибудь

выпить?

— Выпить? Нет, мне надо бежать. Э-э, вы наступили на мой плащ.

— Верно. Успокойтесь. Немного вина?

— Вина? О нет. Я давно не пью — печень, знаете ли и всё такое. И я действительно должен спешить. Только что вспомнил: я забыл погасить в замке свет — счета будут непомерными…

— Прошу вас, — говорит булочник, по-дружески твёрдо сжимая плечо графа. — Вы нас нисколько не беспокоите. Оставьте излишнюю вежливость. Подумаешь, пришли немного раньше времени.

— Поверьте, я бы с радостью остался, но у меня назначена встреча с румынскими аристократами на другом конце города, а я отвечаю за холодные закуски.

— Дела, дела, дела. Так вы, глядишь, добегаетесь до сердечного приступа.

— Да, пожалуй… А пока разрешите откланяться…

— На обед у нас будет куриный плов, — вступает в разговор жена булочника. — Надеюсь, вам понравится.

— Чудесно, чудесно, — улыбается граф, отталкивая её на корзину с грязным бельем. Затем он по ошибке открывает дверь в чулан и заходит ту-

да. — Господи, да где же этот треклятый выход?

— Ах, граф Дракула, — смеётся жена булочника, — какой вы забавник.

— Я знал, что вы это оцените, — говорит Дракула, выжимая из себя смешок. — А теперь пропустите меня. — Наконец он находит входную дверь, но время тьмы уже истекло.

— Посмотри-ка, мамочка, — говорит булочник, — похоже, затмение уже кончилось. Снова выглядывает солнце.

— Так и есть, — замечает Дракула, захлопывая дверь. — Ладно, я останусь. Только поскорее задёрните все шторы. Скорее! Давайте же!

— Какие такие шторы? — удивляется булочник.

— Как, у вас нет штор? — Граф оценивает ситуацию. — А хотя бы подвал есть в этой лачуге?

— Нет, — любезно отвечает жена. — Я без конца уговариваю Ярслова устроить подпол, но он меня не слушает. Такой вот он, Ярслов, мой муженёк.

— Я задыхаюсь. Где здесь чулан?

— Вы только что оттуда, граф Дракула. Повеселили нас с мамочкой.

— Ах, граф, какой вы, право, шутник.

— Послушайте, я ненадолго закроюсь в чулане. Постучите мне в семь тридцать. — С этими сло-

вами граф скрывается в чулане и захлопывает за собой дверь.

— Хи-хи, какой он смешной, Ярслов.

— Эй, граф, выходите. Перестаньте дурить.

Из чулана доносится приглушённый голос Дракулы:

— Не могу… Прошу вас, поверьте мне на слово. Позвольте, я посижу здесь какое-то время. Со мной всё в порядке. Честное слово.

— Граф Дракула, хватит шутить. Мы и так умираем от смеха.

— Уверяю вас, мне очень нравится ваш чулан.

— Да, но…

— Понимаю, понимаю… Вам это кажется странным, однако я здесь прекрасно себя чувствую. Я как раз на днях говорил госпоже Хесс: в хорошем чулане я готов стоять часами. Приятная женщина, эта госпожа Хесс. Немного полновата, но очень, очень приятная… А вы тем временем можете заняться своими делами и позвать меня, когда зайдёт солнце. О, Района, ла-та-та-ти-та-та-ти, Района…

В этот момент приходит мэр со своей женой Катей. Они проходили мимо и решили заглянуть к своим добрым друзьям, булочнику и его супруге.

— Здравствуйте, Ярслов. Надеюсь, мы с Катей

вам не помешали?

— Нисколько, господин мэр. Выходите, граф Дракула! У нас гости!

— Граф у вас? — удивлённо спрашивает мэр.

— Да, и вы ни за что не догадаетесь, где он сейчас, — говорит жена булочника.

— Его так редко можно увидеть в столь ранний час. По правде говоря, не помню, чтобы я когда-нибудь встречал его при свете дня.

— Тем не менее он здесь. Выходите, граф Дракула!

— Где же он? — спрашивает Катя, не зная, смеяться или нет.

— Выходите сейчас же! Идите к нам! — Жена булочника начинает терять терпение.

— Он в чулане, — сообщает булочник извиняющимся тоном.

— Неужели? — удивляется мэр.

— Пойдёмте, — зовет графа булочник притворно добродушным голосом, стуча в дверь чулана. — Хорошего понемножку. У нас в гостях господин мэр.

— А ну-ка выходите, Дракула, — кричит достопочтенный мэр. — Давайте выпьем.

— Нет-нет, начинайте без меня. У меня здесь кое-какие дела.

— Где? В чулане?

— Да. И я не хочу, чтобы вы из-за меня меняли свои планы. Я прекрасно слышу всё, что вы говорите. Я присоединюсь к вашей беседе, если у меня будет что добавить.

Хозяева и гости обмениваются взглядами и пожимают плечами. Приносят вино и наполняют бокалы.

— Славное было сегодня затмение, — говорит мэр, отпивая вино из бокала.

— Да, — соглашается булочник. — Нечто невероятное.

— Да. Просто жуть, — доносится голос из чулана.

— Что вы сказали, Дракула?

— Ничего, ничего. Не обращайте внимания.

Медленно тянется время, так что мэру уже невмоготу терпеть, и он, рывком распахнув дверь в чулан, кричит:

— Выходите, Дракула. Я всегда считал вас настоящим мужчиной. Кончайте валять дурака.

Дневной свет устремляется внутрь и на глазах четверых изумлённых людей ужасный монстр с пронзительным воплем медленно истлевает, превращаясь в скелет, который затем рассыпается в прах. Склонившись над кучкой белого пепла

в чулане, жена булочника восклицает:

— Вот тебе раз, выходит, сегодня обед отменяется?

Перевод: Николай Валентинович Махлаюк

Анджела Картер
Хозяйка дома любви

Angela Carter, "The Lady of the House of Love", 1975

Наконец призраки с того света стали настолько досаждать крестьянам, что они оставили свою деревню и та перешла в безраздельное владение неуловимых и мстительных обитателей, которые проявляли своё присутствие, отбрасывая едва заметные косые тени, множество теней, даже в полдень, тени, не имеющие никакого видимого источника; их присутствие проявлялось порой звуком рыданий в какой-нибудь заброшенной спальне, где на стене висело треснувшее зеркало, в котором ничего не отражалось; и в ощущении тревоги, что охватывает путника, по неосторожности остановившегося на площади, чтобы попить из фонтана, в котором всё ещё есть вода, брызжущая из раструба, вставленного в пасть каменного льва. По заросшему саду пробегает кот; он скалится, шипит, выгибая дугой спину, и отпрыгивает на всех четырёх упругих лапах от

чего-то неосязаемого. Ныне все сторонятся деревни, стоящей у замка, в котором отчаянно хранит преступное наследие своих предков прекрасная сомнамбула.

Одетая в старинный венчальный наряд, прекрасная королева вампиров в полном одиночестве восседает в своём тёмном, огромном доме под присмотром безумных и ужасных предков, глядящих на неё с портретов и каждый из них продлевает через неё своё мрачное посмертное существование; она раскладывает карты Таро, неустанно выстраивая созвездия возможностей, как будто случайное выпадение карт на красной плюшевой скатерти может разом вырвать её из этой холодной комнаты с наглухо закрытыми ставнями и перенести в страну вечного лета, стереть вековую печаль той, которая воплощает в себе одновременно смерть и деву.

Голос её полон далёких отзвуков, словно эхо в подземелье; ты попал туда, откуда нет возврата, ты попал туда, откуда нет возврата. И сама она словно подземелье, наполненное эхом, система повторений, замкнутый круг. «Может ли птица петь только одну песню или её можно научить и другим?» Она проводит своим длинным, острым ногтем по прутьям клетки, в которой поёт

её любимый жаворонок и пальцы её извлекают заунывный звук, похожий на звон струн сердца железной дамы. Волосы её ниспадают, как слёзы.

Большая часть замка отдана на откуп привидениям, но у неё самой есть собственные покои, состоящие из гостиной и спальни. Плотно закрытые ставни и тяжёлые бархатные шторы не дают проникнуть ни малейшему лучику солнечного света. В комнате стоит круглый столик на одной ножке, покрытый красной плюшевой скатертью, на которой она неизменно раскладывает свои карты Таро; единственный скудный источник света в этой комнате — лампа с тёмно-зелёным, почти чёрным абажуром, стоящая на каминной полке, а на побуревших красных узорчатых обоях проступают унылые пятна от дождя, который сочится сквозь прохудившуюся крышу, то тут то там оставляя после себя потускневшие, зловещие следы вроде тех, что остаются на простынях мёртвых любовников. Повсюду гниение и плесень. Незажжённая люстра настолько отяжелела от пыли, что хрустальные подвески совершенно утратили свою форму, а старательные пауки обвили углы этой богато украшенной и прогнившей комнаты своими балдахинами, опутали фарфоровые вазы на каминной полке своими

мягкими, серыми сетями. Но хозяйка всего этого запустения ничего не замечает.

Она сидит в кресле, обтянутом тёмно-бордовым, изъеденным молью бархатом, у приземистого круглого стола и раскладывает карты; иногда жаворонок вдруг запоёт, но чаще всего он сидит, тоскливо нахохлившись, словно могильный холмик из грязноватых перьев. Порой графиня, бренча по прутьям решётки, заставляет его проснуться и спеть несколько музыкальных фраз: ей нравится слушать, как он поёт о том, что не в силах покинуть свой плен.

Едва лишь заходит солнце, она встаёт и идёт к столу, и, сидя за этим столом, она играет в свою терпеливую игру, пока в ней не проснётся голод, ненасытный голод. Она так красива, что красота её кажется неестественной; её красота — аномалия, изъян, ибо ни в одной из её черт нет и намёка на трогательное несовершенство, которое примиряет нас с несовершенством нашего человеческого бытия. Её красота — признак её болезни, отсутствия в ней души.

Белые руки прекрасной обитательницы тьмы направляют руку судьбы. Ногти на её руках длиннее, чем ногти древнекитайских мандаринов и заточены остро, как кинжалы. Эти ногти и зу-

бы — прекрасные, белые как сахар — видимые знаки её судьбы, которую она мечтает обмануть, прибегая к магическим силам; её когти и зубы отточены веками на людских телах, она последний отпрыск ядовитого древа, пустившего побеги из чресел Влада Цепеша, который пировал на трупах в лесах Трансильвании.

Стены её спальни завешены чёрным атласом, расшитым жемчужными слёзами. В четырёх углах комнаты стоят погребальные урны и чаши, из которых поднимается дремотный и едкий дымок благовонных курений. Посредине — изящный катафалк из черного дерева в окружении длинных свечей, вставленных в огромные серебряные подсвечники. Каждое утро на рассвете графиня, одетая в белый кружевной пеньюар, чуть запятнанный кровью, забирается в свой катафалк и ложится в открытый гроб.

Раньше, чем у неё выросли молочные зубы, какой-то православный священник с волосами, собранными на затылке в пучок, всадил кол в её кровожадного отца на одном из перекрёстков в Карпатских горах. Когда в него вонзился кол, зловещий граф прокричал: «Носферату умер — да здравствует Носферату!» И теперь ей принадлежат все населённые призраками леса и

таинственные жилища в его обширном поместье; по наследству к ней перешло командование армией теней, которые населяют деревню у подножия её замка, проскальзывают в леса под видом сов, летучих мышей и лисиц, заставляют сворачиваться молоко и не дают сбиваться маслу, ночь напролёт гонят лошадей на дикой охоте, так что к утру от тех остаются лишь кожа да кости, досуха выдаивают коров, а главное, мучают созревающих дев приступами слабости, брожением в крови и расстройствами воображения.

Но сама графиня равнодушна к своей потусторонней власти, словно та ей лишь пригрезилась. В своих грёзах она желала бы стать человеком, но не знает, возможно ли такое. Карты Таро всегда ложатся одинаково, неизменно открывая тот же расклад: Верховная Жрица, Смерть, Башня, разбитая молнией — мудрость, гибель, разрушение.

В безлунные ночи её надзирательница позволяет ей прогуляться по саду. Этот сад, место чрезвычайно мрачное, невероятно похож на погост, а розы, посаженные когда-то её покойной матерью, выросли теперь в огромную колючую стену, за которой она заточена в своём родовом замке. Дверь чёрного хода открывается, и графиня, принюхиваясь к воздуху, начинает выть.

Затем она встаёт на четыре лапы. Припадая к земле и дрожа, она берёт след своей жертвы. Какое наслаждение слышать хруст нежных косточек кроликов и других пушистых мелких зверюшек, которых она молниеносно настигает на своих четырёх; тихо поскуливая, она крадучись вернётся домой и на щеках её будут пятна крови. В спальне она наливает воду из кувшина в таз и с капризной брезгливостью кошки умывает лицо.

Ненасытный образ ночной охотницы в зловещем саду, то припадающей к земле, то прыгающей, является обрамлением её обычных тревожных ночных хождений и жизни, подражающей настоящей жизни. Глаза этого ночного существа расширяются и вспыхивают. Работая когтями и зубами, она набрасывается и вгрызается, но ничто не может утешить её в её призрачном существовании, ничто. И тогда она вновь прибегает к убаюкивающей магии Таро, тасует карты, раскладывает их, читает по ним судьбу, затем со вздохом собирает вновь и снова тасует, выстраивая бесконечные догадки о будущем, которое неотвратимо грядёт.

Немая старуха присматривает, чтобы она ни в коем случае не видела солнечного света, чтобы весь день она лежала в своём гробу, чтобы на её

пути не попадались никакие зеркала и другие отражающие поверхности — короче говоря, старуха исполняет всё, что полагается делать вампирской прислуге. И всё в этой прекрасной и призрачной деве оправдывает её роль королевы ночи, королевы ужаса — всё, если не считать того, что сама она играет эту роль с большой неохотой.

Тем не менее, если какому-нибудь неосторожному путнику случается остановиться на площади среди безлюдной деревни, чтобы освежиться у фонтана, из дома вскоре появляется старуха в чёрном платье и белом переднике. Жестами и улыбками она приглашает вас в дом и вы идёте за ней. Графиня жаждет свежего мяса. Когда она была маленькой, она была похожа на лисичку и вполне довольствовалась крольчатами, которые жалобно пищали, когда с тошнотворным сладострастием она вгрызалась в их шейки; ей хватало мышей-полевок, их мимолётного трепетанья меж тонких пальчиков рукодельницы. Но теперь она стала женщиной и ей нужны мужчины. Стоит немного задержаться у журчащего фонтана и вас за руку отведут в кладовые графини.

Целый день она лежит в своем гробу, в запятнанном кровью кружевном неглиже. Когда солнце исчезает за горой, она зевает, поднимается и

надевает свое единственное платье — свадебный наряд матери, — а затем садится и раскладывает карты, пока в ней не проснётся голод. Она ненавидит еду, которой питается; ей хотелось бы взять этих кроликов к себе домой, кормить их салатными листьями, гладить их, устроить для них гнёздышко в чёрно-красном китайском секретере, но голод всегда одолевает её. Она вонзает зубы в шею, на которой пульсирует от страха артерия; с тихим вскриком боли и отвращения она роняет обмякшую шкурку, из которой уже высосаны все питательные соки. И то же самое происходит с подпасками и цыганятами, которые по незнанию или отчаянному безрассудству подходят к фонтану, чтобы омыть грязь со своих ног; гувернантка графини приводит их в гостиную, где разложенные на столе карты неизменно показывают Костлявую с косой. Графиня сама подаёт им кофе в тонких, с прожилками, драгоценных чашечках и маленькое сахарное печенье. Эти нескладёхи сидят, одной рукой расплёскивая кофе из чашки, а другой держа печенье и, открыв рот, наблюдают, как графиня в своем атласном уборе наливает кофе из серебряного кофейника и рассеянно о чем-то болтает, чтобы привести их в состояние роковой расслабленности. Лишь

какая-то печальная неподвижность глаз выдает её безутешность. Ей хотелось бы гладить их загорелые щёки и взъерошенные волосы. Когда она берёт их за руку и ведёт в спальню, они с трудом верят своему счастью.

А потом гувернантка собирает останки в аккуратную кучку и заворачивает их в обрывки одежды. Этот погребальный пакет она затем потихоньку закапывает в саду. Щёки графини мокры от крови и слёз; надзирательница сама с помощью серебряной зубочистки вычищает из-под её ногтей застрявшие там кусочки кожи и косточек.

Эни-бени, лук-морковь,
Человечью чую кровь…

Однажды на исходе жаркого лета на заре нынешнего столетия один молодой офицер Британской армии — сильный голубоглазый блондин, — который гостил у друзей в Вене, решил провести остаток своего армейского отпуска, исследуя нехоженую местность в горах Румынии. Приняв донкихотское решение путешествовать по разбитым колеям дорог на велосипеде, он сразу же оценил всю комичность такой ситуации: «на двух колёсах в край вампиров». Итак, смеясь,

он отправляется на поиски приключений.

Его девственность была особой — состояние невероятно двусмысленное и в то же время совершенно конкретное: это была непорочность вкупе с потенциальной мощью и помимо того — неведение, которое вовсе не то же самое, что невинность. Он и сам не знал, что из себя представляет, и вдобавок у него был тот особый блеск, свойственный поколению, для которого история уже уготовила особую, героическую участь в окопах Франции. И этому созданию, выросшему в эпоху перемен, в ритме времени, предстояло столкнуться с готическим безвременьем, в котором вечно живут вампиры, а для них всё остается таким, каким было всегда, и карты всегда ложатся одинаковым образом.

Несмотря на свою молодость, он обладает здравым умом. Он выбрал самый рациональный в мире способ путешествовать по Карпатам. Езда на велосипеде сама по себе в некотором роде предохраняет от суеверных страхов, поскольку велосипед — это продукт чистого разума применительно к движению. Геометрия на службе человека! Дайте мне два колеса и прямую палку, и я покажу вам, как далеко я могу на этом уехать. Сам Вольтер мог бы стать изобретателем вело-

сипеда, поскольку оный весьма способствует здоровью человека, а отнюдь не его погибели. Благотворно действуя на здоровье, он в то же время не испускает вредных газов, да к тому же позволяет ездить лишь на умеренной скорости. Может ли велосипед стать вредоносным орудием?

Один-единственный поцелуй разбудил Спящую Красавицу.

Восковые пальцы графини, словно сошедшей с иконы, переворачивают карту, называемую «Влюблённые». Никогда, никогда ещё прежде… никогда прежде графиня не предрекала себе любви. Она вздрагивает, дрожит, её огромные глаза закрываются нервно трепещущими, пронизанными тонкими прожилками веками; на этот раз впервые прекрасная гадательница нагадала себе любовь и смерть.

Мёртвый ты или живой,
Я полакомлюсь тобой.

В лиловатых сумерках наступающего вечера мсье англичанин взобрался на холм, где стояла деревня, которую он заметил ещё издали; поскольку склон был слишком крут, ему пришлось спешиться и толкать велосипед перед собой. Он

надеялся найти в этой деревне приятную гостиницу, чтобы остановиться на ночь и передохнуть; он страдал от жары, голода, жажды, усталости и пыли… Поначалу его постигло ужасное разочарование, когда он увидел, что крыши всех домов давно провалились и сквозь груды осыпавшейся черепицы проросли высокие сорняки, ставни уныло повисли на своих петлях, всё вокруг пусто и безжизненно. Густо разросшиеся травы шелестят, словно нашептывая страшные тайны, здесь достаточно малой толики воображения, чтобы представить себе искажённые мукой лица, на мгновение появляющиеся и исчезающие под обвалившимися карнизами домов… но дух приключенческой романтики, кричаще-яркие штокрозы, которые по-прежнему отважно цвели в запущенных садах и действовали на него успокоительно, и красота пылающего заката — все эти соображения вскоре помогли ему преодолеть разочарование и даже умерили в нём ощущение некоторой неловкости. А из фонтана, в котором деревенские женщины обычно стирали одежду, всё так же били весёлые и чистые струи воды; он с наслаждением вымыл ноги и руки, приложился губами к крану, а затем подставил лицо под ледяную струю.

Когда он поднял мокрое, блаженное лицо от львиной пасти фонтана, то на площади увидел старуху, которая неслышно подошла к нему сзади и весело, почти примирительно улыбалась. На ней было чёрное платье и белый передник, а на поясе побрякивала увесистая связка ключницы; её седые волосы были аккуратно собраны в пучок под белым льняным чепцом, какие носят в этих краях пожилые женщины. Она сделала книксен молодому человеку и кивком пригласила следовать за ней. Он заколебался, но она указала в сторону громадного дворца на холме, фасад которого хмурой тучей нависал над деревней, погладила живот, указала на свой рот, снова погладила живот, ясно давая понять, что он приглашён на ужин. Затем она снова призывно кивнула ему и на сей раз решительно повернулась на каблуках, словно говоря, что она не потерпит возражений.

Как только они вышли из деревни, его захлестнула чудовищная, ядовитая волна тяжёлого аромата красных роз, сладостно вскружившего ему голову; поток густого, гниловато-сладкого запаха, настолько сильного, что едва не свалил его с ног. Сколько роз! Огромные заросли цветущих роз вдоль тропинки, ощетинившиеся колючи-

ми шипами, да и сами цветы были чрезмерно пышными, в роскоши их огромных соцветий из бархатистых лепестков было что-то почти непристойное, извивы их тугих завязей словно таили в себе какой-то оскорбительный смысл. Из этих джунглей несмело проступали очертания дворца.

В тонком и призрачном свете закатного солнца, в этих золотистых лучах, исполненных ностальгией по уходящему дню, тёмный лик здания, похожего то ли на замок, то ли на укреплённую ферму, — огромного, раскинувшегося во все стороны, полуразвалившегося орлиного гнезда на вершине скалы, от которого извивами тянулась вниз вассальная деревня, — напомнил ему сказки, которые он слушал в детстве зимними вечерами, когда с братьями и сёстрами они пугали друг друга до полусмерти рассказами о привидениях, живущих в подобных местах, а потом зажигали свечи, чтобы осветить себе путь, поднимаясь по ставшей такой незнакомой и пугающей лестнице к себе в спальню. Он едва не пожалел о том, что принял молчаливое приглашение старой ведьмы; однако теперь, стоя перед дубовой, обветшалой от времени дверью, пока старуха снимала с бренчащей связки огромный

железный ключ, он понимал, что уже слишком поздно поворачивать назад и сердито напомнил себе, что он уже не мальчик, чтобы пугаться собственных фантазий.

Старуха отперла дверь, которая отворилась с жалобным скрипом и, несмотря на его протесты, суетливо взяла на себя заботу о его велосипеде. С невольным замиранием сердца он смотрел, как его прекрасный двухколесный символ рациональности исчезает в тёмных недрах замка, чтобы, несомненно, быть поставленным в каком-нибудь отсыревшем сарае, где никто его не смажет и не проверит шины. Но раз уж взялся за гуж, не говори, что не дюж, — и этот исполненный юной силы и белокурой красоты молодой человек, который незримо и даже неосознанно нёс на своем челе магическую печать девственности, перешагнул порог замка Носферату, даже не вздрогнув от дохнувшего на него, словно из разверстой могилы, холода, который исходил из тёмных, подвальных покоев.

Старуха провела его в небольшую комнату, где стоял чёрный дубовый стол с чистой белой скатертью, на которой был аккуратно накрыт столовый прибор из массивного, слегка потемневшего серебра, словно затуманенного чьим-то

несвежим дыханием, однако этот прибор был всего один. Всё страньше и страньше; его пригласили в замок на обед, а теперь, стало быть, он должен обедать в одиночестве. Ну и ладно. Он сел, как того просила старуха. Хотя на улице ещё не совсем стемнело, шторы были плотно задернуты и лишь в скупом луче света, который проливала единственная масляная лампа, он смог разглядеть, насколько зловеще-мрачными были очертания этой комнаты. Старуха, засуетившись, подала ему бутылку вина и бокал, достав тот из старинного, источенного червями дубового посудного шкафа; пока он в задумчивости пил вино, она исчезла, а затем возвратилась, неся на подносе дымящееся тушёное мясо, приправленное местными специями и запечённое с яблоками, а также краюху чёрного хлеба. Проездив весь день, он был голоден, поэтому с жаром набросился на еду и корочкой хлеба начисто подобрал с тарелки остатки, но эта грубая пища едва ли могла оправдать его ожидания относительно увеселений дворянской знати, к тому же его приводил в некоторое замешательство тот оценивающий блеск в глазах немой женщины, когда она наблюдала за тем, как он ест.

Но едва лишь он закончил со своей порцией,

как старуха опрометью бросилась подавать ему добавку и, кроме того, вела себя с ним так предупредительно и любезно, что он с уверенностью мог уже рассчитывать не только на ужин, но и на ночлег в замке, так что он живо упрекнул себя в собственных детских страхах по поводу царившей здесь жуткой тишины и неприветливого холода.

Когда он покончил и с добавкой, старуха подошла к нему и жестами показала, что ему надлежит выйти из-за стола и снова следовать за ней. Она изобразила, будто что-то пьёт, из чего он сделал вывод, что его приглашают в другую комнату выпить чашечку кофе в обществе кого-нибудь более высокопоставленного, не пожелавшего разделить с ним трапезу, но желающего познакомиться. Без сомнения, ему оказывали честь; чтобы не ударить в грязь лицом перед хозяином, он поправил галстук и смахнул крошки со своей твидовой куртки.

Он был очень удивлён, когда обнаружил, какая разруха царит внутри дома — повсюду паутина, прогнившие балки, осыпавшаяся штукатурка; но немая старуха, освещая дорогу своим путеводным фонарём, решительно вела его бесконечными петляющими коридорами

и винтовыми лестницами, вдоль галерей, где, проходя мимо семейных портретов, он видел, как на мгновение вспыхивают и гаснут нарисованные глаза, принадлежащие, как он заметил, лицам, каждое из которых несло на себе отпечаток чего-то звериного. Наконец она остановилась перед какой-то дверью, за которой он различил негромкий металлический перезвон, как будто кто-то брал аккорды на клавесине. А затем — о чудо! — он услышал певучую трель жаворонка, донесшую до него, в самом сердце (хоть он об этом и не догадывался) могилы Джульетты, всю свежесть утра.

Старуха постучала костяшками пальцев по дверной панели; самый нежный, самый чарующий голос, какой он когда-либо слышал в своей жизни, тихо отозвался из-за двери, с сильным акцентом произнеся на излюбленном румынской аристократией французском:

— Entrez [1].

Первое, что он увидел, был расплывчатый полутёмный силуэт, желтовато отражавший толику слабого света, рассеянного в воздухе тускло освещённой комнаты; и надо же, затем этот силуэт

---

[1] Примечания: 1
Войдите (фр.)

обернулся платьем с кринолином — платьем, сшитым из белого атласа и украшенным кружевами, платьем, вышедшим из моды лет пятьдесят или шестьдесят назад, но когда-то, безусловно, предназначенным для свадьбы. И наконец он разглядел девушку, одетую в это платье, хрупкую, как крылья мотылька, настолько тонкую и бесплотную, что, казалось, платье само висит в промозглом от сырости воздухе, как предмет из сказки, как самодвижущийся костюм, в котором она жила, словно привидение внутри механизма. Единственный в комнате свет исходил от тускло горящей лампы под толстым зеленоватым абажуром, стоящей на каминной полке в дальнем углу; сопровождавшая его старуха заслонила рукой свой фонарь, как будто оберегая хозяйку, чтобы она не сразу его увидела, или же чтобы он не сразу разглядел её.

Однако мало-помалу глаза его привыкли к полумраку, и он увидел, как прекрасна и как молода эта выряженная словно пугало девушка, и подумал, что перед ним дитя, напялившее платье матери; быть может, эта девочка надела платье покойной матери, чтобы хоть ненадолго вернуть её к жизни.

Графиня стояла позади низкого столика рядом

с глуповато-красивой раззолоченной птичьей клеткой, отчаянно раскинув в воздухе руки, словно стремясь взлететь, и, казалось, была поражена его приходом, как будто не сама пригласила его сюда. Её неподвижное белое лицо и изящная мёртвая головка в обрамлении тёмных волос, которые ниспадали абсолютно вертикально, будто совсем мокрые, напоминали невесту, пережившую кораблекрушение. Когда он увидел потерянный, как у брошенного ребенка, взгляд её огромных тёмных глаз, у него защемило сердце; и вместе с тем его тревожил, почти отталкивал вид её необычайно чувственного рта с большими, пухлыми, выпуклыми, пурпурно-красными яркими губами, это был отвратительный рот. И даже — он тотчас же прогнал эту мысль от себя — рот уличной девки. Её непрестанно била дрожь, холодный озноб, малярийная лихорадка, пронизывающая до костей. Он подумал, что ей, должно быть, не больше шестнадцати-семнадцати лет, а её болезненная красота — это красота чахоточной. И она была хозяйкой всего этого гниения.

С нежностью соблюдая все предосторожности, старуха подняла повыше свой фонарь, чтобы показать хозяйке лицо её гостя. И вдруг графиня издала слабый стон и, словно в ужасе, невольно

заслонилась руками, как будто желая оттолкнуть его, но ударилась о стол, и пёстрый веер карт разлетелся по полу. Рот её округлился в горестном «о!», она слегка покачнулась и, как подкошенная, рухнула в кресло, словно не в силах больше пошевелиться.

Странная манера принимать гостей. Бормоча что-то себе под нос, старуха деловито зашарила по столу, пока наконец не отыскала пару очков с тёмно-зелеными стеклами, какие носят слепые бродяги, и напялила их на нос графини.

Он подошёл, чтобы собрать карты с ковра, и с удивлением обнаружил, что этот ковер наполовину истлел, а наполовину покрыт ядовитой плесенью. Он собрал карты и тщательно перемешал их, поскольку для него они не значили ничего, хотя казались ему странной игрушкой в руках молодой девушки. Что за жуткая картинка с дрыгающимся скелетом! Он накрыл её картой повеселее — с двумя молодыми любовниками, улыбающимися друг другу, — и вложил игрушку обратно в её руку, такую тонкую, что под прозрачной кожей можно было разглядеть хрупкую паутину косточек, в эту руку с длинными и остро заточенными, как плектры для банджо, ногтями.

При его прикосновении она, казалось, немного

ожила и, поднимаясь, изобразила на лице подобие улыбки.

— Кофе? — предложила она. — Вам надо выпить кофе.

Она сгребла оставшиеся карты в кучку, освобождая старухе место, чтобы та могла поставить перед ней серебряную спиртовку, серебряный кофейник, кувшинчик со сливками, сахарницу и чашки, которые уже были приготовлены на серебряном подносе — странный налёт изящества, пусть и поблекшего, посреди этого запустения, хозяйка которого блистала нездешним светом, словно сама излучала меркнущее, подводное свечение.

Старуха отыскала для него стул и, беззвучно хихикая, ушла, после чего в комнате стало немного темнее.

Пока девушка разливала кофе, у него было время рассмотреть с некоторым отвращением остальные семейные портреты, которые украшали запятнанные и облупившиеся стены комнаты; казалось, все эти бледные лица были искажены каким-то лихорадочным безумием, а их одинаково распухшие губы и огромные, безумные глаза обладали тревожащим сходством с губами и глазами несчастной жертвы близкородственных

браков, которая в это время терпеливо процеживала ароматный напиток, хотя в её случае эти черты сделались несколько более утонченными благодаря её редкостному изяществу. Исполнив свою песню, жаворонок давно умолк; вокруг ни звука, кроме звенящего постукиванья серебра о фарфор. Вскоре она подала ему миниатюрную чашечку из китайского розового фарфора.

— Прошу вас, — сказала она своим голосом, в котором слышались отзвуки океанского ветра, голосом, словно исходящим откуда-то со стороны, а не из её белого, неподвижного горлышка. — Добро пожаловать в мой замок. Я редко принимаю гостей и сожалею об этом, ибо ничто не может развлечь меня больше, чем присутствие кого-либо постороннего… Здесь стало так одиноко после того, как опустела деревня, а моя единственная компаньонка — увы! — не может говорить. Зачастую мне приходится так долго молчать, что кажется, будто я тоже скоро разучусь говорить и больше уже никто не обмолвится со мною ни словом.

Она предложила ему сахарное печенье на тарелочке из лиможского фарфора; старинный фарфор мелодично зазвенел под её ногтями. Ее голос, исходящий от этих красных губ, похожих

на жирные розы в её саду, губ неподвижных, — её голос был до странности бесплотным; она словно кукла, думал он, кукла чревовещателя или, скорее, словно необычайно хитроумный механизм. Казалось, какая-то скрытая энергия придавала ей несоразмерную силу, над которой она сама была не властна; как будто её механизм был заведен много лет назад, при её рождении, но теперь его завод неумолимо кончается и вскоре механизм совсем остановится. Мысль о том, что она может быть всего лишь механической куклой, сделанной из белого бархата и чёрного меха, которая не способна действовать по собственной воле, нисколько не повергла его в разочарование; напротив, она глубоко взволновала его сердце. Карнавальный облик её белого платья только усиливал впечатление её нереальности, она была похожа на печальную Коломбину, давным-давно заблудившуюся в лесу, которая так и не смогла попасть на ярмарку.

— А свет… Я должна извиниться за то, что здесь так мало света… это наследственная болезнь глаз…

Стёкла её слепых очков возвращали ему двойное отражение его красивого мужского лица; если бы она могла увидеть его лицо без очков, оно бы

ослепило её, как солнце, на которое ей запрещено смотреть, потому что оно тут же иссушило бы её, бедную ночную пташку, кровожадную пташку.

Vous serez ta proie [2].

У вас такая прекрасная шея, мсье, словно колонна из мрамора. Когда вы вошли в эту дверь, принеся с собой золотистый свет летнего дня, о котором я не имею никакого понятия, никакого, из хаоса упавшей передо мной колоды показалась карта, называемая «Влюблённые»; и мне показалось, что вы шагнули с этой карты ко мне во тьму, и на миг мне почудилось, будто вы можете пролить в неё свет.

Я не хочу причинять вам зла. Я буду ждать вас во тьме в моем подвенечном уборе.

Жених уже здесь, он сейчас войдет в спальню, которую я для него приготовила.

Я осуждена на одиночество и тьму; я не хочу причинять вам зла.

Я буду очень ласкова.

(Но может ли любовь избавить меня от тьмы? Может ли птица петь лишь ту песню, которая ей знакома, или же она способна научиться петь новые песни?)

---

[2] Примечания: 2
Вы будете моей добычей (фр.)

Гляди, я готова к встрече с тобой. Я всегда была готова к встрече с тобой; я ждала тебя в своём подвенечном наряде, отчего же ты медлил… очень скоро всё будет кончено.

Ты не почувствуешь боли, мой милый.

Она сама — словно дом, населённый призраками. Она сама не властна над собой; иногда её предки являются и выглядывают из её глаз, как из окон, и это выглядит очень пугающе. Она пребывает в таинственном одиночестве, которое присуще пограничным состояниям; она парит посреди безлюдной пустыни между жизнью и смертью, между сном и бодрствованием, за забором из колючих цветов, кровавых розовых бутонов Носферату. Её звероподобные предки, глядящие со стен, приговорили её к неустанному повторению их собственных страстей.

(Однако всего лишь один поцелуй, один-единственный, разбудил Спящую Красавицу.)

Чтобы подавить в себе внутренние голоса, она нервно пытается поддерживать ничего не значащую светскую беседу по-французски, в то время как её предки злобно гримасничают и косятся на неё со стен; как бы она ни старалась думать о чём-то другом, она не знает иного завершения.

И снова его поразил вид её птичьих, хищных

когтей на концах её очаровательных пальчиков; странное чувство, которое росло в нём с того момента, как он подставил голову под струи деревенского фонтана, с тех пор как он вошёл под своды рокового замка, вновь овладело им. Будь он кошкой, он в ужасе отпрыгнул бы от её рук на всех своих четырёх упругих лапах, но он ведь не кошка; он герой.

Врожденная привычка не доверять собственным глазам удерживает его даже здесь, в будуаре самой графини-носферату; возможно, по его мнению, бывает нечто такое, во что ни в коем случае не следует верить, даже если это правда. Он мог бы сказать: глупо верить собственным глазам. Не то чтобы он не верил в её существование; он видит её, она реальна. Если она снимет свои тёмные очки, из глаз её потечет поток образов, которые населяют эти вампирские края, но поскольку сам он не подвластен тьме благодаря своей девственности — ибо не ведает ещё, чего надо бояться, — и благодаря своей отваге, которая превращает его в подобие солнца, он видит перед собой в первую очередь чрезвычайно возбудимого ребёнка, девочку — отпрыска кровосмесительного брака, оставшуюся без отца, без матери, слишком долго державшуюся в темноте и потому бледную, как

растение, никогда не видевшее света, к тому же полуслепую из-за наследственной болезни глаз. И хотя он чувствует себя несколько неловко, он не испытывает ни малейшего испуга; а значит, он как тот сказочный молодец, не ведающий страха, и никакие привидения, вурдалаки, демоны и даже сам Дьявол со всей его адской свитой не в силах его поколебать.

Именно это отсутствие воображения даёт герою его отвагу.

Бояться он научится в окопах. Но эта девочка не может заставить его испугаться.

Спустилась тьма. За плотно закрытыми окнами с пронзительными криками носятся летучие мыши. Весь кофе выпит, сахарное печенье съедено. Её неловкая болтовня медленно иссякает, затем угасает совсем; она нервно сцепляет пальцы, теребит кружева на платье, беспокойно ерзает в кресле. Раздается крик совы; вокруг нас пронзительно кричат и бормочут неизбежные спутники её тёмного бытия. Ты попал туда, откуда нет возврата, ты попал туда, откуда нет возврата. Она отворачивается, чтобы не видеть голубых лучей его глаз; она не знает иного завершения кроме того, которое она может ему предложить. Она не ела три дня. Пора обедать. Пора ложиться в

постель.

Suivez-moi.
Je vous attendais [3].
Vouse serez ma proie.

На крыше проклятого замка прокаркал ворон.

— Пора обедать, пора обедать, — зазвенели портреты на стенах.

Жуткий голод гложет её изнутри; сама того не ведая, она ждала его — именно его — всю свою жизнь.

Красавец-велосипедист, с трудом веря собственному счастью, вот-вот последует за ней в её спальню; свечи вокруг её жертвенного алтаря горят тихим, ясным пламенем, их свет вспыхивает на серебряных слёзках, которыми расшиты стены. Она станет уверять его самым что ни на есть соблазнительным голосом:

— Едва лишь упадут мои одежды и пред тобой откроются многие тайны.

Но её рот не приспособлен к поцелуям, её руки не умеют ласкать, у неё — лишь клыки и когти хищного зверя. Стоит только прикоснуться к матовому сиянию её плоти, проступающей из

---

[3] Примечания: 3
Следуйте за мной. Я вас ждала (фр.)

тьмы в холодном свете свечи и она заключит тебя в свои роковые объятия; услышь её тихий, сладкий голос — она споёт тебе колыбельную дома Носферату.

Объятия, поцелуи; твои золотые волосы, они как грива льва, хотя я никогда не видела льва, только в своём воображении, они как лучи солнца, хотя я никогда не видела солнца, только картинку на карте Таро — однажды твоя золотая голова, голова любовника, о котором я мечтала, даст мне свободу, она откинется назад, глаза закатятся в припадке, который ты по ошибке примешь за любовь, а не за смерть. Молодой жених истекает кровью вместо меня на моей брачной постели. Недвижим и мёртв, бедный велосипедист; он заплатил за ночь с графиней цену, которую некоторые сочтут непомерно высокой, а некоторые — нет.

На следующий день её надзирательница закопает его кости под розовыми кустами. Такая пища придаёт её розам яркий цвет и дурманящий аромат, который дышит сладострастием запретных наслаждений.

Suivez-moi.

— *Suivez-moi!*

Красавец-велосипедист, опасаясь за здоровье и рассудок своей истерически властной хозяйки, осторожно следует за ней в другую комнату; ему хотелось бы взять её на руки и защитить от предков, которые искоса смотрят на них со стен. Что за мрачная спальня! Его полковник — старый пресыщенный развратник — дал ему визитную карточку одного из парижских борделей, в котором, как уверял этот сатир, за десять луидоров можно купить точно такую же траурно обставленную комнату с обнажённой девушкой, лежащей в гробу; за сценой местный пианист играет на фисгармонии «Dies Irae», и среди всех этих ароматов бальзамирования клиент получает некрофилическое удовольствие, наслаждаясь телом якобы мёртвой девушки. Молодой человек добродушно отказался от такого посвящения в таинства; ну как он может теперь преступно воспользоваться предложением полупомешанной девушки с лихорадочно горящими, иссушенными, когтистыми руками и с глазами, в которых просматривались страх, печаль и ужасная, сдержанная нежность, напрочь отметающие любые эротические посулы её тела?

Такая хрупкая и обречённая, бедное создание. Безвозвратно обречённая.

И всё же мне кажется, она вряд ли осознает, что делает.

Она дрожит так, словно члены её тела плохо скреплены между собой, словно она может вот-вот рассыпаться на части. Она поднимает руки, чтобы расстегнуть воротник своего платья, и глаза её наполняются слезами, эти слёзы текут из-под тёмных очков. Она не может снять с себя платье матери, не сняв при этом тёмных очков; ритуал оказывается скомканным, он утратил свою неумолимую обязательность. Её внутренний механизм дал осечку именно сейчас, когда он так ей необходим. Когда она снимает тёмные очки, они тут же выскальзывают из её руки и, падая, разбиваются вдребезги на каменном полу. В её спектакле нет места импровизации; и этот неожиданный, обыденный звук бьющегося стекла полностью разрушает зловещие чары этой комнаты. Она подслеповато вглядывается в осколки, тщётно размазывая кулаком по щекам потоки слёз. Что ей теперь делать?

Она приседает, чтобы попытаться собрать разбитые стёклышки, но острый осколок глубоко вонзается ей в палец; она вскрикивает — пронзительно, искренне. Она стоит на коленях среди разбитого стекла и смотрит, как яркая бусина

крови перерастает в каплю. Раньше она никогда не видела собственной крови, *своей* крови. Это зрелище пугает и завораживает её.

И вот посреди этой ужасной, кровавой комнаты прекрасный велосипедист невинно оказывает девушке первую помощь; одним своим присутствием он исполняет обряд экзорцизма. Он нежно отводит её руку и прикладывает к ране собственный платок; но кровь всё течёт. И тогда он прикладывает к ране свои губы. Он лучше вылечит её поцелуем, как сделала бы её мама, если бы была жива.

Все серебряные слёзы с хрупким звоном падают со стен. Нарисованные предки отводят глаза и скрежещут клыками.

Как она может снести боль, став человеком?

Конец изгнания есть конец всему её существованию.

Его разбудила песня жаворонка. Ставни, шторы и даже наглухо запечатанные окна ужасной спальни были распахнуты и через них внутрь вливались потоки света и воздуха; и теперь стало видно, насколько вопиюще безвкусно она была обставлена, каким тонким и дешёвым был атлас, а катафалк оказался вовсе не из чёрного дерева, а просто обернут выкрашенной в чёрный цвет

бумагой, натянутой на деревянные распорки, как в театре. Ветер принёс из сада стаю розовых лепестков, и их алый ароматный осадок кружил по полу. Свечи догорели, а своего любимого жаворонка она, наверное, выпустила на волю, потому что он сидел теперь на краю дурацкого гроба и с наслаждением распевал свою утреннюю песню. Все кости молодого человека затекли и болели: уложив девушку на кровать, он заснул на полу, подложив под голову свёрнутую куртку вместо подушки.

Но её и след простыл, осталась лишь накинутая на истлевшее чёрное атласное покрывало кружевная ночная рубашка, чуть запятнанная кровью, как будто от женских менструаций, и роза — должно быть, с неистовых кустов, качающихся за окном. Воздух был тяжёл от благовоний и аромата роз, и молодой человек закашлялся. Наверное, графиня встала пораньше, чтобы насладиться лучами солнца, незаметно проскользнула в сад, чтобы сорвать для него розу. Он встал, ласково посадил жаворонка себе на запястье и поднёс его к окну. Поначалу жаворонок, подобно всем птичкам, которые слишком долго сидели в клетке, никак не хотел улетать, но когда молодой человек подбросил его в воздух, он

расправил крылья и взмыл к голубому небесному куполу; молодой человек с радостью в сердце проводил его взглядом.

Потом он неслышно вернулся в спальню и в голове у него роились самые разные планы. Мы отвезём её в Цюрих, в клинику; там её вылечат от нервной истерии. Потом покажем её специалисту-глазнику, чтобы исцелить её от светобоязни; а затем отведём к дантисту, чтобы исправить форму зубов. С её когтями может справиться любая опытная маникюрша. Мы сделаем из неё прекрасную девушку, какова она по сути и есть; я избавлю её от всех этих ночных кошмаров.

Тяжёлые шторы раздвинуты, впустить в комнату искромётный огонь первых утренних лучей; она сидит в запустении своего будуара за круглым столом, облачённая в то же белое платье, а перед ней раскинуты карты. Она заснула над картами судьбы, такими истёртыми, засаленными и истрёпанными от непрестанного перетасовывания, что ни на одной из них уже невозможно разобрать рисунок.

Она не спит.

В смерти она выглядела гораздо старше, менее красивой и оттого — впервые — совершенно человечной.

Я исчезну с первым лучом солнца; я всего лишь порождение тьмы.

И оставлю на память о себе тёмную розу с острыми, как клыки, шипами, которую я вырвала из своего лона, словно цветок на могильном камне. На могильном камне.

Моя надзирательница позаботится обо всём.

Носферату всегда заботятся о собственных похоронах; кто-то непременно проводит её в последний путь. Тут же откуда ни возьмись появилась плачущая старуха и довольно грубо указала ему на дверь. После некоторых поисков в вонючих сараях он отыскал наконец свой велосипед и, прервав отпуск, поехал прямиком в Бухарест, где на почте его ждала телеграмма до востребования с приказом немедленно явиться в полк. Потом, вновь уже облачившись в форму своего полка, он обнаружил, что роза графини по-прежнему у него: наверное, он засунул её в нагрудный карман велосипедной куртки после того, как нашёл её тело. Любопытно, что, хотя этот цветок был привезён из далекой Румынии, казалось, в нём ещё теплилась жизнь. И тогда, поддавшись порыву — ибо девушка была так хороша, а её смерть столь неожиданна и трагична, — молодой человек решил попытаться

воскресить её розу. Он наполнил водой из графина стакан для полоскания рта, поставил тот на свой шкафчик и сунул в него розу так, чтобы её увядшая головка плавала на поверхности.

В тот же вечер, вернувшись с церковной мессы, он почувствовал тяжёлое благоухание розы графа-носферату, которое плыло ему навстречу вдоль каменного коридора казармы, а его спартанская каморка была наполнена головокружительным запахом великолепного, бархатистого, чудовищного цветка, чьи лепестки вновь обрели всю свою прежнюю пышность и упругость, своё порочное, блистательное и пагубное великолепие.

На следующий день его полк был отправлен во Францию.

Перевод: Ольга Акимова

Ким Ньюмен
Замок в пустыне: Anno Dracula 1977

Kim Newman, "Castle in the Desert: Anno Dracula", 1977

Человек, который женился на моей жене, плакал, когда рассказывал мне, как она умирала. Джуниор, т. е. Смит Ольрич-младший, из тех Ольричей, что медь и нефть, продержался с Линдой немногим дольше, чем я, но брак у них шёл лучше, чем наш, ибо произвёл ребёнка.

Если и сохраняются какие-то отношения с человеком, который когда-то состоял в браке с одним из ваших родителей, то именно такие отношения были у Ракель Лоринг Ольрич со мной. В Южной Калифорнии это такая обычная семейная связь, что, кажется, для неё должно быть какое-то маленькое приятное название: преродитель или потенциальный отец. Последний раз я видел её в бунгало на Пудл-Спринтс, которое её мать отдала мне в обмен на алименты. Тринадцать-четырнадцать лет, а вымахала в сто восемь фунтов, в протёртых джинсовых шортах с микрокофточ-

кой, полоска ещё плоского животика посередине, медовые волосы до середины спины, нижняя губа, недовольное выражение которой могла бы убрать только хирургия, солнечные очки «Двойная звезда» и на голове кожаный ремешок с ацтекскими символами. Она походила на дошкольницу, переодетую в скво для костюмированного вечера, ибо обладала словарём матроса из Тихуаны, блестящими глазами сороки и тремя приговорами за грабёж с отягчающими обстоятельствами.

Она попросила денег, чтобы заправить «цикл» её бойфренда и, пока я из атриума звонил её матери, стащила мой телевизор (невелика потеря). На прощание на испанском зеркале она начертила красной губной помадой: «Чтоб ты сдох, свинский папочка». Свинский папочка, то есть я. У неё ещё сохранился школьный почерк с витиеватым хвостиком у буквы у и точкой над j.

Потом я услышал, что бойфренд исчез вместе с остальными Дикими Ангелами, а Ракель вернулась к Линде, принимала курс уколов пенициллина и ходила с кем-то из рок-банды.

Теперь речь пошла о делах посерьёзнее.

— Моя маленькая девочка, — всё повторял Джуниор, — моя маленькая девочка…

Он имел в виду Ракель.

— Они увели её у меня! — сказал он. — Вайперы…

* * *

Всю нашу жизнь мы знали о вампирах, но только из книг и кинофильмов. Лос-Анджелес был последним местом, где бы они могли поселиться. Кроме всего прочего, Калифорния знаменита своим солнечным сиянием. На нём вайперы изжарятся до лохмотьев, как бургеры на гриле. Но теперь всё изменилось. И не только из-за доступности солнечных очков.

Дамбу прорвало в 1959 году, примерно в то время, когда Линда вручила мне бумаги о разводе и когда кто-то в Европе в конце концов уничтожил Дракулу. Очевидно, все вайперы вспомнили, кого они кусали, когда услышали эту новость. Потому что именно из-за графа столь многие из них жили открыто в миру, однако его продолжающаяся нежизнь — и признанная позиция Короля кошек — удерживала их в гробах, привязав к безрадостным регионам Старого света, вроде Трансильвании или Англии. Когда умер старый, злобный колдун, им больше не было нужды оставаться на этой истощённой плантации. Они

распространились по миру.

Первые вайперы в Калифорнии были элегантными европейскими хищниками, купающимися в вековом богатстве, и с острым ощущение жажды крови. В начале 60-х они скупали недвижимость, киностудии, агентства по талантам (на что намекалось в прорве киношуток), апельсиновые рощи, французские рестораны, виллы на берегу океана, дочерние и основные компании. Потом они начали проявляться: американские вампиры, новорождённые в дикую полоску. Как раз когда я бросил работу частного детектива во второй раз, внезапно во всём городе объявились обескровленные досуха трупы, ибо разразившаяся подпольная война вышла на поверхность. По какой-то причине иссушенные трупы часто сваливали на гольф-площадках. Вайперы порождали других вайперов, но они также порождали убийц самих вайперов — включая такого известного гуманиста, как Чарльз Мэнсон — и создавали новые сегменты индустрии развлечений. Вкусовые запросы вампиров открывали совершенно новые возможности для мясников и рыбаков.

Когда началась эскалация Вьетнамской войны, на вампирском фронте наступило затишье. Прошёл слух, что старшие среди них начали

безжалостно преследовать нарушителей своих законов. Кроме того, копов больше тревожили уклонисты от призыва и протестанты-мирники. Сегодня вампиры просто ещё один ингредиент во фруктовом пироге Лос-Анджелеса. На Стрипе открылись мавзолеи на сто гробов, предлагая за пять баксов в сутки укрытие от солнца. Полоску в Бей-сити, окружённую пересохшими каналами, начали называть Малой Карпатией, гетто для бедных сосателей, которые не дорвались до замков и недвижимости в Беверли-Хиллс. Я ничего не имею против вайперов, кроме засевшего до самых печёнок глубокого до мурашек по телу недоверия, которое для любого представителя моего поколения — парней, побывавших на второй мировой — невозможно подавить до конца. Однако, смерть Линды поразила меня сильнее, чем мне показалось, как могучий, вплоть до прободающей язвы, удар под вздох. Десять лет спустя моей последней отставки я снова оказался на войне.

Чтобы отпраздновать год двухсотлетия, я перебрался из Пудл-Спрингс назад в мою старую квартиру в Лос-Анджелесе. Я стал ближе к барменам и практикующим медикам, которые были моими единственными клиентами. В те дни я мотался

по городу, надоедая молодым профессионалам с делом Стернвуда[4] или делом Леди-из-озера[5], выполняя лёгкую работу по субконтрактам для Лью Арчера[6] — копаясь в семейных процессах местных судов — или для Джима Рекфорда[7]. Все копы, которых я знал, ушли в отставку, умерли, либо были с позором вычищены шефом полиции Эксли, и у меня не осталось никаких контактов с офисом ПО после финального удара Берни Олса[8]. Я сознавал, что являюсь реликтом, но пока мои лёгкие и печёнка в состоянии работать по крайней мере восемь часов в день, я решил не быть реликтом трясущимся.

Я серьёзно пытался сократить «Кэмел», однако ущерб уже был нанесён в счастливые пыхтящие сороковые, когда никто за пределами сигаретной

---

[4] Примечания: 4

Делом Стернвуда занимается частный детектив Филип Марлоу в романе Реймонда Чандлера «Вечный сон» и в одноимённой экранизации 1946 г., в которой главную роль исполнил Хэмфри Богарт (*здесь и далее прим. верстальщика*).

[5] Примечания: 5

«Леди в озере» — роман Реймонда Чандлера в жанре «крутого детектива» и его экранизация, фильм-нуар 1947 г.

[6] Примечания: 6

Главный герой произведений Росса Макдональда, калифорнийский частный сыщик.

[7] Примечания: 7

Джим Рокфорд — заглавный герой детективного телесериала 1974–1980 гг. «Досье Рокфорда» («The Rockford Files»), бывший полицейский.

[8] Примечания: 8

Персонаж цикла романов Р. Чандлера о Филипе Марлоу, следователь прокуратуры.

промышленности не знал, что никотин для вас хуже героина. Я говорил народу, что меньше пью, но в действительности никогда не вёл подсчётов. Были времена, похожие на сегодня, когда скотч оставался единственным солдатом, способным завершить миссию.

* * *

Джуниор за разговором пил быстрее, чем я. На его светло-коричневом костюме легче проступали пятна от пролитого, и костюм был такой грязный, словно он высох, сморщиваясь и натягиваясь прямо на уродливой фигуре владельца. На груди рубашки торчали нитки там, где он за что-то зацепился.

После повторной женитьбы на женщине по возрасту ближе к Ракель, чем к Линде, присутствие Джуниора в жизни своей экс-жены и дочери (экс-дочери?) таяло. Не могу сказать, сколько в его истории было из собственного опыта, а сколько просочилось из того, что рассказали ему другие. Не было новостью, что Ракель связалась с другой дурной компанией, под названием «Уравнение Анти-Жизни». Не все они были вайперами, говорил Джуниор, но некоторые их заводилы были точно. Ракель, похоже, спаслась от того, чтобы

быть укушенной. Не то, чтобы я хотел это знать, но сама история явно не была для меня сюрпризом. С приятелем-мотоциклистом, который ходил под именем «Небесный Блюз», но любил, чтобы друзья называли его «мистер президент», она выставляла напоказ коллекцию синяков, которые не казались ведущими происхождение от неудачного падения с заднего сидения его мотохряка. С точки зрения налоговой службы «Уравнение Анти-Жизни» это нечто среднее между религией и политикой. Я никогда о нём не слышал, но невозможно быть в курсе всех последних культов.

Два дня назад в своём офисе — Джуниор притворялся, что руководит компанией, хотя ничего, кроме скрепок, в руках не держал — он разговаривал по телефону с дочерью. Ракель говорила возбуждённо и испуганно, объявила, что порвала с УАЖ, который хотели принести её в жертву какому-то пожилому вампиру. Ей нужны были деньги — тот же старый рефрен посетил меня снова — чтобы рвануть на Гавайи, или, странным образом, на Филиппины (она думала, что в католической стране будет в большей безопасности, откуда следует, что она никогда ни в одной из них не бывала). Джуниор, тюфяк по характеру, выписал было чек, но его новая жена, элегантная

куколка, уговорила не посылать его. Прошлой ночью Ракель снова позвонила ему домой, на сей раз в истерике, с визгом, воплями и другими шумовыми эффектами. Они пришли за ней, кричала она. Потом звонок прервался.

К его чести Джуниор игнорировал свою законным образом замужнюю стюардессу и поехал в дом Линды в Пудл-Спрингс, тот самый большой дом, где мне было так неуютно. Он обнаружил, что все двери стоят нараспашку, дом основательно захламлён, и никаких следов Ракели. Линда оказалась лежащей на дне плавательного бассейна в форме почки, вся искусанная, с белыми глазами. Чтобы убийство было понадёжнее, кто-то пронзил ей лоб железной пикой. Над нею плавал крокетный молоток. До меня дошло, что он прямо в одежде спустился в бассейн и вытащил Линду. Строго говоря, это было осквернением места преступления, но я стал бы последним, кто пошёл бы на него жаловаться.

Он вызвал копов, которые очень встревожились. Потом он поехал в город, чтобы повидаться со мной. Не мне говорить, можно ли это квалифицировать умным ходом или нет.

* * *

— «Уравнение Анти-Жизни»? — спросил я Джуниора, снова чувствуя себя дураком. — Не всплывали какие-нибудь имена?

— Не уверен даже, что они называются именно так. Ракель почти всегда говорила просто УАЖ. Их гуру, или набоб, или как там его, называл себя хиппи-Распутиным. Один из них, из вайперов. Его зовут Хорда. Кто-то из руководителей студий, Трегер, или Милл, или одни их тех ребят помоложе, может, Брукхаймер, иногда подкармливал Хорду деньгами, но всё это было так-так. Насколько мне известно они прежде никогда и никого не убивали.

Джуниор снова заплакал и обхватил меня руками. От его смятой рубашки несло хлоркой. Я чувствовал, как он всем весом навалился на меня и боялся, что свалюсь и совсем тогда не смогу ему помочь. Нынче мои кости стали хрупкими. Я похлопал его по спине, отчего ни один из нас не почувствовал себя лучше. Но по крайней мере он меня отпустил и вытер лицо ещё влажным платком.

— Наши полицейские — прекрасные люди, — сказал он. Я не стал спорить. — В Пудл-Спрингс

наименьший уровень преступности в штате. Мой любой контакт с ДППС был радушным и меня всегда впечатляла их эффективность и вежливость.

Сотрудники департамента полиции Пудл-Спрингс были настоящими тиграми, когда дело касалось поисков заблудившихся котят и благоразумного удаления пьяных бывших мужей с ярко освещённых лужаек перед домом. Можете мне в этом поверить.

— Им не так хорошо удаются расследования убийств, — сказал я. — Или дела о вампирах.

Джуниор кивнул:

— Это так. Не удаются. Я понимаю, ты в отставке. Боже мой, я представить не могу, какой ты старый. Но ты знаешь эту работу. Линда говорила мне, как ты всё умеешь, когда рассказывала о деле Уэйда-Леннокса[9]. А я даже представить не могу, с чего начать разгребать это месиво. Ты должен помочь мне ради неё. Ракель ещё жива. Её убили вместе с матерью. Они её просто увели. Я хочу назад мою маленькую девочку, живой и невредимой. Полиция не знает Ракель. То есть они-то знают… и в этом вся проблема. Они говорят, что относятся к похищению серьёзно, но я-то

---

[9] Примечания: 9

Дело Уэйда и Леннокса расследуется в романе Р. Чандлера «Долгое прощание» и одноимённом фильме 1973 г.

вижу по их глазам, что они знают о Ракель, о байкерах и о хиппи. Они думают, она просто сбежала с очередной кодлой уродов. Что Ракель вообще была в доме, для них — это всего лишь мои слова. А я всё думаю о моей маленькой девочке, о том, что песок уже высыпается. Песок пустыни. Ты должен нам помочь. Просто должен.

Я не стал давать обещаний, но начал задавать вопросы.

— Ракель говорила, что УАЖ хочет принести её в жертву. Что, хотели бросить в жерло вулкана, чтобы умилостивить богов?

— Они говорила по-разному. Например, «вознести». Но все эти слова означают «убить». Кровавое жертвоприношение, вот чего она боялась. Эти вайперы хотели крови моей девочки.

— Джуниор, я обязан спросить, поэтому не возмущайся. Ты уверен, что Ракель сама не является частью всего этого?

Джуниор сжал кулаки, словно мальчик, которого стукнул другой, но вполовину меньше ростом. Потом смысл сказанного дошёл до его разума. Я не занимался догадками, как ДППС, я задал важный вопрос, вынуждая его ответить мне честно.

— Если б ты слышал, как она говорит по телефону, ты понял бы. Она была в ужасе. Помнишь,

она когда-то хотела быть актрисой? Загорелась всем сердцем, изводила себя уроками, ходила на кинопробы? Ей было тогда сколько: одиннадцать или двенадцать? Умная до чёрта, но под прожекторами каменела. Она не актриса. Она ничего не может изобразить. Она не может сказать ложь, чтобы это не было написано у неё на лбу. Ты знаешь про это так же хорошо, как и я. Моя дочь отнюдь не совершенная личность, но она ещё просто ребёнок. Она ещё образумится. В ней такой же железный стержень, как в её мамочке.

Я обдумал сказанное. Смысл в нём был. Единственный человек, которого Ракель удавалось обдурить, был её отцом, да и то потому, что он позволял себя обманывать из чувства вины. Она никогда бы не пришла ко мне за деньгами на бензин, если б Джуниор всё ещё поддавался на любое хныканье своей принцессы. И в другом он был прав — я видел игру Ракель Ольрич (которая хотела называться Амбер Валлентайн), и актрисой она была попросту никчёмной.

— Хорда, — сказал я более себе, чем Джуниору. — Начну с него. Я сделаю, что смогу.

* * *

Мохаве-Веллс едва ли пробуждались к жизни после наступления сумерек и когда светловолосая вайперша выскользнула из тьмы пустыни, все четыре живые существа в забегаловке — мама и папа за стойкой, дальнобойщик и я на табуретах — повернулись взглянуть. Она улыбнулась, словно привыкла к повышенному вниманию, но считала себя недостойным его, и зашагала между пустых столиков.

Девушка носила шёлковое белое миниплатье, застёгнутое на бёдрах переплетёнными стальными кольцами, голубой шарф, скрепляющий волосы, квадратные чёрные солнечные очки. Перемещаясь из пурпурных сумерек в чуть шипящий бело-голубой неоновый свет, её кожа показалась белой почти до обесцвеченности, но губы естественного ярко-алого цвета, волосы очень светлые. Она могла быть возраста Ракель, но с той же вероятностью ей могло быть и несколько сотен лет.

Я приехал в пустыню, чтобы найти вампиров. Здесь появилась одна.

Она уселась на краю стойки отдельно от нас. Я украдкой бросил взгляд. Она сидела на фоне

надписи на оконном стекле: «Вайперов не обслуживаем.» Мама и папа — наверное, моложе меня, вынужден я признать — не пробовали выбить из-под неё табурет, но и не спрашивали, что ей подать.

— Дайте маленькой леди всё, что она захочет и внесите в мой счёт, — сказал дальнобойщик. Несколько квадратных дюймов его лица, не заросших бородой цвета соли с перцем, были покрыты обветренной кожей, текстурой и цветом напоминающей его же ковбойскую шляпу.

— Спасибо, но за себя я могу заплатить сама.

Голос был нежным и чистым со слабой тенью какого-то акцента. Итальянского, испанского или французского.

— РУ, ты же знаешь, мы не обслуживаем вайперов, — сказала мама. — Не обижайтесь, мэм, вы выглядите достаточно мило, но у нас здесь побывали и плохие экземпляры. И даже из самого замка.

Мама жестом показала на объявление и девушка повернулась на своём табурете. Она действительно заметила надпись только сейчас и щёки её залил очень слабый румянец.

Почти извиняющимся тоном она высказала предположение:

— Вероятно, у вас нет такой еды, в которой я нуждаюсь?

— Нет, мэм, такой нет.

Она соскользнула с табурета и выпрямилась. Облегчения явственно проступило на маме, словно пот.

Дальнобойщик РУ потянулся к гибкой, обнажённой руке вайперши по причине, которую, мне кажется, он не смог бы объяснить и сам. Он был громадным мужиком, но совсем не медлительным в движениях. Тем не менее, когда в его башке вспыхнула идея её потрогать и когда его пальцы оказались там, где должна была находиться девушка, она оказалась в другом месте.

— Недотрога, — прокомментировал РУ.

— Не обижайтесь, — ответила она.

— У меня есть еда, в которой вы нуждаетесь, — сказал дальнобойщик, подымаясь. Он почесал горло сквозь бороду.

— Я не настолько голодна.

— Человек может принять это за невежливость.

— Если вы знакомы с этим человеком, передайте ему мои соболезнования.

— РУ, — обратилась мамочка, — займись этим снаружи. Я не хочу неприятностей в своём за-

ведении.

— Я ухожу, — сказал РУ, бросая доллары возле кофейной кружки и освобождая помещение. — Буду иметь честь встретиться с вами на стоянке, мисс Недотрога.

— Меня зовут Женевьева, — ответила она.

РУ нахлобучил свою ковбойскую шляпу. Вайперша молниеносно метнулась к нему и прикоснулась ко лбу. Эффект был несколько похож на ущемление вулканического нерва. Свет ушёл из его глаз. Она ловко усадила его за столик, словно тряпичную куклу. Из верхнего кармана его джинсовой куртки выпал жёлтый игрушечный утёнок и стукнулся о пластиковую бутылку кетчупа, словно в ритуале свидания.

— Извините, — сказала она, ни к кому непосредственно не обращаясь. — Мне пришлось бы довольно долго ехать, и я не смогла бы устоять, чтобы не искалечить этого человека. Надеюсь, вы объясните ему это, когда он очнётся. Голова будет побаливать несколько дней, однако пакет со льдом поможет.

Мама молча кивнула. Папа держал руки под стойкой, очевидно на дробовике или на бейсбольной бите.

— За любые обиды, причинённые моими соро-

дичами в прошлом, я приношу свои извинения. Хотя сделаю маленькое замечание. В вашем объявлении стоит слово «вайпер». Путешествуя на запад, я слышу его всё чаще и чаще, и оно кажется мне оскорбительным. Мне кажется, вариант: «Еда для вампиров не подаётся» — прекрасно выразит вашу мысль, не провоцируя менее воспитанных вайперов, чем я.

Она насмешливо-серьёзно посмотрела на пару, улыбнувшись с намёком на клыки. Папа достал свой спрятанный усмиритель и я напрягся, ожидая чего-нибудь огнестрельного. Но он извлёк безвкусное распятие Дня усопших на электрошнуре: Христос со сверкающими глазами в терновом венце из остроконечных лампочек.

— Привет, Иисус, — сказала Женевьева, потом, обращаясь к папочке, добавила: — Простите, сэр, но я девушка не того сорта.

Она снова проделала своё молниеносное движение и оказалась у двери.

— Не хотите ли забрать свой трофей? — спросил я.

Она повернулась, впервые посмотрев на меня и сняла очки. Красно-зелёные, словно неоновые, глаза. Я понял, зачем она надевает тёмные линзы. Иначе за ней потянется целый хвост загипноти-

зированных.

Я поднял игрушку вверх и нажал. Она крякнула.

— Резиновый Утёнок, — почтительно сказала мамочка. — Это название его грузовика.

— Ему потребуются новые инициалы, — сказал я.

Я бросил утёнка через комнату, и Женевьева схватила его в воздухе, словно ангела в полёте. Она попробовала крякнуть. Засмеявшись, она выглядела в точности, как выглядела бы Ракель. Не просто невинно, но одновременно смешно и торжественно.

РУ начал постанывать во сне.

— Я могу проводить вас до машины? — спросил я.

Она на мгновение задумалась, измерив меня, как потенциального гериатрического утёнка, и приняла моментальное решение в мою пользу, самое большое моё поощрение с тех пор, как Кеннеди был в Белом доме.

Я дошёл до неё через всю забегаловку, даже ни разу не запнувшись.

* * *

Я прежде ни разу не разговаривал с вампиром. Она прямо мне сказала, что ей больше пятисот пятидесяти лет. В мире людей она жила за сотни лет до того, как Дракула изменил законы. По её лицу я бы поверил, если б она сказала, что родилась под сенью Спутника и что её амбиции простираются вплоть до того, чтобы стать бывшей женой Роже Вадима.

Мы стояли на Мейн-стрит, где её ярко-красный «плимут-фьюри» был запаркован рядом с моим «крайслером». Несколько видневшихся поблизости домов и магазинов были наглухо закрыты ставнями, словно во время воздушного налёта. Единственное место в городке, куда можно было войти, была эта забегаловка, да и та уже тоже закрывалась. Я заметил ещё несколько изукрашенных распятий, прибитых над каждой дверью, словно шёл религиозный праздник. Мохаве-Веллс опасался своих новых соседей.

Женевьева ехала с Восточного побережья на Западное. Как это ни обидно, но забегаловка оказалась первым за многие часы пути местом, где она столкнулась не с дорожными налоговыми службами. Поэтому она ничего не знала ни об

«Уравнении Анти-Жизни», ни о Мандерли, ни о замке, ни о вайпере по имени Хорда, уж не говоря о Ракель Ольрич.

Но она была вампиром, а всё дело было связано с вампирами.

— Зачем все эти вопросы? — спросила она.

Я рассказал ей, что работаю детективом. Показал свою лицензию, сохраняемую мной, чтобы выполнять по крайней мере работу по субконтрактам, она попросила показать оружие. Я распахнул пиджак и показал кобуру под мышкой. Я надел её впервые за много лет и от тяжести «смит-вессона» 38 калибра разнылось моё плечо.

— Вы частный детектив? Прямо как в кино?

Она не была исключением. Все это спрашивают.

— Мы в Европе смотрим кино, вы понимаете? — сказала она. Ветер пустыни пытался забраться под её шарф, и она придерживала его руками. — Вы не можете сказать мне, зачем вы задаёте мне все эти вопросы, потому что у вас есть клиент, не правда ли?

— Нет, не так, — ответил я. — Есть человек, который, наверное, думает, что он мой клиент, но я делаю это для себя. Ради женщины, которая мертва. По-настоящему мертва.

И я рассказал ей всю историю, в том числе обо мне и Линде. Звучало почти как исповедь. Она слушала хорошо, задавая лишь умные вопросы.

— Почему вы приехали сюда? В эту… как зовут деревушку?

— Мохаве-Веллс. Он называет себя городом.

Мы огляделись на улице и рассмеялись.

— Там, в пустыне, — объяснил я, — стоит замок Мандерли, по кирпичику перевезённый из Англии. Верите ли, но это плохой дом. В двадцатых годах знаменитый грабитель по имени Ноа Кросс захотел купить знаменитый Мандерли — тот, что позднее сгорел, — и послал в Европу агентов, чтобы заключить сделку. Они вернулись, привезя весь замок в разобранном виде. Кросс ещё складывал головоломку, но впал в безденежье и продал его назад первоначальным хозяевам, которые эмигрировали в США от войны. В сороковых там произошло убийство, но к этому делу я не имел никакого отношения. Это было одно из тех дел с запертыми комнатами, с отравлениями в стиле Борджа и оспариваемым завещанием. Забавный маленький китаец родом с Гавайских островов[10] разгадал это дело, собрав всех подо-

[10] Примечания: 10

Чарли Чан, главный герой цикла романов Эрла Биггерса, полицейский из Гонолулу.

зреваемых в библиотеке. Замок был заброшен, пока секта поклонников луны не набрела на него в шестидесятых, основав коммуну лунатиков. Сейчас надо ехать туда, если хочешь найти «Уравнение Анти-Жизни».

— Просто не верится, что кто-то мог назвать себя так.

Мне понравилась эта девушка. У неё был правильный взгляд на вещи. Меня, правда, удивило, что я это признал. Она ведь вайпер-кровосос, верно? Разве Ракель не боялась того, что её предназначили в жертву старшему вампиру? Описанию соответствует некто, рождённый в 1416 году. Мне хотелось ей верить, но рассказ мог оказаться просто хитростью. Я уже попадался на такое. Да и любого спросите.

— Я ковырялся в грязном белье УАЖ несколько дней, — сказал я, — и они не намного свихнутее остальных психов. Если у них и есть философия, то Хорда её полностью выражает. Он состряпал альбом фольк-рока «Мастер Смерть». Я купил его за девяносто девять центов и почувствовал себя одураченным. «Кровь хлебать / Как я рад…», всё в таком духе. Говорят, он из Европы, но никто не знает откуда в точности. Весёлая компания УАЖ включает в себя леди-дракона по имени

Даяна Ле Фаню, которая, возможно, фактически владеет замком, и Л. Кейта Уинтона, который выступал автором развлекухи для «Удивительных историй», но основал новую религию, где вовлечённые верующие должны отдавать ему все свои деньги.

— Такая религия не нова.

Я ей поверил.

— Что вы хотите делать теперь? — спросила она.

— В том, что касается следов, этот городишко мёртв. В этом отношении мертвы и все остальные. Думаю, мне надо вернуться к скучному старому бизнесу — подойти к замку и постучать в ворота, спрашивая, не держать ли они в застенке дочь моей бывшей жены. Предполагаю, что все они давно смотались. Оставив труп в Пудл-Спрингс, они должны были догадаться, что закон их в конце концов выследит.

— Мы могли бы найти там что-нибудь, что подскажет нам, где они сейчас. Какой-нибудь ключ.

— Мы?

— Я ведь тоже детектив. Или, точнее, была. Наверное, лучше сказать, помощником детектива. Я не тороплюсь добраться до океана. А вам нужен кто-нибудь понимающий в вампирах. Кто-то

хорошо понимающий.

— Вы предлагаете мне помощь? Я не настолько древен, чтобы не постоять за себя.

— Зато я древняя. Не в ваш адрес сказано, однако новорождённый вампир может разорвать вас на куски. И скорее всего, новорождённый может быть настолько глуп, чтобы этого захотеть. Они в основном похожи на приятеля РУ, они разрываемы противоречивыми импульсами и упиваются своими новыми способностями получать то, что пожелают. Когда-то и я была такой, но теперь я старая мудрая леди.

И она крякнула мне утёнком.

— Мы поедем на вашей машине, — сказал я.

* * *

Замок Мандерли оправдывал своё имя. Зубчатые башенки, окна-бойницы для лучников, развалины укреплений, подъёмный мост, даже затхлый искусственный ров. Его медленно затоплял песок, а главная башня заметно даже для невооружённого глаза на несколько градусов отклонялась от вертикали. Ноа Кросс сэкономил на бетонном фундаменте. Я не удивился бы, если б его креатура, ошибочно принявшая эту кучу хлама за настоящий замок Мандерли, не валя-

лась где-нибудь поблизости с хорошей пулей в черепе.

По мосту мы въехали во двор, ставшей стоянкой автобуса Фольксваген, разукрашенного светящимися во тьме зубастыми дьяволами, парочки грузовых пикапчиков со стойками для винтовок, неизбежных «харлеев-дэвидсонов» и целой флотилии самодельных песчаных багги с отделкой в форме крыльев летучей мыши и громадными фонарями «красный глаз».

Играла музыка. Я узнал композицию Хорды: «Большая летучая мышь в высокой чёрной шляпе.»

«Уравнение Анти-Жизни» находилось дома.

Я попытался выбраться из Плимута. Женевьева вылезла их водительской дверцы и в одно мгновение обошла вокруг (а, может, сверху) машину, открыв дверцы для меня, словно я был её прапрабабушкой.

— Там хитрая ручка, — сказал она, но лучше я себя не ощутил.

— Если вы попробуете и дальше мне помогать, я вас пристрелю.

Она отступила, подняв руки вверх. Как раз в эту секунду пожаловались на жизнь мои лёгкие. Я слегка закашлялся, да так, что красные огни

погасли в моих глазах. Я выхаркал нечто поблёскивающее и сплюнул на землю. Плевок был красен от крови.

Я посмотрел на Женевьеву. Она глядела ровно, сдерживая эмоции.

Это была не жалость. Это всё кровь. Запах крови влияет на её рефлексы.

Я вытер рот, как мог небрежнее пожал плечами и выпрыгнул из машины, как чемпион. Я даже захлопнул за собой дверцу, хитрая там ручка или нет.

Чтобы показать, какой я бесстрашный, насколько я не боюсь отвратительной смерти, я закурил «Кэмел» и наказал свои лёгкие за то, что они опозорили меня перед девушкой. Я наполнил их дымом, которым окутывал себя с тех пор, как был ещё ребёнком.

Гробовые гвоздики, так называли их тогда.

Мы побороли наши отрицательные эстетические импульсы и зашагали в сторону доносящейся музыки. Я чувствовал, что надо было бы привести толпу жителей Мохаве-Веллс с пылающими факелами, заострёнными кольями и посеребрёнными серпами.

— Какая замечательная пара дверных колец, — сказала Женевьева, кивая на громадную

квадратную дверь.

— Там только одно, — ответил я.

— Вы, наверное, не смотрели «Молодого Франкенштейна»?

Хотя она сказала, что у них в Европе есть кино, я почему-то не поверил, что вайперы (нет, вампиры, мне надо бы привыкать называть их так, если я не хочу, чтобы в одну прекрасную ночь Женевьева разорвала бы мне горло) имеют привычку назначать свидания в местных пристанищах страсти. Очевидно, неумирающие, как и все другие, тоже читают журналы, покупают нижнее бельё, ворчат по поводу налогов и решают кроссворды. Хотел бы я знать, играет ли она в шахматы?

Она взялась за кольцо и замолотила так, что проснулись бы мёртвые.

В конце концов дверь открыла пожилая птица, одетая, как английский дворецкий. Руки его были угловаты от артрита, и не мешало бы ему побриться.

Музыка милосердно прервалась.

— Кто там, Джордж? — гулко пробухал голос из замка.

— Визитёры, — прокаркал Джордж-дворецкий. — Вы же визитёры, не так ли?

Я пожал плечами. Женевьева излучила улыбку.

Дворецкий был потрясён. И задрожал в благоговейном ужасе.

— Да, — сказала она, — я вампир. И я очень-очень старый вампир, и очень-очень голодный. А теперь, не пригласите ли вы нас войти? Я не могу пересечь порог, пока вы этого не сделаете.

Не знаю, разыгрывала ли она его.

Джордж хрустнул шеей и показал на песчаного цвета половичок под ногами. На нём крупно было написано: «ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ».

— Это годится, — признала она. — Многим следовало бы завести такие половички.

Она шагнула внутрь. Чтобы последовать за ней, мне особое приглашение не понадобилось.

* * *

Джордж проводил нас в большой зал. Как все недавно возникшие культы, УАЖ имело алтарь с тронами для шишек и холодные каменные плиты с отдельными милосердными ковриками для преданных простаков.

На самом глыбистом троне восседал Хорда, вампир с загнутыми клыками, сильно похожий на длинноволосого со спутанной бородёнкой

хиппи и даже с электрогитарой. Он был одет в яростного цвета оранжево-пурпурный кафтан, а вся грудь была увешана ожерельями из бус, украшениями-черепами с брильянтовыми глазками, новомодными пластиковыми летучими мышами, военными медалями Австро-Венгрии, перевёрнутыми распятиями, висел бэджик «Никсон в 72», висели золотые листочки марихуаны и засохший человеческий палец. Рядом сидела призрачно-тощее видение в вельвете, в котором я предположил Даяну Ле Фаню, заявлявшую — как и множество других вайперов, — что она самый первый калифорнийский вампир-переселенец. Я обратил внимание, что она благоразумно держала в ушах маленькие рубинового цвета затычки.

У ног этих божественных существ находилась толпа молодых людей обоих разновидностей, все с длинными волосами и с клыками. Некоторые в белых хламидах, другие стояли нагими. У некоторых торчали пластиковые клыки из магазинов игрушек, у других клыки были настоящими. Я просканировал взглядом конгрегацию и сразу заметил Ракель, коленопреклонённо стоявшую на голом камне с глазами, застланными красным туманом, в подоткнутой хламиде. Она раскачивалась своим зрелым телом в такт музыке, которую

Хорда уже перестал играть.

Признаю, что дело разрешилось слишком легко. Я снова начал пересматривать данные, разбирая из на части у себя в голове и заново складывая кусочки в новый рисунок. Получалась какая-то бессмыслица, но в конце столетия такое едва ли было новостью.

Порхая, словно волшебник из страны Оз, между возвышением с троном и толпой поклонников, метался толстый вампир в костюме 1950-х годов и в шапочке для гольфа. Я узнал Л. Кейта Уинтона, автора «Роботов-рейнджеров туманности Гамма» (1946) и других произведений серьёзной литературы, включая книгу «Плазматика: Новое Общество» (1950) — основной текст Церкви Иммортологии. Если здесь и существовала некая сила, стоящая позади трона, то это был именно он.

— Мы пришли за Ракель Ольрич, — объявила Женевьева. Вероятно, сказать это следовало мне.

— Никто с таким именем не проживает среди нас, — прогремел Хорда. Голос у него был сильный.

— Я вижу её здесь, — сказал я, указывая.

— Сестра Красная Роза, — сказал Хорда.

Он протянул руку в её сторону. Ракель встала.

Она двигалась, словно сама не своя. И зубы у не были не игрушечные. У неё торчали настоящие клыки. Они ещё плохо сидели во тру, отчего он выглядел словно плохо залеченная красная рана. Красные глаза опухли.

— Вы её превратили, — сказал я, разозлившись до печёнок.

— Сестра Красная Роза была возвышена до вечности.

Рука Женевьевы легла на моё плечо.

Я подумал о Линде, чья кровь вытекла в бассейне, о пике у неё во лбу. Мне захотелось дотла сжечь этот замок и засеять пустырь чесноком.

— Я — Женевьева Дьедонне[11], — объявила она, представляясь.

— Добро пожаловать, старшая леди, — сказала Ле Фаню. Но добра в её глазах для Женевьевы не светилось. Она сделала жест, развернувший похожие на перепонки вельветовые рукава. — Я — Даяна Ле Фаню. А это Хорда, Мастер Смерть.

Женевьева взглянула на гуру-вайпера.

— Генерал Йорга, не так ли? Последний из карпатской гвардии. Мы встречались в 1888 во дворце принца-консорта Дракулы. Вы не помни-

---

[11] Примечания: 11
Главная героиня цикла романов Джека Йовила.

те?

Хорда-Йорга, похоже, совсем не был счастлив.

Я понял, что он сидит в парике и с фальшивой бородой. Возможно, он и обладал бессмертием, но юность его давно миновала. Я видел в нём пузатого смешного мошенника. Он был один из тех старших, что ходили среди лизоблюдов Дракулы, но растерялись в мире без Короля Вампиров. Даже для Калифорнии он являл собой печальную картину.

— Ракель, — сказал я. — Это я. Твой отец хочет…

Она выплюнула шипящую кровавую пену.

— Будет лучше, если этой новорождённой будет позволено удалиться с нами, — сказала Женевьева, но не Хорде, а Уинтону. — Тут небольшое дельце с обвинением в убийстве.

Пухлое, мягкое, розовое лицо Уинтона задрожало. Он гневно посмотрел на Хорду. Гуру затрясся на своём троне и прогудел что-то невнятное.

— Убийство, Хорда? — спросил Уинтон. — Убийство? Кто сказал тебе, что мы можем позволить себе убийство?

— Ничего такого не было, — сказал Хорда-Йорга.

Мне хотелось пропороть его чем-нибудь. Но я

подавил свой гнев. Он слишком боялся Уинтона, не того человека, которого воспринимаешь как непосредственную угрозу, но, очевидно, верховную шишку в УАЖ.

— Забирайте девушку, — сказал мне Уинтон.

Ракель завыла в гневе и отчаянии. Я не знал, тот ли она человек, за которым мы пришли. Насколько я понимаю, некоторые вампиры после обращения полностью меняются, их предыдущая память выгорает, становится печальным белым пятном, заново рождаясь со страшной жаждой и бешеной хитростью.

— Если она убийца, то мы её не хотим, — сказал Уинтон. — Еще нет.

Я приблизился к Ракель. Другие культисты отшатнулись от неё. Её лицо задвигалось, то раздуваясь, то разглаживаясь, словно прямо под кожей ползали плоские черви. Зубы как-то смешно удлинились, стали толстыми кочерыжками заострённой кости. Губы порваны и разбиты.

Когда я попытался прикоснуться к ней, она зашипела.

Эта ли девушка в муках обращения бросилась питаться кровью собственной матери, Линды, да зашла слишком далеко, сделав больше, чем намеревался её человеческий разум, насыщаясь до тех

пор, пока не утолила свою вайперскую жажду?

Я слишком хорошо представил себе эту картину. Я пытался совместить её с тем, что рассказал мне Джуниор.

Он клялся, что Ракель невинна.

Но его дочь никогда не была невинной, ни как теплокровная личность, ни теперь, как новорождённый вампир.

Женевьева шагнула ближе к Ракель и смогла обхватить её рукой. Она что-то зашептала в ухо девушки, уговаривая уйти, заменяя в её разуме Мастера Смерти.

Ракель сделала свои первые шаги. Женевьева помогала ей. Потом Ракель встала, словно натолкнувшись на невидимую стену. Она посмотрела на Хорду-Йоргу с болью от его предательства во взгляде, и на Уинтона с тем умоляющим выражением, которое я хорошо понял. Ракель всё ещё оставалась собой, все пытаясь вымолить любовь у недостойных мужчин, всё ещё отчаянно стремясь выжить среди прорастающих в ней нитей злобы.

Её внимание отвлек странный звук. Она сморщила нос.

Женевьева достала своего резинового утёнка и крякнула им.

— Вперед, Ракель, — сказала она, обращаясь к ней, как к счастливому щенку. — Приятная штучка, хочешь её?

И она снова крякнула.

Ракель попыталась улыбнуться своей чудовищной улыбкой. На её щеке проступила маленькая капелька крови.

Мы уходили из «Уравнения Анти-Жизни.»

* * *

Джуниор испугался собственной дочери. Да и кто бы не испугался.

Я снова был в Пудл-Спрингс, не там, где мне хотелось бы быть. Жена Джуниора с треском удалилась, в ярости на то, что эта последняя драма развивается не вокруг неё. Их дом был декорирован в дорогой, но уродливой, псевдоиспанской манере, в так называемом стиле ранчо, хотя на их земле не водился скот и не росли посевы.

Женевьева спокойно сидела на длинном сером диване Джуниора. Она смотрелась здесь, словно статуя каррарского мрамора на дешёвой распродаже в районе Табачной дороги. Я налил себе скотча.

Отец и дочь смотрели друг на друга.

Ракель сейчас уже не была таким страшили-

щем. Женевьева привезла её сюда, следуя моим указаниям. По дороге старшая вампирша каким-то образом передала новорождённой свои ноу-хау, помогая преодолевать шок превращения. У Ракель клыки теперь были обычного размера, а кровавый туман в глазах стал всего лишь намёком. На воздухе она поэкспериментировала с вновь приобретённой скоростью, шевеля руками так быстро, что казалось их вовсе нет.

Но Джуниор был в страхе. Тяжёлое молчание пришлось нарушить мне.

— Вот как всё было, — начал я приводить всё в порядок. — Вы оба убили Линду. Разница лишь в том, что один из вас принёс её назад.

Джуниор закрыл лицо и упал на колени.

Ракель стояла над ним.

— Присоединившись к этой толпе в пустыне, Ракель превращалась много недель. Она чувствовала, как они обрабатывают её разум, заставляя её стать часть гарема или армии рабов. Ей нужен был кто-то сильный, стоящий на её стороне, а от папочки толку не было. Поэтому она пошла к самой сильной личности в своей жизни и сделала её ещё сильнее. Она просто не смогла закончить дело до того, как в дом заявилось «Уравнение Анти-Жизни». Она позвонила тебе, Джуниор, как

раз перед тем, как погибнуть, сделавшись частью их семьи. Когда ты добрался до дома, всё было так, как ты рассказал. Линда лежала на дне плавательного бассейна. Но она пошла туда, чтобы закончить превращение. Ты даже не слишком лгал мне — она было мертва. И ты взял молоток и пику — откуда она, не из теннисной ли сетки? — и сделал её мёртвой уже по-настоящему. Говорил ли ты себе, что делаешь это ради неё, чтобы она покоилась с миром? Или потому, что ты не хотел оставаться в городе — в мире — с ещё более сильной Линдой Лоринг? Она же была бойцом. Спорю, она боролась с тобой.

На его запястьях были глубокие царапины, наподобие тех прорех на рубашке, что заметил прошлым вечером. Если б я был детективом типа «собери-всех-подозреваемых-в-библиотеке», я сразу обратил бы внимание на эту подробность.

Некоторое время Джуниор рыдал. Потом, так как никто не собирался его убивать, он развернулся и взглянул вверх с оттенком отталкивающего лукавства.

— Всё законно, ты же знаешь, — сказал он. — Линда была мертва.

Лицо Женевьевы было холодным. Я знал, что калифорнийские законы не признают статуса

немёртвых. Пока не признают. На этом вопросе сосредоточено достаточно вампиров-адвокатов, чтобы закон вскоре изменился.

— Это объяснение для копов, — сказал я. — Милые люди. Ты всегда восхищался их эффективностью и вежливостью.

Под следами от слёз Джуниор побелел. Дело об убийстве за такое не возбудят, но Токио и Эр-Рияд не захотят привлекать внимания к данной истории. Поэтому дело сильно повлияет на его позицию в компании «Ольрич Ойл энд Коппер». Да и ДППС найдёт что-нибудь инкриминирующее: ложные или неполные показания, увечение трупа в корыстных целях (нет больше алиментов), презренная трусость.

Другой частный детектив оставил бы его наедине с Ракель.

Она стояла над своим отцом, её кулаки взбухали новыми острыми когтями, выпущенными внутрь, отчего на ковёр поддельного стиля «миссии» капала её собственная кровь — та, которую она заставила отпить собственную мать.

Женевьева встала рядом с ней с утёнком в руках.

— Пойдём со мной, Ракель, — сказала она. — Прочь от тёмных кровавых пятен.

* * *

Через несколько дней в баре в Кауенге как раз напротив здания, где находился мой офис, я закашлялся от затяжки «Кэмелом».

Они меня нашли.

Ракель заново обрела себя, всюду порхая, флиртуя с мужчинами всех возрастов, острыми взглядами отмечая пульсирующие жилки на шеях и синие вены на их запястьях.

Женевьева заказала бокал бычьей крови.

Попробовав, она поморщилась.

— Я привыкла к свежей, прямо из быка, — сказала она. — Эта прокисла.

— На следующей неделе мы получим живых поросят, — сказал бармен. — Ремни уже приделаны, и мы заказали шейные втулки.

— Видишь, — сказала мне Женевьева. — Мы здесь останемся. Мы уже рынок.

Я закашлялся ещё пуще.

— Тебе надо бы что-то с этим сделать, — тихо сказала она.

Я понял, что она имела в виду. Я мог бы стать вампиром. Кто знает: если Линде удалось это сделать, я тоже мог бы попытаться. Но, в общем, я слишком стар, чтобы меняться.

— Ты кого-то мне напоминаешь, — сказала она. — Другого детектива. В другой стране, столетие назад.

— Поймал ли он убийцу и спас ли девушку?

Она посмотрела взглядом, который я не смог прочесть.

— Да, — ответила она, — именно это он и сделал.

— Очень хорошо для него.

Я глотнул. У скотча был привкус крови. Я никогда бы не привык такое пить.

Газеты сообщили, что проведён рейд на замок в пустыне. Генерал Йорга и Даяна Ле Фаню задержаны по обвинению в похищениях, эксплуатации и убийствах; но так как большинство жертв убийств достаточно неживы, чтобы давать показания в пользу своих убийц, то дело навечно застрянет в судах. Никаких упоминаний о Л. Кейте Уинтоне, хотя в витрине на бульваре Голливуд я заметил подборку из трактатов только по одной иммортологии. Снаружи новорождённые вампиры со свежими лицами улыбались из-под чёрных зонтиков и приглашали прохожих на «анализ крови». Представьте себе такое: последователи желают отдать все свои деньги и жить вечно. А говорят, что Дракула мёртв.

— С Ракелью всё будет хорошо, — заверила меня Женевьева. — Она так прелестна в новой роли, что это меня даже слегка пугает. И она больше не желает торопиться.

Я посмотрел на девушку, окружённую пылкими тёплыми телами. Она станет пользоваться ими целыми дюжинами. Я заметил в ней сходство с Линдой и пожалел, что не увижу ничего от себя.

— Как насчёт вас? — спросил я Женевьеву.

— Я увидела океан. Дольше ехать некуда. На время останусь здесь, может быть, найду работу. Я знаю достаточно много, чтобы стать врачом. Наверное, попробую поступить в мединститут и получить классификацию. Я устала от шуток о пиявках. И ещё: мне столь многому надо разучиться. Средневековое знание, это ведь гандикап, понимаешь.

Я положил на стойку свою лицензию.

— Ты могла бы получить такую же, — сказал я.

Она сняла очки. Глаза были такие же поразительные.

— Это мое последнее дело, Женевьева. Я нашёл убийцу и спас девушку. Прощание было долгим, но оно закончилось. Я повстречал собственных убийц, тех, что в бутылках и мягких пачках по двадцать штук. Вскоре они меня прикончат и я

засну долгим сном. Больше для людей я не смогу сделать ничего. Таких, как Ракель, скоро будет целая тьма. Деток из замка в пустыне. Покупателей наш бармен ожидает уже на следующей неделе. Сопляков, попавших в паутину Уинтона. Некоторые будут нуждаться в тебе. И некоторые станут настоящими вайперами, что значит, другие люди будут в тебе нуждаться, чтобы защитить их от всего худшего, что они могут понаделать. Ты хороша, моя милая. Ты сможешь хорошо работать. Я закончил своё выступление. Это конец.

Она макнула кончик пальца в своей бокал охлаждённой крови и, задумавшись, облизала его.

— Наверное, это хорошая мысль, детектив.

И я выпил в её честь.

Конец.

Перевод: Евгений Гужов

Энн Райс
Хозяин Рэмплинг-гейта

Anne Rice, The Master of Rampling Gate, 1984

Весна 1888 года.

Рэмплинг-гейт. На старинных изображениях он казался нам предельно реальным — вставал, точно сказочный замок над тёмной лесной чащей. Путаница печных труб и водостоков между двумя огромными башнями, серые каменные стены, густо поросшие плющом, миллионы окон, в которых отражаются проплывающие облака.

Но почему отец никогда не брал нас сюда? И почему, уже на смертном одре, он велел моему брату сровнять Рэмплинг-гейт с землёй, разнести до основания?

— Мне следовало самому сделать это, Ричард, — сказал тогда отец, — но я родился в этом доме и мой отец тоже, и его дед. Перелагаю этот долг на тебя, мой сын. Над тобой Рэмплинг-гейт не властен, так покончи же с ним.

Поэтому неудивительно, что не прошло и двух месяцев с похорон, как, послушные отцовской

воле, мы с Ричардом ехали поездом на юг Англии, в таинственный дом, который четыре сотни лет высился над деревушкой Рэмплинг. Отец понял бы нас, ибо как могли мы разрушить старый дом, который ни разу в жизни не видели въяве, лишь на картинах?

Но вот поезд уже несёт нас за пределы Лондона, а мы всё ещё не приняли решение — лишь изнываем от волнения и любопытства.

Ричард только-только окончил курс в Оксфорде. Я уже два сезона как выезжала в свет и имела пусть скромный, но успех. Правда, я всё равно до сих пор предпочитала бурным балам всю ночь напролёт свои радости, тихие и уединённые, — например, сидеть за дневником у себя в комнате, сочинять стихи и разные истории, но мне удавалось скрывать свои увлечения. Хотя мы с Ричардом ещё совсем крошками потеряли мать, отец ничего для нас не жалел. Но беспечные детство и юность позади, и теперь нам придётся стать взрослыми, независимыми и самостоятельными.

Вечером накануне отъезда мы извлекли все изображения Рэмплинг-гейта — картины, гравюры, дагерротипы — и робко, вполголоса вспоминали тот вечер, когда отец поснимал их со стен.

Мне тогда было не больше шести, а Ричарду едва исполнилось восемь и всё же мы вполне отчётливо помнили то странное происшествие на вокзале Виктории, которое вызвало у отца, обычно столь спокойного, бурю гнева. Мы отправились на вокзал после ужина, проводить школьного товарища Ричарда и там, на перроне, отец внезапно увидел лицо какого-то молодого человека, промелькнувшее в освещённом окне поезда. Я тоже рассмотрела этого незнакомца и помню его по сей день. Красавец с пышными тёмными волосами, он смотрел на отца чёрными глазами и взгляд его был исполнен глубочайшей печали. Под его взглядом отец отшатнулся, прошептав: «О ужас, о невыразимый ужас!», а мы с братцем так напугались, что не могли проронить ни звука.

Позже, тем же вечером, между отцом и матерью разгорелась ссора и мы с Ричардом тайком выбрались каждый из своей комнаты, чтобы подслушать, в чём дело.

— Как он посмел явиться в Лондон! — задыхаясь от гнева, твердил отец — Или ему недостаточно безраздельной власти над Рэмплинг-гейтом?

Нам, детям, смысл отцовских слов был тёмен, и мы долго гадали, что же он имел в виду и кто

был тот прекрасный незнакомец с печальным взором, и как мог он считаться хозяином дома, принадлежавшего нашему отцу, старой усадьбы, куда наша семья никогда не ездила, вверив Рэмплинг-гейт заботам дряхлой слепой экономки.

Однако теперь, когда мы снова увидели изображения Рэмплинг-гейта, думать об отцовской ярости было слишком страшно, а о самом доме — слишком волнительно. Я прихватила с собой дневник и рукописи, ибо надеялась, что, быть может, в меланхолической и изысканной атмосфере Рэмплинг-гейта обрету вдохновение, необходимое для очередной истории, которую как раз начала сочинять.

И всё же в нашем волнении мне чудилось нечто едва ли не беззаконное. Память вновь воскрешала передо мной незнакомца в чёрном плаще и алом шерстяном шарфе. Бледное лицо его было, как тонкий фарфор. Как странно, что спустя столько лет я вижу его, точно наяву. И, вспомнив ту мимолётную встречу, я внезапно осознала: именно незнакомец стал для меня идеалом мужской красоты, в котором я за всё это время ни разу не усомнилась. Мой идеал, а отца он так разгневал… Немудрено, что меня грызла совесть.

Близился вечер, когда ветхая коляска подня-

лась в гору от железнодорожной станции и мы впервые увидели дом. По розоватому небу плыли облака, окаймлённые золотистым сиянием и последние солнечные лучи расплавленным золотом отливали в верхних окнах дома, играли в мелких стеклах, забранных свинцовыми переплётами.

Какой он огромный! Даже слишком! И величественный! — удивлённо прошептала я. — Подумать только, всё это теперь наше!

Ричард легонько поцеловал меня в щёку.

Коляска едва тащилась и у меня возникло жгучее желание спрыгнуть наземь и побежать к дому, чтобы эти башни приблизились и нависли у меня над головой как можно быстрее. Но старая кляча, запряжённая в коляску, прибавила шагу.

У массивных входных дверей нас встретила согбенная и слепая экономка, миссис Блессингтон и ввела в просторный холл, где от наших гулких шагов по мраморным плитам под высоким потолком разлетелось гулкое эхо. Поражённые, притихшие, мы рассматривали длинный дубовый стол, резные стулья и мрачные гобелены, слабо колыхавшиеся на сквозняке. На всё это сквозь окна падали пыльные полотнища закатного света.

— Ричард, да это же заколдованный замок! — восторженно воскликнула я.

Миссис Блессингтон рассмеялась и ласково сжала своей высохшей ручкой мою. Она позаботилась о том, чтобы к прибытию молодых хозяев спальни были проветрены и просушены, так что нас встретил гостеприимный огонь, полыхавший в очаге и прохладная белизна постелей. Сквозь маленькие окна с ромбовидным переплётом открывался великолепный вид на озеро, окружённое могучими дубами, а вдалеке мерцали редкие огоньки деревни.

В тот вечер мы ужинали за массивным дубовым столом, озарённым дрожащим светом свечей и смеялись, как дети. А потом отправились в игровую, где устроили яростное сражение в настольный бильярд и, боюсь, несколько переусердствовали, угощаясь бренди.

Перед тем как отправиться спать, я поинтересовалась у миссис Блессингтон, взбивавшей подушки, навещал ли кто Рэмплинг-гейт после того, как отец много лет назад уехал отсюда.

— Нет, милочка, — поспешно отозвалась она, — как ваш папенька уехал в Оксфорд, так он больше здесь и не бывал.

— А не появлялся ли после этого некий молодой

посетитель? — настаивала я, хотя, по чести сказать, счастье моё казалось столь безоблачным, что нарушать его у меня не было ни малейшей охоты. Мне сразу же полюбилось аскетичное убранство спальни — ни резьбы, ни панелей, ни даже обоев, лишь оштукатуренные стены да начищенная до блеска кровать орехового дерева.

— Молодой посетитель? — переспросила экономка и, на ощупь добравшись до очага, помешала в нём кочергой. — Нет, милочка. А с чего вы подумали, будто такой приезжал?

— Миссис Блессингтон, а историй с привидениями про Рэмплинг-гейт не рассказывают? — неожиданно для самой себя спросила я.

«О ужас, о невыразимый ужас!» — всплыло у меня в памяти отцовское восклицание. Смешно, право, уж не думаю ли я, будто бледный молодой красавец был привидением?

— Нет, что вы, — улыбнулась старушка, — ни одно привидение не осмелится потревожить покой Рэмплинг-гейта.

И потекли мирные дни, без забот и тревог, — прогулки по заросшему, запущенному парку, катание по озеру на маленьком ялике, чаепития под нагретым солнцем стеклянным куполом пустующей оранжереи. А по вечерам мы устраи-

вались в библиотеке у камина и читали.

На все наши расспросы в деревне мы получали одинаковый ответ: местные жители питали к господскому дому глубочайшее почтение и даже любовь. Ни одной мрачной легенды или слуха по окрестностям не бродило.

Как же мы сообщим всем этим людям о приговоре, вынесенном отцом? Нам и самим страшно было даже подумать о его приказе сровнять Рэмплинг-гейт с землёй.

Ричард радовался сокровищам античной словесности, обнаруженным в библиотеке, а в моём распоряжении был письменный стол в её уголке.

Никогда раньше не ведала я такого покоя. Самый дух Рэмплинг-гейта как будто пронизывал каждую строчку, выходившую из-под моего пера, и на чистых страницах пышно расцветали новые образы, сплетались и ветвились новые сюжеты. Уже в понедельник после нашего прибытия я закончила свой первый настоящий рассказ, затем переписала его начисто и пешком отправилась в деревню, чтобы отважно послать своё творение в редакцию журнала «Блэквуд».

День выдался тёплый, погожий, и обратно я шла не торопясь, погрузившись в размышления. Что

так тревожило отца в этом прелестном английском уголке? Что за кошмар, что за страх омрачили его последние часы и побудили на смертном одре проклясть это прекрасное поместье? Рэмплинг-гейт с его небывалым таинственным безмолвием и царственной величественностью завладел моей душой и я самозабвенно впивала его красоту. Порой я забывалась настолько, что мнила себя бесплотным духом, разумом, блуждающим по тихим дорожкам парка и каменным коридорам, которые слишком много повидали на своем веку, чтобы снисходить до хрупкой, незаметной молодой женщины, что временами вслух заговаривала с рыцарскими доспехами, садовыми статуями или херувимами с их витыми раковинами, уже много лет не извергавшими воды и украшавшими собой заглохший фонтан.

Но не таилась ли в этой прелести, в этом обаянии некая зловещая сила, некая угроза, что покамест не являла себя нам, — некая доселе неведомая нам история? «О ужас, о невыразимый ужас!». Когда я вспоминала отцовские слова, то даже в ослепительный солнечный день они вызывали у меня дрожь.

Поднявшись по склону холма, я увидела Ричарда, который безмятежно прогуливался по берегу

озера. Брат то и дело поглядывал на далёкие стены замка, и лицо его выражало покой и довольство, а взгляд казался затуманенным, словно Ричард видел блаженный сон наяву.

Он подпал под чары Рэмплинг-гейта. Это я поняла превосходно, ибо и меня уже постигла та же участь.

Повинуясь внезапному приливу решимости, я ускорила шаг, нагнала брата и мягко тронула его за руку.

Мгновение Ричард смотрел на меня, точно не узнавая, а потом тихо сказал:

— Джули, как я могу его разрушить? У меня никогда рука не поднимется на эту красоту! А если я выполню отцовскую волю, то остаток жизни буду терзаться угрызениями совести.

— Ричард, нам пора спросить совета у знающих людей. Напиши нашим юристам в Лондон, — предложила я. — Напиши папиному душеприказчику, доктору Мэтьюсу. Объясни ему всё. Не можем же мы вот так взять и разрушить дом.

…В три часа ночи я открыла глаза. Но бодрствовала я уже давно, сон не шёл. Я лежала в темноте, одна, но испытывала не страх, а нечто иное, какое-то смутное и беспрестанное возбуждение, какую-то сосущую пустоту в душе. Это ощуще-

ние и побудило меня подняться с постели. В чём же тайна этого жилища? Что оно вытворяет со мной? Нет, Рэмплинг-гейт — не просто стены, он наделён какой-то таинственной силой и влияет на мою душу.

Меня переполняли волнение и неясные предчувствия, и в то же время я ощущала, что от меня скрывают какую-то диковинную и важную тайну. Изнемогая от невыносимой тревоги, я облачилась в свободный шерстяной халат и ночные туфли, а затем крадучись вышла в холл.

Поток лунного света заливал дубовую лестницу и вестибюль. Как описать словами мучительное волнение, охватившее меня, как передать на бумаге необъяснимую жажду, гнавшую меня вперёд? Может быть, мне это удастся и впечатления пригодятся, решила я и бесшумно двинулась вниз по лестнице.

Передо мной простирался пустынный холл. Лунный свет играл там и сям на лезвиях скрещённых мечей или поверхности щита. Но дальше, за холлом, сквозь распахнутые двери библиотеки, я увидела зыбкие отблески огня. Значит, Ричард тоже не спит и он там. Эта мысль успокоила меня и наполнила душу умиротворением. Однако расстояние между мной и братом всё никак не со-

кращалось, холл будто сделался бесконечным, и я всё спешила и спешила мимо длинного дубового стола, мимо доспехов на стенах, пока наконец не достигла дверей библиотеки.

Да, в камине полыхал огонь, а в кожаном кресле у огня сидела какая-то фигура, перебирая разрозненные страницы тонкими точёными пальцами. Полуночник так погрузился в чтение, что не услышал моих шагов. Пламя в камине бросало на его бледное лицо тёплый золотистый отсвет.

Но то был не Ричард, о нет! Предо мной явился тот самый незнакомец в чёрном, которого отец так испугался на вокзале Виктории пятнадцать лет назад. Да, прошло пятнадцать лет, а в этом прекрасном молодом лице не изменилась ни одна чёрточка, и тёмные волосы по-прежнему спадали на лоб и плечи незнакомца густыми небрежными прядями, и всё так же молодо сверкали чёрные глаза, что вдруг с любопытством уставились на меня, — и я едва не вскрикнула от неожиданности.

Мы молча глядели друг на друга: я оцепенела на пороге полутёмной библиотеки, он застыл в кресле у камина, не меньше моего потрясённый внезапностью этой встречи. Сердце у меня замерло.

Мгновение — и незнакомец уже вскочил, ещё миг — и очутился возле меня и протянул ко мне руки, точёные белые руки.

— Джули! — прошептал он так тихо, что, казалось, этот голос прозвучал у меня в голове, как во сне. Однако это был не сон, и не во сне, а наяву руки незнакомца схватили меня и я пронзительно закричала, и крик мой, отчаянный и беспомощный, эхом заметался между стен.

Хватка ослабла. Я была одна. Вцепившись в дверной косяк, я с трудом сделала шаг, другой и отчётливо увидела незнакомца на пороге двери, ведущей в сад. Гость оглянулся на меня через плечо. Мгновение — и он исчез, как не бывало.

Крик всё ещё рвался из моей груди, я не в силах была заставить себя умолкнуть, даже когда услышала приближающийся голос Ричарда, звавшего меня по имени и его торопливые шаги, которые простучали по лестнице, а затем в холле, отдаваясь гулким эхом. Ричард вбежал в библиотеку, обнял меня, тряс за плечи, звал, усадил в кресло, а я всё ещё кричала. Наконец ему удалось кое-как успокоить меня и я сбивчиво рассказала об увиденном.

— Ты же знаешь, кто это был! — истерически всхлипывая, твердила я. — Он! Тот самый незна-

комец с вокзала!

— Постой, Джули, постой, — прервал меня брат. — Он сидел спиной к огню, ты не могла так хорошо рассмотреть его лицо и…

— Ричард, говорю тебе, то был он! Как ты не понимаешь? Он схватил меня, он назвал меня по имени! — прошептала я. — Силы небесные, Ричард, взгляни, огонь в камине горит, а я не зажигала его, это он, это всё он… Он побывал здесь!

Едва ли не оттолкнув брата, я склонилась над рассыпанными на ковре бумагами.

— Мой рассказ! — растерянно вырвалось у меня. — Ричард, он читал мою рукопись! О боже, тут ещё и твои письма! Он читал твои письма доктору Мэтьюсу и мистеру Партриджу, письма о сносе дома!

— Джули, сестричка, ты обманулась! Прошло столько лет, как же это может быть тот же человек!

— Он не изменился, клянусь! Я не ошиблась, уверяю тебя, это он, он самый!

Наутро мы предприняли тщательный осмотр дома. Впервые с нашего приезда в Рэмплинг-гейт день выдался тревожный и занятой. Уже стемнело, а мы не обошли ещё и половины дома. Мы изнемогали от усталости и досады: многие

комнаты оказались заперты, а часть лестниц — пугающе ветхи.

Меня же до слёз расстроило то, что Ричард упорно не желал верить моим словам. Он полагал, будто незнакомец мне примерещился. Что касается огня, разведённого в камине, то, по словам Ричарда, он, должно быть, виноват во всём сам — не загасил камин как следует, прежде чем отправиться спать, ну а бумаги забыл в библиотеке кто-то из нас двоих, вот и все…

Но я-то знала: ночное происшествие случилось наяву. И больше всего мне не давало покоя то хладнокровие, с каким держался незнакомец, тот уверенный и невинный взгляд, которым он окинул меня, прежде чем я закричала.

— Самым разумным решением будет черкнуть ему записку перед сном, — сердито сказала я. — Напиши, что ты не намерен сносить дом.

— Джули, ты ставишь меня в невозможное положение! — покраснев, вспылил Ричард. — Ну что за дилемму ты выдумала! Посуди сама, с одной стороны, ты настаиваешь на том, чтобы я заверил это привидение, что Рэмплинг-гейт не тронут. С другой, тем самым ты подтверждаешь реальность этого существа, которое побудило отца приказать нам снести дом.

— Ах, зачем я только сюда приехала! — в слезах вскричала я.

— Так давай уедем, а окончательное решение примем дома, — предложил брат.

— Ты не понимаешь, дело не только в этом. Теперь я не успокоюсь, пока не разгадаю эту тайну. Нигде мне не будет покоя — ни здесь, ни в Лондоне.

Похоже, нет лучше лекарства против страха, чем гнев, ибо именно это чувство заглушило снедавшую меня тревогу. В эту ночь я не стала раздеваться, а сидела в темноте и не отрывала глаз от светлого пятна окна, дожидаясь, пока дом не затихнет. Наконец старинные часы в холле пробили одиннадцать, и Рэмплинг-гейт, как всегда в это время, погрузился в сон.

Мрачное ликование охватило меня при мысли о том, чтобы выйти из спальни, пройти по молчаливому спящему дому и спуститься в библиотеку. Однако я знала, что должна дождаться полуночи — рокового времени, когда ночь расцветает. Сердце моё бешено колотилось, и я вновь и вновь рисовала перед своим мысленным взором то бледное прекрасное лицо, воскрешала в памяти тот голос, что шёпотом назвал моё имя.

Наша встреча в минувшую ночь длилась не

более минуты, но отчего мне теперь кажется, будто мы знали друг друга раньше, неоднократно виделись и беседовали? Не потому ли, что незнакомец прочёл мой рассказ, что его чёрные глаза внимательно пробегали по строчкам, родившимся из глубины моей души?

— Кто вы? — шептала я. — Где вы сейчас?

Мне казалось, будто я произношу эти слова мысленно, но вот губы мои шевельнулись, и в темноту упало слово «придите».

Дверь моей спальни беззвучно отворилась — и вот он уже на пороге, в том же наряде, что и вчера, и всё тем же мальчишеским хладнокровным любопытством поблескивают чёрные глаза, и ленивая усмешка кривит рот.

Я подалась вперёд, а незнакомец поднял палец, точно призывая меня к молчанию и слегка кивнул.

— Ах, это вы! — шепнула я.

— Да, — негромко и спокойно отозвался он.

— И вы не привидение!

Взгляд мой скользнул по его фигуре, по лицу. Пятнышко пыли на бледной скуле, сапоги забрызганы грязью…

— Привидение? — едва ли не оскорблённо переспросил полночный гость. — О, если бы.

Оцепенев, я смотрела, как он идёт прямо на меня. Мрак в комнате как будто стал плотнее. Прохладные, нежные, как шёлк, его руки коснулись моего лица. Я поднялась с постели, и вот я стою перед ним и смотрю ему в глаза. И слышу бешеный стук своего сердца.

Оно колотилось так же, как вчера ночью, когда я закричала. Силы небесные, он здесь, у меня в спальне, он касается меня, и я говорю с ним! И вдруг я очутилась в его объятиях.

— Ты настоящий! Настоящий! — прошептала я и всё моё тело пронзила сладостная судорога, так что я едва удержалась на ногах.

Полночный гость внимательно изучал моё лицо, словно пытаясь понять что-то крайне важное. О, как алы были его губы на бледном лице — точно цветок на снегу, и как нежны даже на вид, словно никогда не ведали поцелуев. Голова у меня пошла кругом, и странная слабость овладела мной. Я была как во сне и даже не понимала, здесь он, мой полночный гость, или нет.

— Но я здесь, с тобой, — сказал он, будто прочитав мои мысли. Лицо моё овеяла нежная теплота его дыхания. — Я здесь и наблюдал за тобой с того самого дня, как ты приехала.

— Да…

Веки мои опускались сами собой. Внезапно перед моим внутренним взором возникло лицо отца, я услышала его голос «Нет, Джули, нет», но видение тотчас погасло, это был сон, конечно же сон, а мой полночный гость был сама явь.

— Один лишь поцелуй, — прошелестел его голос, обволакивая меня, как бархат. Губы незнакомца легко скользнули по моей щеке. — Не бойся, у меня и в мыслях нет причинить тебе вред. Никогда я не причинял вреда отпрыскам этого рода. Я прошу всего один поцелуй, Джули. Вместе с ним ты поймёшь, что Рэмплинг-гейт нельзя разрушать, что меня ни за что нельзя изгонять отсюда.

Мгновенно самая сердцевина меня послушно открылась ему — тот тайник, где мы прячем все наши сокровенные желания, мечты и сны. Я упала бы, не подхвати он меня, и тогда мои руки сами собой обвили его шею, зарылись в густой шёлк его кудрей.

Я погружалась в сладкую истому, меня охватило блаженство и покой, тот покой, что всегда царил в доме. Мнилось, то сам Рэмплинг-гейт заключает меня в объятия, одновременно открывая мне свою вековую тайну. «И вмиг/ Восчуял я, что властью одарён/Легко, подобно Богу, видеть суть/

Вещей — так очертанья и размер/ Земное видит око». [12] Да, те самые строки из Китса, которые я цитировала в своём рассказе, те, которые он прочёл.

И вдруг он отстранился и резко оттолкнул меня.

— Ты слишком невинна, — прошептал он.

Я метнулась к окну, ухватилась за подоконник и замерла, прислонившись пылающим лбом к холодному камню стены.

На шее ещё пульсировало болью то местечко, к которому приникали губы незнакомца, но и боль была сладка, она пронзала и отпускала, пронзала и отпускала, и не унималась, не останавливалась. Теперь я поняла, кто он!

Обернувшись, я отчётливо увидела всю спальню — постель, камин, кресло. Мой полночный гость не двинулся с места и на лице его написана была нестерпимая мука.

— Ужас, невыразимый ужас… — прошептала я, пятясь. — Ты воплощённое зло. Ты кошмар, ты порождение тьмы.

— О нет! Я порождение прошлого и я прошу лишь понимания, — взмолился гость. — Я то, что

---

[12] Примечания: 12

Китс. Дж. Падение Гипериона. Песнь первая. Перевод Сергея Александровского.

может и должно жить дальше.

Так заклинал он, но избегал моего взгляда и корчился, как от боли.

Я тронула то место у себя на шее, которое всё ещё болело, потом посмотрела на кончики своих пальцев — они алели даже в полутьме. Кровь.

— Вампир! — воскликнула я и у меня перехватило дыхание. — Ты вампир, но ты умеешь страдать и даже любить! Мыслимо ли это?

— Любить? О да! Я полюбил, едва ты приехала. Я полюбил тебя, когда жадно пожирал глазами твои трепетные строки, когда листал страницы, которым ты доверила свои потаённые желания, — а ведь я тогда даже не видел ещё твоего прелестного лица.

И он вновь привлёк меня к себе и потянул к дверям.

На какое-то отчаянное мгновение я попыталась высвободиться, и тогда он, как истый джентльмен, отпустил меня, отворил передо мной дверь и взял мою руку.

Мы прошли длинным пустым коридором, затем миновали низенькую деревянную дверцу, за которой оказалась узкая винтовая лесенка. Здесь я ещё не бывала. Вскоре я поняла, что полночный гость ведёт меня в северную башню — полуразру-

шенную, заброшенную и потому давно стоявшую запертой. За узкими окошками башни открывались просторы, расстилавшиеся вокруг усадьбы, горсткой тусклых огоньков мелькнула вдали деревушка Рэмплинг и тянулась бледная полоска света — железная дорога.

Мы поднимались всё выше и выше, пока не добрались до самого верха башни и вампир не отпёр свое убежище железным ключом. Он открыл дверь и пропустил меня вперёд, и вот я очутилась в просторной комнате со стрельчатыми высокими окнами, лишёнными стёкол, так что по ней гулял ветер. Лунный свет озарял самую причудливую обстановку, в которой в беспорядке смешались разнородные предметы и книги разных эпох. Тут имелись письменный стол, полки с множеством книг и мягкие кожаные кресла, а по стенам висели карты и картины в рамах. И свечи, свечи, повсюду свечи и восковые кляксы. Вот чёрный шёлковый цилиндр и щегольская трость, а рядом — увядший букет цветов. Дагерротипы и ферротипии в бархатных футлярах. Лондонские газеты и книги, и снова книги. А посреди разбросанных книг и бумаг я увидела свои рукописи — стихи, рассказы, черновики, которые я привезла с собой, да так и не успела разобрать.

Единственное, чего недоставало в комнате, — это постели. Не потому, что её хозяин никогда не спал. Он спал, но когда я подумала о том, где он вкушает отдых, куда ложится спать, меня пробрала дрожь и я вновь явственно ощутила прикосновение его губ на шее, и мне вдруг захотелось заплакать.

Но он уже обнял меня и покрывал поцелуями моё лицо и губы.

— Отец знал, что ты здесь! — вырвалось у меня.

— Да, — отвечал он, — а до него знал его отец и дед, и прадед, и так много-много лет, из поколения в поколение, череда знавших не прерывалась. Одиночество ли, ярость ли понуждали меня открывать им своё существование, не ведаю, но все они знали. Я всегда сообщал им о себе, и всегда заставлял принять эту весть и смириться с ней.

Я попятилась; на сей раз он не попытался удержать меня, а неторопливо принялся зажигать свечи, одну за другой. О, в пламени свечей он был ещё красивее, чем в лунных лучах, он был ослепителен! Как сверкали его чёрные глаза, как блестели густые кудри! Тогда, в детстве, на вокзале Виктории, он предстал передо мной мимолётным призраком; теперь же я видела его

отчётливо, озарённого огнями свечей. Красота его проникала мне в самое сердце.

Он сам в это время пожирал меня глазами и твердил моё имя, так что кровь прилила у меня к лицу. Минуты текли как во сне, но вдруг ткань сна разорвалась и я вздрогнула, будто проснувшись. Что я здесь делаю? О чём я думаю?! «Никогда, никогда не тревожь древний ужас Рэмплинг-гейта… тот, что древнее добра и зла…» И вновь сладостная истома и блаженное головокружение… и голос отца звучит как из дальней дали: «Разрушь дом до основания, Ричард, сровняй его с землей!»

Он подвёл меня к окну. Огни деревушки плыли у меня перед глазами, словно приближались, словно мы оба летели над ней, и вот уже вокруг нас лес, древняя чаща, которая много старше леса, окружавшего Рэмплинг-гейт, когда мы с братом только прибыли в эти края. Сердце моё заколотилось от испуга, я вдруг поняла, что погружаюсь в прошлое, в водоворот чужих видений, откуда быть может, нет возврата.

Мне казалось, мы оба говорим, перебивая друг друга, я слышала гул наших голосов, но не могла разобрать ни слова, лишь уловила, что твержу «я не сдамся», а он просит:

— Молю тебя, Джули, просто смотри и больше

мне ничего не надо.

Воля моя таяла, как воск, и я поддалась на уговоры, хотя вещий голос сердца твердил мне, что, вняв вампиру, я никогда не буду прежней. Стены комнаты сделались прозрачными, лесная чаща просвечивала сквозь них, вот они исчезли, и мы очутились посреди леса. Неведомая сила погрузила меня в чужие видения.

Мы ехали верхом по лесной тропинке, он и я. Где-то в высоте кроны деревьев смыкались у нас над головой, образуя зелёные своды, едва пропускавшие солнечный свет, так что редкие светлые пятнышки колебались и дышали на мягком ковре из опавших листьев.

Но, увы, волшебный лес остался позади, и вот мы едем распаханными полями, что окружают деревушку под названием Норвуд — сплошь кривые узенькие улочки да домишки с остроконечными крышами. В низкое пасмурное небо вонзалась колокольня Норвудского монастыря, и мерный печальный звон вечерни оглашал окрестности, а вслед за ним к небу поднималось слаженное пение сотен голосов, возносивших молитву. Норвуд был многолюдным селением, и жизнь здесь бурлила — до поры до времени.

А за полями и за лесом высилась башня древ-

него разрушенного замка, от которого давно уже осталась лишь оболочка, лишь руины. К нему мы и ехали под темнеющим небом, в вечерних сумерках. И вот мы в замке, забыты лошади и дорога, мы проворно, как дети, несемся по пустынным покоям и переходам. Что за высокая костлявая фигура с бледным лицом стоит посреди зала у пылающего очага? То лорд, хозяин замка. Ветер, гуляющий по залу, забравшийся сквозь разрушенную крышу, шевелит его седые волосы. Хозяин устремляет на нас пронизывающий взгляд, глаза его сверкают. Он давно уже мертвец, но страшными силами магии в нём ещё теплится жизнь. И вот мой спутник, невинный и наивный юноша, идет прямо в руки лорду.

Я видела их поцелуй. Я видела, как мой спутник побледнел и отшатнулся и как лорд, получив своё, усмехнулся печально и мудро.

И тогда я поняла. Я поняла. Но замок уже таял, как все видения, вставшие передо мной в чужом сне, и мы очутились в совсем ином месте, в мрачной тесноте, в тошнотворной сырости.

Невыносимое зловоние вползало в ноздри и рот, мешало дышать, от него останавливалось сердце, ибо то был самый страшный на свете запах — дыхание смерти. Я услышала стук соб-

ственных шагов по мощёной улице, покачнулась, опёрлась о стену. Рыночная площадь, обычно, должно быть, людная, теперь опустела; распахнутые двери и окна зияли пустыми глазницами, ветер стучал ставнями. То на одном доме, то на другом я различала начёртанный крест. Я знала, о чём говорит этот крест. Чёрная смерть, чума пришла в Норвуд, Чёрная смерть собрала свою дань. В горле у меня встал комок, когда я осознала, что в деревне не осталось ни единой живой души.

Но нет, я ошибаюсь, здесь ещё есть кто-то живой. Вот юноша ковыляет по узкой улочке, и его то и дело скручивают судороги. Он спотыкается, едва не падает, он тычется то в одну дверь, то в другую и наконец переступает порог дома, где воздух загустел от зловония, а на полу заходится плачем младенец. Отец и мать ребенка мертвы — вон их трупы на постели. Жирный раскормленный кот, которого некому остановить, подкрадывается к младенцу, трогает когтистой лапой его впалую щечку, младенец вопит, таращит глазёнки.

— Хватит! Остановись! — Из моей груди вырывается отчаянный крик. Я сжимаю виски. — Прекрати, прекрати, не хочу больше это видеть!

Да, я кричу, кричу так пронзительно и надрыв-

но, что, казалось бы, этот крик должен прорвать пелену жуткого видения и разбудить всех обитателей Рэмплинг-гейта, но нет, меня никто не слышит. Мой юный спутник оборачивается и смотрит на меня, но здесь, в душной комнате, пропитанной зловонием смерти, слишком темно, и мне не различить его лица.

И всё же я знала: это мой спутник, я чуяла его страх и то, что он тоже болен, в нос мне била вонь от умирающего младенца, и я видела, как поблёскивают выпущенные коготки кота, который подкрадывается к младенцу всё смелее и смелее.

— Прекрати! Остановись! Нас затянет в этот чумной кошмар! Мы не сможем вернуться назад! — кричу я из последних сил, но вопли младенца заглушают мой голос.

— Я не могу… — шелестит мой спутник. — Я всё время это вижу… Видение никогда не прервётся!

Тогда, взвизгнув, я поддаю коту ногой, и он отлетает в дальний угол, с грохотом опрокинув кувшин, так что молоко растекается по полу.

Смерть хозяйничает в каждом норвудском доме. Смерть царит в монастыре и окрестных полях. Я рыдаю и молю о прощении, молю отпустить меня на волю, ибо мне кажется, будто наступил Судный день, конец света.

Но когда ночь опустилась на мёртвую деревню, юноша всё ещё был жив: он брёл прочь, ковылял по склонам холмов, через лесную чащу, к мрачной башне, где высилась в стрельчатом окне костлявая фигура лорда, поджидающего свою добычу.

— Не ходи! — умоляла я юношу, я бежала рядом с ним, но он не слышал меня.

Когда юноша рухнул на колени и стал молить лорда о спасении, тот лишь печально усмехнулся, ибо не спасение даст он в ответ юноше, но проклятие, и больше ему нечего дать.

— Да, пусть я буду проклят, но жив! — вскричал тогда юноша. — Лучше быть проклятым и дышать на земле, чем гнить под землей!

И тогда лорд распахнул ему свои объятия.

Вот он вновь запечатлевает поцелуй, но теперь это смертельный поцелуй, и лорд выпивает кровь из тела умирающего, а потом поднимает отяжелевшую голову, отрывает окровавленные губы от шеи юноши и дает ему испить своей крови, дабы вернуть тому жизнь.

— Нет, не пей! — воскликнула я.

Юноша обернулся — бледнее снега, и смертная тень лежала на его лице, лице живого трупа, — и спросил меня:

— А что бы ты сделала на моём месте, как бы поступила? Вернулась бы в Норвуд, стучалась в одну дверь за другой, везде находя лишь трупы? Или, быть может, поднялась на колокольню и зазвонила в колокол над мёртвой церковью? И кто бы тебя услышал?

Он не стал ждать моего ответа, да и нечего было мне сказать. Он приник своими невинными губами к вене, что билась под холодной светящейся кожей лорда и испил его крови, и тело его наполнилось силой. Новая кровь, точно огонь, выжгла лихорадку и болезнь, но вместе с ними выжгла и саму жизнь, ибо кровь эта была подобна яду.

И вот юноша стоит посреди зала один, лорда уж нет. Юноша обрёл бессмертие, но вместе с бессмертием получил от лорда страшное наследство — вечную жажду, которую утолит лишь кровь; и теперь я ощущаю, как эта жажда точит меня саму.

А вместе с бессмертием он обрёл и иное видение: теперь ему открылась суть всего сущего. Беззвучный голос вещал ему из-под звёздного купола небес — на языке, которому не нужны слова; голос этот слышался в вое ветра, сотрясавшего черепицу, вздыхал в пылающем очаге, пожирая поленья. Голос этот был голосом Вечности, серд-

цебиением самой Вселенной, он пульсировал во всякой живой твари, отмеряя её удел, даже в том деревенском младенце, который затих, когда пришёл его черёд.

Ветер нёс мельчайшую пыль над распаханными пустыми полями. С чёрного неба сеялся на них бесконечный дождь.

Шли годы. Деревушка Норвуд давно исчезла, сровнялась с землей. Лес наслал на неё своё молчаливое жадное войско и теперь могучие стволы вздымались там, где некогда дымили трубы домишек, где звонили монастырские колокола. Но самое ужасное то, что ни одна живая душа больше не вспомнила о Норвуде, о тех несчастных, что мирно коротали свой век в деревушке, а потом в одночасье отправились на тот свет, скошенные Чёрной смертью. Норвуд не оставил следа на скрижалях истории и канул в забвение.

Норвуд сохранился в памяти лишь одного свидетеля, которого нельзя уже было назвать ни человеком, ни живой душой. Его зоркие глаза наблюдали, как с течением времени на руинах древнего замка выросло новое строение, Рэмплинг-гейт, как постепенно выросла вокруг него новая деревня, жители которой не ведали, что дома их стоят на чьих-то безвестных могилах.

А под Рэмплинг-гейтом и деревушкой лежали камни, оставшиеся от фундаментов древнего замка, монастыря и деревенской церкви.

Я очнулась, стряхнула с себя наваждение. Мы вновь очутились в башне.

— Это моё убежище, моё святилище, — прошептал вампир. — Единственное, что у меня есть. Ты любишь Рэмплинг-гейт так же, как и я, ты сама написала об этом. Любишь его сумрачное величие.

— Да… он всегда был таким.

Я отвечала ему, не шевеля губами, — он читал мои мысли и по моему лицу катились слёзы.

Теперь он вновь пристально смотрел на меня и я всем сердцем ощущала его неутолимую жажду.

— Что ещё ты хочешь от меня? — вскричала я. — Мне больше нечего тебе дать!

В ответ на меня обрушилась новая волна видений и образов, и я снова потонула в этом потоке, но теперь всё было иначе: оглушённая шумом, ослеплённая огнями, я чувствовала себя живой, как; никогда, — именно это же ощущение я испытывала, когда мчалась вместе с ним верхом по лесной чаще. Только сейчас мы погрузились не в прошлое, но в настоящее.

Быстрее ветра мы пронеслись над полями и

лесами и очутились в Лондоне. Ночной город распустился вокруг нас огненным цветком, рассыпал мириады ослепительных огней, и вокруг зазвенели голоса и смех. И вот мы с моим спутником уже идём по лондонским улицам в свете газовых фонарей, но мне кажется — его лицо светится само по себе, от него исходит тёплое сияние и в нём всё та же юношеская невинность, а в тёмных глазах всё та же вековечная печаль, только теперь смешанная с острым мальчишеским любопытством. Мы идём в толпе, не разлучаясь ни на миг, держась друг друга. А толпа — это огромное, дышащее, живое существо, и, куда бы мы ни свернули, она везде, она окружает нас, и от неё исходит терпкий, душный запах — запах свежей крови. Дамы в белых мехах, господа в элегантных плащах исчезают за ярко освещёнными дверями театров; как морской вал, набегает и откатывается музыка, что вырвалась из мюзик-холла, и только высокое, чистое сопрано долго ещё несется нам вслед, выводя печальную мелодию.

Сама не зная как, я очутилась в объятиях моего спутника, губы его касаются моих губ, и меня вновь пронзает сладостное предвкушение, но теперь к нему примешивается другое неутолённое желание — жажда, такая острая, что я понимаю,

каким блаженством будет наконец утолить её. И вот мы вместе пробираемся по чёрным лестницам в богатые спальни, где стены затянуты алым дамаскином, где на роскошных постелях соблазнительно раскинулись прелестные женщины, и терпкий аромат свежей крови здесь так силён, что я более не в силах терпеть, и тогда мой спутник говорит мне:

— Пей! Они — твои жертвы! Они дадут тебе вечность. Ты должна испить крови.

И я чувствую солёную теплоту на губах, чувствую, как она проникает внутрь, насыщая и взбадривая меня, придавая мне сил и перед глазами у меня алая пелена, а когда она спадает, мы с ним вновь мчимся по Лондону, нет, скорее над Лондоном, над крышами и башнями, и я вдруг постигаю, что мы невидимы и свободны, как ветер, — летим в высоте, а затем вновь низвергаемся на улицы вместе со струями дождя. Да, хлещет дождь, но он нам не страшен, и, когда дождь переходит в снег, мы не чувствуем холода, согретые особым теплом, что идет изнутри, что берёт начало в венах наших жертв, — и это тепло чужой крови.

Вот мы катим по лондонским улицам в закрытом экипаже и шепчемся между собой, и шёпот

смешивается со смехом и поцелуями; мы любовники; мы вместе навсегда; мы бессмертны. Мы вечны, как Рэмплинг-гейт.

О, лишь бы это видение не кончалось, никогда не кончалось! Я таю в его объятиях, я не заметила, как мы вновь очутились в башне, но видения сделали свое дело, проникли в мои жилы сладким ядом.

— Понимаешь ли ты, что я предлагаю тебе? Твоим предкам я тоже открывал свою тайну, но их я порабощал, а тебя, Джули, я хочу сделать равной себе, ты будешь моей невестой. Я разделю с тобой всё своё могущество. Будь моей. Я не пойду против твоей воли, не прибегну к насилию, но хватит ли у тебя духу отказать мне?

И вновь в ушах у меня зазвенел собственный крик — или то был стон? Мои руки ласкали его прохладную кожу, его нежные, но жадные губы касались моих, и его глаза очутились совсем близко — о, этот взгляд, покорный и властный, юный и древний!

Но вдруг, заслоняя его, передо мной возникло гневное лицо отца, и я, как наяву, услышала его голос: «О ужас, о невыразимый ужас!» — точно и я теперь получила власть над видениями и могла по собственной воле вызывать духов.

Я закрыла лицо руками.

Он вновь отстранился. Его силуэт чётко вырисовывался на фоне окна, за которым тянулась по небу летучая череда облаков. В его глазах плясали отблески свечей. Сколько печальной мудрости светилось в его взгляде — и в то же время какая невинность, да, я не устану повторять это вновь и вновь, какая детская невинность.

— Ты нежнейший, драгоценнейший цветок вашего рода, Джули, — промолвил он. — Я всегда защищал ваш род, покровительствовал ему, но тебе я предлагаю нечто большее, чем всем прочим, — свою вечную любовь. Приди ко мне, любимая, будь моей, и Рэмплинг-гейт подлинно станет твоим, и я наконец-то сделаюсь его хозяином в полном смысле слова.

Не один вечер ушёл у меня на то, чтобы уломать Ричарда. О, как мы спорили! Дело едва не дошло до ссоры и всё же в конечном итоге брат согласился отписать Рэмплинг-гейт на меня, а уж я-то знала, как поступлю, добившись своего: наотрез откажусь сносить старый дом. Таким образом, Ричард уже не сможет исполнить отцовский завет, последнюю его волю, и выйдет невиновным, ибо получится, что я воздвигну перед ним непреодолимое препятствие, на законных основаниях

помешаю уничтожить Рэмплинг-гейт. Разумеется, я клятвенно заверила брата, что завещаю дом его наследникам мужского пола. Дом навеки должен остаться достоянием нашего рода, рода Рэмплингов.

Ах, какая же я умница, как хитро всё сообразила! Ведь мне-то отец не завещал снести дом, он возложил эту миссию на сына. Совесть моя чиста и я больше не терзаюсь, вспоминая об отце и его предсмертных словах.

Брату оставалось лишь проводить меня на станцию, усадить в поезд и не тревожиться, что мне предстоит в полном одиночестве добраться до Лондона, а там — до нашего дома в Мэйфере.

— Живи здесь, сколько душа пожелает, а обо мне не беспокойся, — сказала я Ричарду на прощание и сердце моё затопила невыразимая нежность к брату. — Ты ведь и сам понял, едва мы приехали, что отец заблуждался. Такую красоту нельзя уничтожать!

Огромный чёрный паровоз, пыхтя, подкатил к платформе. Мимо нас проплыли и остановились пассажирские вагоны.

— Все, милый, мне пора. Поцелуй меня на прощание, — велела я.

— Но, сестричка, что на тебя нашло? Отчего

ты уезжаешь так поспешно, куда торопиться? — недоумевал Ричард.

— Ах, оставь, пожалуйста, ведь всё уже тысячу раз обговорено, — весело отмахнулась я. — Главное, что Рэмплинг-гейт теперь в безопасности, ему ничто не угрожает, и мы с тобой оба счастливы и довольны, и каждый получил что хотел.

Я уселась в вагон и махала брату из окошка, пока платформа не скрылась из виду. Вот уже затерялись в сиреневом вечернем тумане и станционные огни, а потом на горизонте на несколько мгновений возникла тёмная громада Рэмплинг-гейта — появилась на вершине холма и пропала, точно призрак.

Я отодвинулась от окна и закрыла глаза. Затем медленно подняла веки, растягивая минуту, которой так долго ждала.

Он улыбнулся — вот он, напротив меня, на кожаном сиденье, как будто всё время здесь и был. Быстро, порывисто встав, он пересел ко мне и заключил меня в объятия.

— До Лондона пять часов пути, — нежно шепнул он.

— Я потерплю, — отозвалась я, сжигаемая лихорадочной жаждой, а его губы бродили по моему лицу, по моим волосам. — Милый, нынче вече-

ром я хочу отправиться на охоту по лондонским улицам, — слегка смущённо призналась я, но во взоре его увидела лишь понимание и одобрение.

— Прелестная Джули, моя Джули… — шептал он.

— Наш мэйферский дом тебе непременно понравится, — пообещала я.

— О да, — откликнулся он, — уверен.

— А когда Ричарду наконец надоест сидеть в Рэмплинг-гейтс, мы вернёмся домой.

Перевод: Вера Полищук

Майк Резник
Полуночный концерт

Mike Resnick, "A Little Night Music", 1991

— «Битлы»? Да, помню их. Особенно этого, маленького… как его там… ах, да, Ринго.

— «Стоунз»? Конечно, организовывал их концерты. Любил этот Мик почудить, скажу я вам.

— «Кисс», «Лед Зеппелин», «Ху» — я работал со всеми.

Но, сказать по правде, есть только одна группа, которая выделяется из всех. Что особенно удивительно, она так и не поднялась на гребень успеха.

Кто-нибудь слышал о «Владе и пронзающих»?

Думаю, нет. Я тоже ничего о них не знал, покуда в один прекрасный день не раздался звонок Бенни: партнёром я его назвать не могу, но время от времени мы объединяли наши усилия. Он говорит, что нашёл одну группу, и интересуется, не могу ли я её куда-нибудь пристроить. Я смотрю на сетку концертов, вижу пару дыр и отвечаю: могу, почему нет, присылай ко мне их агента, может,

договоримся. Бенни отвечает, что агента у них нет, так что договариваться приедет сам Влад. Если вам приходилось иметь дело хоть с одним из этих шутов гороховых, вы поймёте, почему я не пришёл в восторг от такой перспективы. Но выбирать не приходилось; гитарист футуристической группы «Черпаки Гора»[18] загремел в тюрьму за хранение наркотиков. Внести за него залог желающих не находилось и я сказал Бенни, что готов встретиться с Владом ровно в три.

— Не пойдёт, Мюррей, — возражает Бенни. — Этот парень встает поздно.

— Они все встают поздно, но три часа дня почти что завтра.

— А может, вам пообедать вместе, часиков так в семь? — предлагает Бенни.

— Невозможно, дорогой, — отвечаю я, — Занят.

— Ладно, ладно, сейчас посмотрю, что у него со временем… — Минутная пауза, — Как насчёт трёх часов?

— Ты только что сказал, что к трём он не успеет проснуться,

---

[18] Примечания: 18

Намёк на откровенно слабый фантастический сериал Джона Нормана, действие которого происходит на некой планете Гор. Многие романы сериала, к сожалению, переведены на русский. — *Здесь и далее прим. перев.*

— Я про три часа ночи.

— У него что, бессонница? — спрашиваю я. И тут вспоминаю, как сверкал намедни на солнце бледно-голубой «мерседес» 560SL. Может, группа этого парня, думаю я, поможет заработать мне на первый взнос и отвечаю, что три часа ночи меня устраивает.

Вернувшись в контору, я укладываюсь на диван и засыпаю, а когда открываю глаза, вижу перед собой костлявого парня в чёрном, который сидит в кресле и смотрит на меня. Чувствую, что он чем-то закинулся, потому что зрачки у него широченные, а кожа белая, как полотно. Я лихорадочно пытаюсь вспомнить, много ли при мне денег, но тут он кивает и здоровается со мной.

— Добрый вечер, мистер Бэррон. Как я понимаю, вы меня ждали?

— Ждал? — Я сажусь, пытаюсь сбросить сон.

— Ваш коллега сказал, что я найду вас здесь, — продолжает он, — Меня зовут Влад

— Ну, конечно — В голове у меня начинает проясняться.

— Рад познакомиться с вами, мистер Бэррон. — Он протягивает руку.

— Зовите меня Мюррей, — Я пожимаю руку, холодную, как дохлая рыба и такую же неприятную

на ощупь, — Хорошо. Влад, — Я отдёргиваю руку откидываюсь на спинку дивана — Расскажите мне о вас и вашей группе. Где вы играли?

— Главным образом в Европе, — отвечает он и тут я действительно улавливаю лёгкий акцент.

— В этом нет ничего зазорного, — отвечаю я. — Некоторые из наших лучших групп начинали в Ливерпуле. Во всяком случае, одна, — со смешком добавляю я.

Он смотрит на меня не улыбаясь и мне это совсем не нравится, потому что кого я не люблю, так это людей, лишённых чувства юмора.

— Вы сможете организовать выступления моей группы? — спрашивает он.

— Для этого я здесь и сижу, дружище Влад, — Я уже начинаю привыкать и к расширенным зрачках, и к цвету его кожи, — Есть возможность поиграть на свадьбе.

— Какой веры молодые?

— А это имеет значение? — спрашиваю я. — Им нужна рок-группа. «Хава-нагилу» вас играть не попросят.

— Никаких церквей, — отвечает он, — Мы готовы играть где угодно, только не в церкви. И ещё. Работаем мы исключительно ночью, а днём нас никто не должен тревожить.

Мне становится ясно, что я напрасно теряю время, и я уже собираюсь указать ему на дверь, но тут он произносит магические слова: — Если вы сделаете всё, как я прошу, мы будем выплачивать вам пятьдесят процентов нашего вознаграждения, а не обычные комиссионные.

— Влад, голубчик, — говорю я, — у меня такое ощущение, что нас ждёт долгое и плодотворное сотрудничество! — Я подхожу к бару, достаю бутылку шампанского.

— Так не отметить ли нам это дело? — Я ставлю рядом два бокала.

— Я не пью… шампанского.

Я пожимаю плечами,

— Ладно. Как насчет «Кровавой Мэри»?

Он облизывает губы, глаза у него вспыхивают.

— А это что?

— Вы, должно быть, шутите? — изумляюсь я.

— Я никогда не шучу.

— Водка с томатным соком.

— Я не пью водку и не пью томатный сок.

Не желая провести всю ночь за интересной игрой «Догадайся, что мы пьём», я вытаскиваю из среднего ящика стола бумаги и предлагаю расписаться.

— Влад Дракула, — озвучиваю я нацарапан-

ные каракули. — Дракула… Дракула… Что-то знакомое.

Он косится на меня.

— Правда?

— Определённо, — киваю я.

— Я уверен, что вы ошибаетесь. — В его голосе сквозит напряжение, — Так где мы будем выступать и когда?

— Я сообщу вам, как только узнаю. Где мне вас найти?

— Будет лучше, если я сам найду вас.

— Отлично, позвоните мне завтра утром.

— Утром не могу,

— Ладно, завтра днём, — Я заглядываю в эти странные, чёрные глаза, потом пожимаю плечами, — Хорошо, вот моя визитка — Я пишу на ней номер телефона, — Позвоните завтра вечером

Он берёт визитку, разворачивается на каблуках и выходит за дверь. Тут я вспоминаю, что не спросил сколько человек у него в группе, бросаюсь за ним, но его след простыл. Я оглядываюсь, но вижу лишь большую чёрную птицу, которая, должно быть, залетела в здание по ошибке, возвращаюсь в контору и провожу остаток ночи на диване, думая об обеде и гадая, чего это у меня под утро разыгрался аппетит

Наутро выясняется, что «Гордость и предубеждение»[19] — чёрно-белая женская группа, которая каждый концерт заканчивает дракой, угодила-таки в полицию и внезапно на концерте во «Дворце» образуется дыра. Пятьдесят процентов — это пятьдесят процентов, решаю я и ставлю «Влада и вонзающих» в пятницу вечером.

Захожу в их гримёрную за час до концерта, вижу что старину Влада окружают три девчушки в белых ночнушках, которым он ставит засосы и прихожу к выводу, что Влад, пожалуй, куда лучше многих рокеров, с кем мне доводилось работать, раз у чего такие невинные причуды.

— Чем занимаешься, дорогуша? — спрашиваю я и цыпочки разлетаются в разные стороны — Собрался затрахать их до смерти?

— Мёртвые они мне ни к чему, — отвечает Влад без тени улыбки и я уже думаю, что чувство юмора у него таки есть, только юмор этот чёрный, — Пришли что-то узнать, мистер Бэррон?

— Зови меня Мюррей, — поправил я его, — Пресс-секретарь хочет знать, где вы играли в последнее время.

— В Чикаго, Канзас-Сити и Денвере.

---

[19] Примечания: 19

Намёк на одноимённый роман классика английской литературы Джейн Остин.

Я отвечаю смешком.

— То есть между Лос-Анджелесом и Нью-Йорком тоже живут люди?

— Там их куда меньше, чем здесь, — И я понимаю, что он хочет мне сказать: перед большой аудиторией его группа не выступала.

— Не волнуйся, приятель. Всё пройдёт как по маслу.

Кто-то стучит в дверь. Я открываю и на пороге возникает посыльный с длинной плоской коробкой.

— Что? — спрашивает Влад, когда я даю мальчишке чаевые, и он выкатывается из гримерной.

— Я решил, что вам надо подкрепиться, прежде чем выходить на сцену и заказал пиццу.

— Пиццу? — хмурясь, повторяет он, — Никогда не пробовал.

— Ты шутишь, да?

— Я уже говорил вам: я никогда не шучу— Он смотрит на коробку. — Что в ней?

— Обычная пицца. Ветчина, сыр, грибы, оливки, лук…

— Благодарю за заботу, Мюррей, но мы этого…

Я принюхиваюсь.

— И чеснок.

Он вскрикивает, закрывает лицо руками, кри-

чит: — Унесите её отсюда!

Я прихожу к. выводу, что на чеснок у него аллергия (жалость-то какая, без чеснока пицца — не пицца), но зову посыльного, прошу отнести пиццу назад и узнать, не вернут ли мне деньги. Как только посыльный вместе с пиццей исчезает за дверью, Влад начинает приходить в себя.

Тут появляется кто-то из организаторов и говорит, что им выходить на сцену через сорок пять минут. Я спрашиваю Влада, не уйти ли мне, чтоб дать им переодеться.

— Переодеться? — с недоумением переспрашивает он.

— Или вы собираетесь выступать в том, что на вас надето? — спрашиваю я.

— Влад, дружище, люди платят деньги не только за то, чтобы слушать. Им нужно зрелище.

— Раньше никто не говорил, что у нас неподобающая одежда, — удивляется Влад

— В Чикаго или Канзас-Сити, может, и не говорили, но это Лос-Анджелес!

— Ничего не говорили ни в Сайгоне, ни в Бейруте, ни в Чернобыле, ни в Кампале. — хмурится он.

— Слушай, это раньше вы выступали в маленьких городках Среднего Запада — я пренебре-

жительно пожимаю плечами. — А теперь вы в высшей лиге.

— Мы будем выступать в том, что на нас, — отвечает он и, по выражению его лица, я понимаю, что спорить бесполезно. Махнув рукой, я иду в пультовую, чтобы оттуда посмотреть, как мои новые протеже проявят себя.

Через десять минут на сцену выходит Влад, по-прежнему в чёрном, правда, теперь ещё и в плаще и троица "пронзающих" в ночнушках. Даже с такой верхотуры я вижу, что они перестарались с помадой и пудрой: губы у них ярко-алые, а лица такие же белые, как и ночнушки. Влад ждёт, пока публика успокоится, а потом начинает петь, и я чуть не выпрыгиваю из штанов. Во-первых, он поёт рэп, во-вторых, на каком-то тарабарском языке (я, во всяком случае, не понимаю ни слова). Я думаю, что ещё мгновение — и публика разорвёт их на клочки, но тут замечаю, что все сидят тихо ка< шки То ли им нравится, то ли скука их так уморила, что они не в одах протестовать.

А потом вообще начинаются чудеса. С улицы доносится вой собаки. Компанию ей составляет вторая, третья, к собакам присоединяются кошки, а потом и прочая живность в радиусе миль десять. Вся эта какофония не стихает полчаса,

пока поёт Влад, а когда он замолкает и кланяется публике, публика вскакивает с мест, все орут, свистят, аплодируют, и я уже думаю, что Ливерпуль, похоже повторяется.

Иду за кулисы, чтобы поздравить их, а когда захожу в гримёрную, он ставит засосы паре девчушек, которые сумели пробиться сквозь кордоны службы безопасности. Все лучше, думаю я, чем делить с ними понюшку кокаина.

Влад поворачивается ко мне.

— Мы рассчитываем получить деньги до отъезда.

— Невозможно, дорогой, — отвечаю я, — Расчёт утром.

Он хмурится.

— Хорошо. Я пришлю к вам в контору моего помощника, чтобы он взял нашу долю.

— Как скажешь, Влад, — киваю я, — Буду его ждать, ну, скажем, в десять утра.

— Годится, — соглашается Влад.

Тут в гримёрную заходит девчушка в униформе «Вестерн юнион» и вываливает Владу целую сумку телеграмм.

— Что это? — спрашивает он.

— Свидетельства успеха, — отвечаю я, — Открой и прочитай.

Он раскрывает первую, читает, отбрасывает, словно горячую картофелину. И пятится в угол, шипя, как проколотая камера, из которой выходит воздух.

— Что случилось? — Я поднимаю бланк телеграммы, читаю: «ЛЮБЛЮ, ХОЧУ ЗАИМЕТЬ ОТ ТЕБЯ РЕБЕНКА. ХХХ, КЭТИ».

— Кресты! — шепчет он.

— Кресты? — недоумённо переспрашиваю я.

— В конце, — дрожащим пальцем он тычет в телеграмму.

— Это же буквы «Х». Означают поцелуи[20].

— Вы уверены? — Он всё ещё жмётся в углу, — Мне они кажутся крестами.

— Нет, — я достаю ручку, рисую на бланке крест, — Крест выглядит вот так.

Он вскрикивает, свёртывается калачиком и я прихожу к выводу, что он то ли нюхнул-таки кокаина, то ли бремя славы слишком тяжело для него. Поэтому я чмокаю каждую из «пронзающих» в щёчку (щёчки у них холодные, как рука Влада) и отправляюсь домой, подсчитывая миллионы, которые заработаю в ближайшие пару

---

[20] Примечания: 20

По установившейся в англоязычных странах традиции в конце личного письма ставится один или несколько знаков “X", означающих поцелуи.

лет при помощи этого парня.

Я уже прихожу к мысли, что «мерседес», пожалуй, для меня маловат и серьёзно обдумываю возможность приобретения «роллс-ройса», но, как говорится, человек предполагает, а Бог располагает, потому что больше я уже не видел ни Влада, ни его цыпочек. Когда на следующий день я звоню ему в отель, мне сообщают, что он отбыл, не оставив нового адреса.

А теперь прошу меня извинить, пора бежать. У меня прослушивание новой группы, «Джек и потрошители». Не хочу опаздывать. Ребята они вроде бы не бесталанные, но какие-то странные. Попытка, однако, не пытка, кто знает, где вспыхнет новая звезда.

Перевод: Дмитрий Вебер

Дэвид Шоу
Последний выход сыновей шока

David J. Schow, "Last Call for the Sons of Shock", 1991

«Джон Бетанкур попросил меня написать что-нибудь о Франкенштейне для его антологии „Окончательный Франкенштейн“ („Ultimate Frankenstein“), — вспоминает Дэвид Шоу. — На что я ответил: „Бредовая идея“, но уже через двадцать четыре часа у меня был готов черновой набросок рассказа „Последнний выход сыновей шока“. Я его так хитро выстроил, чтобы заставить Джона поломать голову, в какую из трех „окончательных“ антологий — „Франкенштейн“ („Frankenstein“), „Дракула“ („Dracula“) или „Оборотень“ („Werewolf“) — его поместить. Я рассчитывал, что, зайдя в тупик, он напечатает произведение во всех трёх.

С этими „окончательными“ антологиями всё окончилось тем (извините за каламбур), что рассказ явился тематическим продолжением моего более раннего произведения „Монстры на экране“

(„Monster Movies“). Крейг Спектор, Джон Скипп и я читали его по ролям в Вассар-колледже: Крейг читал за Дракулу, а Джон за Человека-волка. Жаль, что вас там не было — много потеряли…»

Блэнк Фрэнк[21] приглушил громкость The Cramps[22] и задержал взгляд на голубом мерцании эквалайзера — он любил пульсирующие огоньки. Песня «Тварь из Чёрной кожаной лагуны» зазвучала более спокойно.

Клуб назывался «Нежить». Аудиосистема перекочевала сюда из лос-анджелесской «Тропиканы» — места, где собирались поклонники боёв в грязи, фокси-бокса[23] и кок-тиза,[24] — и грохотала под стать шумным посетителям: низкие частоты со сладкой жестокостью выворачивали наизнанку все внутренности.

---

[21] Примечания: 21

«Blank Frank» — песня Брайана Ино с его первого соло-альбома «Неге Come the Warm Jets», выпущенного в январе 1974 г.

[22] Примечания: 22

The Cramps — американская рок-группа, образованная в 1973 г.; тематика их песен была часто связана с классическими фильмами ужасов.

[23] Примечания: 23

Фокси-бокс — притворная драка между двумя (или более) женщинами.

[24] Примечания: 24

Кок-тиз (от англ. cock-tease — дразнить член) — шоу, в котором профессиональные стриптизёрши возбуждают посетителей, выполняя действия сексуального характера.

Блэнку Фрэнку это очень нравилось. Каждый раз, когда он думал о физическом контакте, ему представлялся удушающий захват типа «тиски».

Коробку «Столичной» он водрузил на мощное плечо, а коробку с бутылками виски зажал под мышкой — требовалось пополнить запасы бара. Выходные — дело ответственное. Блэнк Фрэнк мог за один раз, не пользуясь грузовой тележкой, унести и пять таких коробок. Дверной проём был недостаточно высок для Блэнка, поэтому ему всё равно пришлось немного пригнуться, чтобы не удариться головой о притолоку. Дверь была похожа на те, что ставят в банковских хранилищах, — тяжёлая, с массивным цилиндрическим замком.

Оставалось два часа до открытия клуба.

Блэнк Фрэнк любил этот короткий период тишины и ожидания. Он не забыл эту дату. Блэнк ухмыльнулся, глянув на постер, висевший на стене рядом с кассовым аппаратом. Он купил его в голливудском сувенирном магазине, выложив кругленькую сумму, даже несмотря на свою профессиональную скидку. Блэнк прикрепил его к планшету, чтобы разгладились складки и загибы, и регулярно смахивал пыль со стекла. Двухцветный кинопостер с огненно-пылающими буквами.

Это был его первый фильм. И очень часто посетители «Нежити», тряся пачкой наличных, настойчиво просили продать постер. И каждый раз Блэнк Фрэнк говорил «нет» и улыбался — и наливал за счет заведения.

Он прибавил громкость — звучало длинное вступление «Бела Лугоши мёртв» Bauhaus.[25]

Персонал пил исключительно кофе и охлаждённый чай. Блэнк Фрэнк предпочитал безалкогольный коктейль собственного изобретения, который он окрестил «Слепой отшельник». И сейчас Блэнк неспешно готовил его в хромовом блендере, положив одну руку на плазменную лампу, которую Мишель подарила ему четыре года назад, когда они стали популярными.

Ладонью он ощущал округлость стеклянной сферы, кончиками пальцев ловил импульсы фиолетовых «молний», играл с их интенсивностью и амплитудой колебаний, словно овладевал энергией, подобно всемогущему Николе Тесле.

Блэнк Фрэнк любил пульсирующий переменный ток.

На его теле было достаточно много татуировок. Но одна, на тыльной стороне левой руки,

---

[25] Примечания: 25

Bauhaus — британская рок-группа, образованная в 1978 г.; эталон готического рока.

той самой, что сейчас играла с плазменной лампой, особенно ему нравилась: стилизованное изображение земного шара с огибающим его крошечным самолётиком.[26] Татуировку он сделал так давно, что чернила успели изрядно поблекнуть.

Последние три десятилетия Блэнк Фрэнк был совершенно лысым, и только на затылке остался жидкий пучок волос. Блэнк заплетал его в аккуратную косичку и периодически подрезал ножницами на шесть дюймов. Косичка была абсолютно седой. Иногда, когда Блэнк накачивался алкоголем, она темнела и он не знал почему.

Мишель работала стриптизёршей до тех пор, пока владельцы клуба не перессорились и заведение не продали. А потом «Нежить» возродилась из пепла. И теперь Мишель нравилось работать официанткой и ей нравился Блэнк Фрэнк. Она называла его «верзилой». Большинство посетителей считали их любовниками. Но они таковыми не были. Однако все эти вымыслы и домыслы отводили от них массу возможных и нежелательных проблем, особенно по ночам в выходные дни.

---

[26] Примечания: 26

Имеется в виду старая заставка киностудии «Universal», выпустившей в 1930–1950 г. серию классических фильмов о чудовищах: Франкенштейн, Дракула, Человек-волк, Мумия, человек-невидимка и т. п.

Блэнк Фрэнк уяснил для себя, что всякие выдумки людям иногда нужнее, чем правда.

Блэнк Фрэнк тоже научился пускать пыль в глаза. Видели бы его сейчас байкеры — деликатный и внимательный. Заботливо хлопочущий.

Когда в «Нежити» кто-нибудь надирался сверх меры и затевал заварушку, Блэнк не часто играл роль вышибалы. Обычно он просто возникал за спиной нарушителя порядка и ждал, пока тот или та не оглянется и не извинится. В обязанности Блэнка Фрэнка входило «впечатлять массивными габаритами».

«И если одного впечатления недостаточно, — подумал, улыбаясь, Блэнк Фрэнк, — всегда есть „тиски“».

На экране монитора появилось такси «Ред-топ», оно остановилось у служебного входа в клуб. Блэнк Фрэнк почувствовал удовлетворение. Он как раз закончил драить барную стойку, и она блестела чистейшим ониксом. Блэнк снял входную дверь с сигнализации. Сейчас в нее три раза постучат.

Блэнку Фрэнку нравились все эти электронные прибамбасы: камеры, узконаправленные микрофоны, усилители, стробоскопы — всё, что производило мощный поток чистейшего

переменного тока и составляло техническую основу шоу, конечно же с маэстро в центре. Блэнка интересовали тумблеры и переключатели и пульсирующие огоньки. Но больше всего на свете он любил мощь энергии.

«Тук-тук-тук». Всё как всегда. Неизменные три стука.

— Отлично, — пробормотал себе под нос Блэнк Фрэнк.

Он поспешил к двери, в этот момент композиция закончилась и пространство клуба наполнилось потрескиванием и шипением пустого эфира.

Уезжает на лимузине, приезжает на такси — одна из этих причуд планирования, гори они огнем. Вечным огнем.

Граф дал таксисту сумасшедшие чаевые: он привык иметь дело только с крупными суммами. И никогда не требует сдачи. Никогда в жизни Граф не платил налоги. В прошлом году он заработал сорок три миллиона, большая часть этой суммы, за вычетом накладных расходов и затрат на отмывание, спокойно хранится в золотых слитках в банках за пределами страны.

Граф энергично постучал зонтиком в дверь «Нежити». Блэнк Фрэнк никогда не допускал,

чтобы стук повторялся дважды.

Граф обрадовался, когда в смотровом окошке двери, полностью заполнив его, появилось лицо Блэнка. Затем его огромное тело закрыло весь дверной проём. Граф любил Блэнка Фрэнка, несмотря на его нелюдимость. Безусловная преданность Блэнка позволяла приятно расслабиться; казалось, чувство чести и элементарной справедливости было изначально заложено в это массивное тело. С этим громилой можно было просто сидеть, пить и вести непринуждённый разговор об их общих знакомых, о том, что произошло за время, истёкшее с их последней встречи, — никаких сплетен и злобных обсуждений, чисто дружеская беседа. А им было о чем поговорить.

Граф и Блэнк Фрэнк живут на земле так давно, что по возрасту им уступает любое из самых старых зданий Лос-Анджелеса.

Живут. Следует добавить в словарь несколько новых, более современных значений этого слова. Ученые могут спорить на этот счет, но Граф, Блэнк Фрэнк и Ларри, бесспорно, живые существа. В особенности Ларри. Искусственно созданные в лабораториях человекоподобные существа, зомби и ходячие мертвецы не станут усматривать в

ежегодных тайных встречах их троицы в «Нежити» нечто сверхъестественное и невозможное.

Граф всегда чрезвычайно бледен, и оттого кажется, что его тонкая, как рисовая бумага, кожа, покрытая сетью мелких морщинок, имеет легкий голубоватый оттенок. На лице не отразился груз прожитых лет, оно скорее напоминает испещрённую линиями ладонь, по которой искусный хиромант легко прочитал бы книгу жизни. Ярко-голубые, как у сибирской хаски, глаза скрыты за непроницаемо чёрными стёклами очков ромбовидной формы. Волосы он неизменно зачёсывает назад и смазывает гелем для придания влажного эффекта. Чёрные, как смоль, пряди от белоснежных висков и макушки нарочито театрально тянутся назад. Ларри называет это «причесоном от старомодного оперного дирижёра». Губы у Графа тонкие, цвета варёной печенки. Его привычная диета уже не способствует крепости и полнокровию, а лишь не даёт ему умереть, И это его утомляет.

Пока Блэнк Фрэнк шёл открывать дверь, Граф успел прикурить папироску с кока-пастой и глубоко затянуться. Новая порция наркотика мгновенно его взбодрила.

Моросил дождь. Такси, шурша влажными по-

крышками, укатило в ночь.

Блэнк Фрэнк открыл дверь и, изображая важного дворецкого, держал её, позволяя Графу войти.

Брови Графа сошлись на переносице.

— Ну что, друг мой, успел позабыть?

Благородный европейский акцент едва улавливался. Граф долгие годы обучался такой манере речи и сейчас мог заслуженно гордиться достигнутыми результатами. Иногда его принимали за канадца.

Блэнк Фрэнк придал лицу выражение провинившегося ребёнка.

— О, простите, — кашлянул он, прочищая горло. — Не желаете ли войти?

Поддерживая игру, Граф, в своем двубортном костюме от Армани стоимостью несколько тысяч, театрально кивнул и вошёл в прохладный, мрачный пустой бар. В любом случае всегда приятнее, когда тебя приглашают.

— Ларри? — спросил Граф.

— Нет ещё, — ответил Блэнк Фрэнк. — Ты же знаешь Ларри, он всегда опаздывает. Он как в другом часовом поясе живёт. Знаменитости полагают, что весь мир должен их ждать. — Он кивнул в сторону часов, словно они могли всё объяснить.

Граф отлично видел в темноте, и даже непроницаемо чёрные стёкла очков не могли ему в этом помешать. Когда он их снял, Блэнк Фрэнк заметил в его левом ухе серебряный крестик с распятием.

— Заделался металлистом?

— Понравилась штучка, — ответил Граф. — Хотя я никогда особенно не увлекался драгоценностями. Чем их у тебя больше, тем у алчных людей острее соблазн разрыть твою могилу. Ларри это с лёгкостью подтвердит. С гробокопателями дружбу не водят.

Блэнк Фрэнк провёл его к трем викторианским стульям с высокими спинками, которые принёс из комнаты для отдыха и расставил вокруг коктейльного столика, прямо в круге света, падавшего от лампы. Получилось подчёркнуто театрально.

— Впечатляет. — Взгляд Графа метнулся в сторону бара.

Блэнк Фрэнк туда уже направлялся.

Граф сел и продолжил:

— Когда-то я был знаком с женщиной, она страдала ужасной аллергией на кошек. Но любила их безумно. И вот однажды… уф! Аллергия исчезла: никакого тебе насморка, красных глаз и потоков слёз. Она перестала пить таблетки, от которых

её вечно клонило в сон. Её любовь к кошкам заставила организм адаптироваться, и аллергия сама собой прошла. — Его пальцы коснулись серебряного крестика в ухе, некогда крест был для него предметом устрашения. — Я ношу его в знак того, что тело может само себя победить. Взять верх над происходящими в нём химическими процессами.

— Это как у меня с огнём. — Блэнк Фрэнк протянул ему ядерную смесь под названием «Гангбанг».[27]

Граф сделал глоток и, как кот, довольно зажмурился. Напиток, должно быть, имел чудовищную крепость. Раз подействовал на Графа, с его-то концентрацией веществ в крови.

Блэнк Фрэнк наблюдал, как Граф медленно, с наслаждением сделал ещё один большой глоток.

— Знаешь, Ларри снова будет спрашивать, продолжаешь ли ты заниматься… ну, в общем тем, чем ты занимаешься.

— Я не люблю оправдываться. — (Но Блэнк заметил, как Граф выпрямился на стуле, словно готовясь обороняться.) — Я смотрю, у тебя здесь всё по-старому. — Он указал в сторону бара.

---

[27] Примечания: 27
Gang-bang — групповое изнасилование (*англ.*).

Изменись Граф до неузнаваемости, жесты бы его выдали — величественные и грациозные. Эмоционально-выразительный язык тела.

— Всё в рамках закона. Еда. Напитки. Сигареты.

— О да, вот в чем трудность.[28] — Граф потер переносицу. Он постоянно пользовался лекарствами, снимающими отечность.

Блэнк Фрэнк ждал, что вот сейчас он вытащит таблетки, но вместо этого Граф высыпал на оранжевато-розовую внутреннюю сторону ногтевой пластинки порцию кокаина. Сам ноготь был чёрный, длинный, хорошо отполированный. И вместительный. Блэнк по опыту знал, что волосы и ногти продолжают расти и после смерти. Граф вдохнул эквивалент полноценного обеда в «Спаго».[29] Включая капучино.

— Нет на планете такого уголка, где бы я не жил, — сказал Граф. — В Арктике. В малонаселённых районах Австралии. Среди болот Кении. В Сибири. Без единой царапины я прошёл не одну

---

[28] Примечания: 28

Ср.: «Уснуть! / И видеть сны, быть может. Вот в чём трудность; / Какие сны приснятся в смертном сне?» (У. Шекспир. Гамлет. Пер. М. Лозинского).

[29] Примечания: 29

«Спаго» — итальянский ресторан.

зону боевых действий и горячих точек. На войне очень многое узнаешь о людях. Я пережил холокост и даже взрыв небольшой ядерной бомбы — просто хотел проверить, смогу ли я это выдержать. Можете обвинить меня в высокомерии, но какому бы риску я себя ни подвергал, с какими бы людьми я ни встречался, я сделал для себя один важный вывод: у людей есть черта, свойственная им всем без исключения.

— В их жилах течёт красная жидкость, — шутливо вставил Блэнк Фрэнк. Ему не нравилось, когда разговор становился слишком мрачным.

— Нет. Они все стремятся к экстатическим состояниям. И не важно, каким образом они этого достигают. Телевидение. Секс. Крепкий кофе. Власть. Быстрые машины. Садистские игры. Эмоциональные встряски. Но чаще всего они прибегают к химическим препаратам. Для них это как растворимый кофе. Мгновенно покупается нужное состояние. Подчёркиваю, это состояние покупается, а не достигается естественным путём. Хочешь расслабиться или взбодриться, стать сильнее или глупее? Легко! Просто что-нибудь глотни, вдохни, вколи и мир вокруг тебя сразу же изменится. Коммерчески процветают те отрасли, которые предлагают наипростейший способ. И

проституция тому наглядный пример. Кровь, плоть, оружие, должности — всё товар. Люди так много хотят от жизни.

Граф улыбнулся и сделал глоток волшебного напитка Блэнка Фрэнка. Он знал: конец жизни — это только её начало. Сегодня первый день оставшейся тебе смерти.

— Прости, дружище, мою резкость. Понимаешь, я до такой степени рационализировал своё призвание, что готов говорить списками, демографическими выкладками. Только вот редко находится благодарный слушатель.

— Ты это долго репетировал.

Блэнк Фрэнк сразу почувствовал чёткость хорошо поставленного голоса, она проявлялась у Графа каждый раз, когда он готовился произнести пафосную речь. В течение последних столетий Блэнка и самого столько кололи шприцами, что все вены ушли. Он попробовал Графов сверхчистый кокаин, но от него становился нервным и раздражительным. Ещё как-то действовали седативные средства, но и их приходилось употреблять в огромных количествах, каждый раз на грани передозировки. Да и успокаивали они ненадолго.

— Скажи мне… Наркотики… они на тебя дей-

ствуют?

Блэнк Фрэнк видел, как Граф задумался, решая, насколько может быть откровенен. Затем по его тонким губам пробежала и тут же исчезла тень улыбки — особое проявление расположения к старому приятелю.

— Я пользуюсь различными паллиативными средствами. Скажу тебе истинную правду: они дают лишь иллюзию облегчения, так, пустяковое занятие для рук, чтобы отвлечься. Видя, что ничто человеческое мне не чуждо, в том числе пороки, мои клиенты успокаиваются и переговоры проходят без сучка без задоринки.

— Сейчас ты рассуждаешь как заправский коммерсант, — сказал Блэнк. — В тебе не осталось ни капли королевского величия?

— Да, роль чисто номинальная. — Граф нахмурился. — Да и кто мои вассалы? Рок-звёзды. Патологические ловцы острых ощущений. Монстры корпораций. Их моя родословная не интересует. Ни на йоту. Я живу, как дизайнер высокой моды. Все мои мысли сосредоточены на коллекции следующего сезона. В восьмидесятые

из давно забытых бутылок Мариани[30] я извлек кокаин и пустил его в массы. Затем адреналин, крэк, айс. Я — дизайнер наркотиков. Конечно же, ты уже знаешь об экстази. Но ты ещё не знаешь о хроме и усилке. Ничего, скоро услышишь.

Неожиданно во входную дверь забарабанили так, словно прибыл целый отряд из Управления по борьбе с наркотиками. Блэнк Фрэнк и Граф удивлённо повернули головы. Краем глаза Блэнк заметил кобуру с браунингом под левой подмышкой Графа.

«Это скорее для имиджа», — мелькнуло в голове у Блэнка.

Шум был такой, словно в дверь, завывая, лупил ногой какой-то сумасшедший. Блэнк Фрэнк поспешил туда. Но чем ближе он подходил, тем больше успокаивался.

Конечно же, это мог быть только Ларри.

— Чёрт побери, рад тебя видеть, мёртвый громила!

Ларри был на голову ниже Блэнка Фрэнка. Но

---

[30] Примечания: 30

«Вино Мариани» — вино, созданное (патент с 1863 г.) французским химиком корсиканского происхождения Анджело Мариани (1832–1914) на основе вин бордо с добавлением экстракта листьев коки. На унцию напитка приходилось 6 мг кокаина, а при экспорте даже 7,2 мг. Вино Мариани повсеместно запретили к продаже в годы Первой мировой войны.

он напрыгнул на друга и облапил его в медвежьих объятиях.

От вида Ларри рябило в глазах.

Украшенные блестками и бахромой красные брюки из лайкры плотно облегали ляжки. Желтовато-золотистые ковбойские сапоги поблёскивали шпорами. Пряжка на тиснёном ремне не уступала в размерах решётке на «роллс-ройсе». Аксессуаров на Ларри было как украшений на рождественской ёлке: в ухе массивный серебряный череп с перьями, целая связка браслетов из арсенала металлистов и рэперское, на три пальца, золочёное кольцо с гравировкой «ваууууу!». Его массивная грудь бочонком выпирала из серебристой гонщицкой куртки с эмблемой «феррари-дайтона»; молния расстёгнута, куртка смыкалась только кнопкой на поясе, так чтобы весь мир видел его обтягивающую майку неоново-алого, цвета вырви глаз с оттиском его карикатуры в жёлтом и вопиющей надписью «Настоящий Человек-волк». Даже в ночное время Ларри не снимал своих «Рей-Бен»[31] и при каждом движении громко звенел всеми побря-

[31] Примечания: 31

«Рей-Бен» — фирма, выпускающая солнцезащитные очки. Её продукция получила широкую известность благодаря Голливуду и поп-культуре в 1960-х и 1980-х г.

кушками.

— А где же наш старик Бэтмен? А, вижу, прячется в темноте! — Ларри звучно хлопнул Блэнка Фрэнка по плечам и размашистым шагом направился к Графу. С ним он позволял себе только рукопожатие — сухое и предельно официальное. — Ну что, клыкастый пижон, выбрался с друзьями повидаться? Вечеринка начина-а-а-ется!

— Знаменитость осчастливила нас своим визитом, — сказал Блэнк Фрэнк. — Чёрт побери, что за дерьмо такое — «настоящий» Человек-волк?

Ларри скорчил гримасу, скаля зубы:

— Маленькая загвоздка с авторским правом, торговой маркой, принудительным отчуждением… и одним недоноском, который взял и зарегистрировался во Всемирной федерации рестлинга как Человек-волк. Оказывается, я сам его и укусил, лет уже двадцать назад. Так что мне пришлось добавлять «настоящий». На прошлой Рестлмании мы с ним выступили как тэг-тим. Только вот приличного названия для команды так и не придумали.

— «Охвостье помета», — пошутил Граф.

— «Адские волчата», — подхватил Блэнк Фрэнк.

— Будьте так любезны засунуть свои драгоценные предложения поглубже и дважды провернуть. — Ларри натянул на лицо свой фирменный оскал, снял солнцезащитные очки и обвёл взглядом «Нежить». — Что нам в этой волчьей яме предлагают? Чёрт побери, мне может кто-нибудь ответить, что это вообще за город?

— У тебя сейчас турне? — Блэнк Фрэнк принял на себя роль гостеприимного хозяина.

— Да. В следующую пятницу в Атланте надо надрать задницу Джейку-Змею. Хотим с Дэмьеном задавить его, посмотрим, как питон это выдержит. Реально ломать его не собираюсь, но кровь ему попортить очень хочется, если понимаешь, о чём я.

Блэнк Фрэнк ухмыльнулся, он знал, что Ларри имеет в виду. Это означало ухватить противника левой рукой, а затем крепко сжать своё запястье правой рукой.

— Тиски.

Этот прием Ларри сам изобрёл, по своей скандальной репутации он уступал только удушающему захвату. В прошлом тиски не раз помогали Блэнку справиться с каким-нибудь отъявленным буяном. Авторство принадлежало Ларри и он мог им гордиться.

— По-настоящему кровь попортить! — пришёл в восторг Ларри.

— Ш-ш-ш, — предостерегающе зашипел Граф. — Пожалуйста.

— О, прости, тот, для кого время стало вечностью. Эй! А помнишь ту пивоварню, они сделали три, что ли, рекламных ролика с Пивным Волком, прежде чем кампания загнулась? Так это был я!

Блэнк Фрэнк поднял свой бокал со «Слепым отшельником»:

— В таком случае за Пивного Волка. Пусть подольше воет на луну.

— За Пивного Волка, — сказал Граф.

— Мать вашу… — Ларри выпил залпом до краёв полную кружку пива, рыгнул, вытер пену с губ и по-волчьи взвыл.

Граф промокнул губы салфеткой.

Ларри откалывал знакомые коленца, а Блэнк Фрэнк глядел на него, и воспоминание обожгло его мозг, как стопка крепкого на прицепе. Ларри всегда будут выдавать эти его нос, зубы и глаза-бусины. Да и сросшиеся на переносице брови в старые времена считались классической уликой. За исключением густых бровей, особой волосатостью Ларри не отличался. По крайней мере, в людском обличье. Руки покрывали тонкие рыже-

ватые волоски. Тренажёры и мордобой, которым Ларри зарабатывал на жизнь, внушительно увеличили его плечи: Обычно он носил футболки. Во время шоу Ларри разрывал их на груди. Он был грудой мышц, без единой складки жира. Ларри мог сжать банку с пивом так, что она открывалась с оглушительным хлопком. Пентаграмма на его мозолистой ладони выцвела, как татуировка Блэнка Фрэнка.

— Классно, — сказал Ларри, имея в виду крест с распятием в ухе Графа.

— Да и у тебя не менее рискованная штука, — ответил Граф, кивая на серебряную, в виде черепа серьгу Ларри. — Или это свет так падает?

Пальцы Ларри коснулись серебра.

— Да. Виноват. А давненько мы не вспоминали всю эту киношную лабуду.

— А мне нравилось. — Блэнк Фрэнк показал свою татуировку. — Хорошо было.

— Хор-рошо… — сказали Ларри и Граф в один голос, подшучивая над другом.

Все трое вообразили крошечный самолёт, который, однажды поднявшись в воздух, обречён вечно летать вокруг чёрно-белого земного шара.

— И давно она у тебя? — спросил Ларри с ободком пены вокруг рта, отрываясь уже от второй

кружки пива.

У Блэнка Фрэнка расширились зрачки, он пытался вспомнить, когда же у него появилась эта татуировка и не мог.

— Лет сорок назад, — подсказал ему Граф. — К тому времени, как он решил сделать себе эту татуировку, они уже сменили логотип.

— Может быть, именно поэтому я её и сделал, — всё ещё немного растерянно произнес Блэнк Фрэнк. Он водил по татуировке круговыми движениями, словно рассчитывая на наплыв и флэшбек с предысторией.

— Эй, но мы же тогда спасли эту чёртову студию от банкротства, — разозлился Ларри. — Мы и Эббот с Костелло.[32]

— Им тоже указали на дверь. — До сих пор Граф чувствовал себя уязвлённым из-за того, что в общем бардаке его лицо использовалось с грубейшим нарушением авторских прав. Он видел своё изображение на каждом углу, но платить ему за это никто не собирался. Его деловому чутью был нанесён серьёзный удар. И он отлично понимал,

---

[32] Примечания: 32

Бад Эббот (Уильям Эббот, 1897–1974) и Лу Костелло (Луис Фрэнсис Кристилло, 1906–1959) — популярный комический дуэт. В фильме «Эббот и Костелло встречают Франкенштейна» (1948) фигурировали и Франкенштейн, и Дракула, и Человек-волк — все три классических монстра студии «Universal».

почему должен существовать «Настоящий Человек-волк». — Баду, Лу, тебе, мне, верзиле — нам всем после Второй мировой войны досталась одна бурда, сливки сняли другие.

— Я был на похоронах Лу, — сказал Ларри. — Ты в это время отсиживался в Карпатах. — Он повернулся к Блэнку Фрэнку. — А ты даже не знал о его смерти.

— Я любил Лу, — сказал Блэнк. — Разве я не рассказывал тебе, как случайно переломил его на съёмочной площадке…

— Да, — в один голос произнесли Граф и Ларри.

Это разрядило напряжение, вызванное мрачными воспоминаниями об интригах бездушных киностудий. Лучше вспоминать людей, а не события.

Блэнк Фрэнк предался воспоминаниям. Он направился к бару, чтобы сполоснуть свой бокал. Плазменная лампа тихо потрескивала, в прозрачном шаре бушевала буря, сотворённая человеческими руками.

— Я слышал, старина Эйс получил работу в Музее национальной истории, — сказал Ларри, имея в виду их друга по прозвищу Эластичный Бинт. Ларри всем давал клички.

— Принц,[33] — поправил его Граф, — продолжает охранять принцессу. Она выставлена в Египетском зале. Принц заключил сделку с охраной музея. Он всю смену бродит по залам с костями — настоящее кладбище; он его охраняет. Они посадили Принца на синтетический аналог листьев таны. Препарат оказывает на него успокаивающее действие, как метадон.

— Да, ночной сторож, — протянул Ларри, очевидно задумавшись о мизерной зарплате. И о том, зачем Принцу могли понадобиться деньги смертных. — Трудно представить.

— А ты посмотри на себя в зеркало, — посоветовал ему Граф.

— Завидуешь? — фыркнул Ларри.

Блэнку Фрэнку не составило труда представить Принца блуждающим ночью по лабиринту пустых коридоров, звенящих тишиной. По сути ведь музей не что, иное как гигантский склеп.

Ларри был абсолютно уверен, что Рыбья Морда — ещё одна кличка в их обиходе — сбежал из Сан-Франциско от сумасшедшего учёного, возможно, чтобы осесть где-нибудь в луизианской

---

[33] Примечания: 33

То есть Имхотеп — герой ещё одной классической «юниверсаловской» картины, «Мумия» (1932, реж. Карл Фройнд); его роль, как и чудовища Франкенштейна, исполнял Борис Карлофф.

дельте.[34] Они с Ларри были особенно близки (солидарность млекопитающих и земноводных — не пустой звук), а также самыми неистовыми из всей старой компании. Ларри до сих пор лелеял надежду уговорить своего чешуйчатого приятеля на поединок в платном эфире. Однако ему никак не удавалось решить проблему со стальным аквариумом, необходимым для этого поединка.

— Гриффин?[35] — спросил Граф.

— Да кто его знает? — пожал плечами Блэнк Фрэнк. — Он может стоять у нас здесь перед самым носом и мы никогда об этом не узнаем, пока он не запоёт «Майских психов».[36]

— Он был мизантропом, — сказал Ларри. — Как и его ненормальный сынок.[37] Вот до чего наркота доводит.

---

[34] Примечания: 34

Имеется в виду герой картины Джека Арнольда «Тварь из Чёрной лагуны» (1954) — ещё один классический монстр студии «Universal».

[35] Примечания: 35

Джек Гриффин — герой романа Герберта Уэллса «Человек-невидимка» (1897), экранизированного Джеймсом Уэйлом в 1933 г., ещё один классический монстр студии «Universal».

[36] Примечания: 36

Песенка из одноименного фильма «Майские психи» («Nuts in May»), в русском прокате — «Сумасброды».

[37] Примечания: 37

Имеется в виду пародийный эпизод «Сын человека-невидимки» из комедии «Амазонки на Луне» (1987).

Колкость, разумеется, предназначалась Графу. Граф ожидал чего-то подобного от Ларри и потому пропустил её мимо ушей. Сегодня ему совершенно не хотелось затевать спор об этической стороне употребления наркотиков.

— Иногда я мечтаю о том времени, — сказал Блэнк Фрэнк. — А потом опять смотрю фильмы. Мечты сбываются. Это пугает.

— До наступления этого столетия, — сказал Граф, — я никогда не беспокоился о том, что кто-то собирает на меня досье.

Из них троих Граф больше всех пёкся о неприкосновенности частной жизни.

— Ты романтик. — Такими оскорблениями Ларри бросался только в своем кругу. — Для большинства людей очень важно считать нас монстрами. Мы не можем отрицать того, что так достоверно изобразил чёрно-белый кинематограф. Было время, когда мир нуждался в таких чудовищах.

Каждый задумался о своем роде занятий на текущий момент и каждый пришёл к выводу, что они всё ещё нужны этому миру.

— Никто не собирается досаждать тебе сейчас, — упорно продолжал Ларри. — Не стоит беспокоиться насчёт своего прошлого и тем более

пытаться переделать его. Сегодня твоё прошлое — достояние общественности, оно только и ждёт того, чтобы тебя опровергнуть. Мы делали свою работу. Много ты можешь назвать людей, кто стал легендой только благодаря своей работе?

— Легендой? — передразнил его Граф. — Будешь бросаться такими словами — волосы на руках вырастут.

— Накося выкуси. — Ларри показал фигу.

— Нет, спасибо, я уже обедал. Но я кое-что принёс тебе. Вам обоим.

Блэнк Фрэнк и Ларри почувствовали, что Граф заговорил так, будто тяжёлая камера Митчелла[38] отъезжает назад, куда-то в темноту. Граф достал и протянул им два небольших свёртка.

Ларри тут же принялся разворачивать свой подарок.

— Весит целую тонну!

Из упаковки появилась волчья голова — свирепая, с оскаленной пастью. В грациозной шее проделаны два отверстия.

— Это набалдашник трости, — сказал Граф. — Только он и остался.

---

[38] Примечания: 38

Джордж Альфред Митчелл — основатель компании «Mitchell Camera Corporation», получил премию Американской киноакадемии за технические достижения в начале 1960-х г.

— Ты не шутишь? — Впервые за вечер грохочущий голос Ларри сделался тихим. Казалось, волчья голова потяжелела в его руке. Глаза стали влажными.

Сверток Блэнка Фрэнка был и меньше, и легче.

— Подарок для тебя оказался настоящей головоломкой, — сказал Граф. Ему нравилась роль конферансье. — Выбор такой большой, трудно было решить, на чём остановиться. Выбрать ли землю Трансильвании? Воду из озера Лох-Несс? Камень из руин замка?

Когда Блэнк Фрэнк развернул упаковку, он увидел кольцо. Золотое. Старое настолько, что тонкая скань потерлась в некоторых местах. Маленький рубин в когтистой лапе. Блэнк Фрэнк поднёс его к свету.

— Насколько мне удалось выяснить, кольцо некогда принадлежало мужчине по имени Эрнст Волмер Клампф.

— Кому? — удивленно переспросил Ларри. — Что за странное имечко?

Блэнк Фрэнк находился в замешательстве. Сквозь кольцо, как сквозь увеличительное стекло, он посмотрел на Графа.

— Клампф умер много лет назад, — сказал Граф. — Умер и был похоронен. А затем его эксгу-

мировали. Потом некоторые части его тела были использованы искусным хирургом при сотворении одного нашего общего знакомого.

Лицо Блэнка Фрэнка прояснилось.

— Фактически часть Эрнста Волмера Кламп-фа до сих пор ходит по земле… и угощает своих друзей в баре.

Графа порадовало то выражение лица Блэнка, с каким он начал примерять кольцо. Оно с трудом налезло ему на левый мизинец.

Чтобы не задохнуться подступившими слезами, Ларри решил пошуметь. Одним прыжком, рисуясь, он перемахнул через барную стойку и сам наполнил свою кружку.

— У меня тост, — громогласно произнёс он, высоко поднимая кружку и расплёскивая налитое до краев пиво. — За покойных друзей. То есть за нас.

Граф достал несколько капсул из изящной жестянки, закинул их в рот и запил остатками «Гангбанга». Блэнк Фрэнк одним глотком разделался со «Слепым отшельником».

— О счёте даже не думайте, — сказал Блэнк, помня привычку Графа всегда за всё платить.

Граф улыбнулся и благосклонно кивнул. Порядок в оплате счётов был его пунктиком. Блэнк

Фрэнк крепко, по-дружески похлопал Графа по плечу, поскольку до Ларри было не дотянуться. Граф не любил физических контактов, но сейчас стерпел, всё-таки это Блэнк Фрэнк.

— Мать вашу, парни, мы же можем сделать наш собственный сиквел, все таланты в сборе! — воскликнул Ларри. — Можно подключить кого-нибудь из новичков и устроить слёт монстров.

Вполне реальная идея. Троица многозначительно посмотрела друг на друга. Промелькнуло чувство вины, смешанной со стыдом, будто кто-то коварно, исподтишка испортил воздух в небольшой, тускло освещённой комнате.

«Бери выше — в тускло освещённой камере пыток», — подумал Блэнк Фрэнк, помня, как важно всегда оставаться в образе.

Блэнк Фрэнк задумался о сиквелах. О том, как когда-то студии дёргали их за марионеточные нити и заставляли, пошатываясь, возвращаться. Снова и снова. Добавляли новых монстров, когда интерес публики угасал. И так, пока не выжимали весь возможный доход, после чего выбрасывали за борт, заставляя страдать от ностальгии.

В каком-то смысле это было подобно проживанию смерти.

И эти встречи, повторяющиеся из года в год, стали, по сути, тоже сиквелами.

Осознание этого вызывало депрессию. К концу вечера у Блэнка Фрэнка всю душу выворачивало наизнанку. Он старался оставаться дружелюбным и, насколько получалось, разговорчивым, но настроение портилось с каждой минутой всё больше и больше.

Ларри выдул столько пива, что слегка окосел. Граф, употребивший целый букет различных веществ, глубоко осел внутри своего дорогого пиджака, казалось, он подбородком упирался в рукоятку пистолета, который всегда носил с собой. Ларри сделал глубокий глоток и завыл волком. Граф заткнул ухо пальцем.

— Лучше бы он этого не делал, — сказал он вполголоса с интонацией актёра, стоящего на авансцене, а значит, раздражение было скорее показным.

Когда Ларри в очередной раз переваливался через барную стойку, как всегда двигаясь размашисто, с нарочитой демонстративностью, он умудрился всадить свой массивный локоть прямо в застеклённый постер Блэнка Фрэнка. Раздался треск, в стекле осталась вмятина, оплетённая паутиной мелких трещин. Ларри выругался и

мгновенно расстроился. Затем принялся сбивчиво предлагать заплатить за разбитое стекло.

Граф, в свою очередь, как и следовало ожидать, предложил купить постер, поскольку это теперь была повреждённая вещь.

Глядя на своих друзей, Блэнк Фрэнк покачал большой квадратной головой:

— Это всего лишь стекло. Я его заменю. В первый раз, что ли.

Пришедшая в голову мысль, что он уже делал это, вконец испортила ему настроение. Он видел своё отражение, паутиной трещин разделявшее лицо на отдельные неровные фрагменты, а за ним зловещее изображение в красных всполохах. Он тогда. И он сейчас.

Блэнк Фрэнк провёл ладонью по лицу, словно оно было не его, а чьё-то чужое.

Ногти у него всегда были чёрными, но сейчас это было даже модно.

Ларри пребывал в расстройстве от своей неуклюжести, а Граф каждые пять минут посматривал на свой «Ролекс», словно опаздывал на важную встречу. Что-то испортило всем настроение и Блэнк Фрэнк злился, потому что никак не мог понять, что именно. А когда злился, он мог взорваться в любую минуту.

Граф поднялся первым — этикет превыше всего. Ларри снова принялся извиняться. Блэнк Фрэнк оставался подчёркнуто любезным, хотя ему вдруг захотелось как можно быстрее выставить гостей вон.

Граф чопорно поклонился. Его лимузин подъехал минута в минуту. Ларри сжал Блэнка Фрэнка в крепких объятиях.

— *Au revoir*,[39] — сказал Граф.

— Пусть все тебя боятся, — сказал Ларри.

Блэнк закрыл дверь чёрного хода и задвинул щеколду. Сквозь крошечное смотровое окошко он наблюдал, как бесшумно и плавно исчез в темноте лимузин Графа, как растаяли в темноте блёстки, усыпавшие одежду Ларри.

До открытия оставалось ещё полчаса. «Нежить» начинала заполняться посетителями только после полуночи, и было маловероятно, что кто-то нечаянно пострадает.

Блэнк Фрэнк врубил музыку на всю громкость и неуклюже отбил чечётку. Надгробная речь под аккомпанемент. Он любил Ларри и Графа безгранично и преданно и надеялся, что они поймут его поступок. Блэнк думал, что его ближайшие

---

[39] Примечания: 39
До свидания (*фр.*).

друзья достаточно проницательны, чтобы не счесть его сумасшедшим.

Он не сумасшедший и, конечно же, не монстр.

Пока музыка гремела, Блэнк достал из-за стойки бара две небольшие пластиковые бутылки с керосином для лампы и щедро полил им старое дерево. Поджигатели называют такие легковоспламеняющиеся жидкости «катализатором».

Во всех сценариях неизменно присутствовала либо опрокинутая лампа, либо факел, брошенный из толпы сельчан, — и вспыхивал финальный очистительный пожар. Лаборатории безумных учёных, особняки и даже каменные крепости горели и изрывались, уничтожая опасных монстров, но только до той поры, пока в них вновь не появлялась надобность.

Тёмные нити змеями скользнули сквозь крошечную косичку на затылке Блэнка Фрэнка. Всё эти «слепые отшельники»…

Тёмно-красная электрическая дуга потянулась к его пальцу и мягко прошла сквозь него. Он осторожно выдернул из розетки шнур плазменной лампы, обхватил её своей громадной рукой и прижал к себе. Постер с разбитым стеклом он оставил висеть на стене.

Чиркнул спичкой о ноготь большого пальца.

Пламя с шипением поглотило зеленовато-жёлтую головку. «Нежить» сотрясли басы D. O. A.[40] Острый запах фосфора разорвал плотность спёртого воздуха. Спичка горела ровным голубым пламенем в оранжево-жёлтом ореоле. Пламя трепетало в больших чёрных зрачках Блэнка Фрэнка. И, словно в колышущемся свете свечи, он смотрел на своё отражение в разбитом стекле постера, осколками рассечённое на сегменты. Его прошлое. У него в руках плазменный шар — девственно-чистый, ждущий новой зарядки. Его будущее.

Он вспомнил весь свой прошлый опыт общения с огнём. Бросил спичку в лужицу «катализатора», поблёскивавшую на поверхности барной стойки. Пламя растеклось.

«Хорошо».

Блэнк Фрэнк направился к выходу, за спиной вспыхнуло белое зарево. Он закрыл за собой дверь. Ночь была прохладной и влажно-туманной. Плазменный шар запотел, он заметил это, когда остановился под фонарём, чтобы получше рассмотреть кольцо на мизинце. Он не нуждался ни во сне, ни в пище. Он будет скучать по Ми-

[40] Примечания: 40

D. O. A. — панк-группа из Ванкувера, Канада; её название расшифровывается как Dead on Arrival — «мёртв по прибытии».

шель, ну и вообще по народу, собиравшемуся в «Нежити». Но он не похож на них. У него впереди бесконечность и друзья, которые будут с ним вечно.

Блэнк Фрэнк любил мощь энергии.

Перевод: Н. А. Гордеева

Эдвард Хох
Дракула 1944

Edward D. Hoch, "Dracula 1944", 1991

Из окна своего кабинета гауптман Шелленберг мог обозревать весь Берген-Бельзен, так что любое перемещение заключённых не оставалось незамеченным. В последнее время транспорты прибывали каждый день. Вагоны были плотно забиты мужчинами, женщинами и детьми; до слуха Шелленберга постоянно доносились вопли и крики, столь характерные для лагерей уничтожения — при том, что Берген-Бельзен, в администрации которого он имел сомнительное удовольствие служить, строго говоря, не относился к лагерям смерти. Здесь, в отличие от Аушвитца или Треблинки, отсутствовали газовые камеры. То есть, разумеется, все эти евреи и цыгане, гомосексуалисты и уголовники были обречены. Но смерть приходила не сразу, относительно медленно, шаг за шагом.

Служебные обязанности гауптмана Шелленберга заключались в проведении селекции. По

прибытии очередного транспорта именно он отбирал самых сильных физически мужчин и женщин, и отправлял на каторжные работы. Тех, кто не годился для этого, гауптман определял в особый транспорт, предназначенный для отправки в небытие.

В последнее время среди заключённых Берген-Бельзена преобладали цыгане. Сам факт не вызывал особого удивления — первые цыгане появились в лагере одновременно с евреями. Другое дело — количество, существенно возросшее в последнее время из-за спешной очистки Румынии.

Фельдфебель Кронкер вытянулся при виде командира:

— Господин гауптман!

— Вольно, Кронкер. Что у нас за ночь? Были смертельные случаи?

— Так точно, два.

— Кто такие?

— Заключённый из барака 44… — фельдфебель сделал паузу. — И часовой.

Гауптман был неприятно удивлён:

— Часовой?

— Так точно, новенький. Заснул и не проснулся.

— Что же с ним стряслось?

— Потеря крови, герр гауптман.

Шелленберг нахмурился. Весьма подозрительная причина.

— Все ли заключённые были заперты ночью? — спросил он.

— Так точно, герр гауптман.

— Подготовьте письменный рапорт.

Утренний обход однообразных серых бараков, регулярно проводившийся гауптманом, заключался в том, что господин Шелленберг останавливался у входа каждого и громко задавал один и тот же вопрос: «Все вышли на работу?» — после чего делал в блокноте соответствующую пометку рядом с номером барака. Сегодня этот процесс был нарушен. В одном из бараков гауптман вдруг обнаружил сидящую цыганку.

— В чём дело? — строго спросил он. — Почему не на работе?

— Мой работа здесь, — ответила цыганка с сильным акцентом. — Я ухаживать за больным.

— Имя? — спросил гауптман. — Откуда прибыла?

— Ольга Хелсинг. Прибыла из Румынии с группой бродячие цыгане. Нас задержать военный патруль Германия.

— Понятно, — офицер окинул взглядом внут-

ренности барака.

— И где же больной, за которым ты ухаживаешь? Ну-ка, покажи!

Цыганка послушно пошла вперёд, Шелленберг последовал за ней. В самом тёмном углу барака она остановилась.

— Вот он.

Гауптман с трудом различил неподвижно лежавшего на нарах человека.

— Что с ним? — спросил Шелленберг.

— Не может работать днем. Страшный болезнь, кожа не выносить солнца. Очень редкий болезнь и очень опасный болезнь, — добавила цыганка.

Глаза гауптмана привыкли к темноте и он мог яснее разглядеть лежавшего. Тот был неподвижен, никак не реагируя на разговор гауптмана и цыганки. Его можно было принять за покойника.

— Берген-Бельзен — рабочий лагерь, — сказал гауптман нравоучительно. — Тут работают все, — он наклонился к табличке, на которой стояли имя и возраст заключённого, и прочитал: — «Влад Цепеш. 8 ноября 1887 года».

— Скажешь ему, чтобы завтра вышел на работу. Иначе его расстреляют. И тебя тоже.

Больше никаких неожиданностей не было. Но

внося в блокноте число заключённых, отправленных на работы, гауптман почему-то все время вспоминал пожилого цыгана, крепко спящего в тёмной глубине пустого помещения.

Дорога от административного корпуса до офицерской казармы, в которой жил гауптман, пролегала мимо бараков. Возвращаясь со службы после захода солнца, Шелленберг инстинктивно старался побыстрее миновать быстро прячущиеся в наплывавшую ночную тень приземистые сооружения.

Ближайшим к казарме оказался барак номер 52, тот самый, в котором гауптман обнаружил утром спящего цыгана. Шелленберг, впрочем, думал совсем не об этом, когда неожиданно услышал из темноты: «Гауптман Шелленберг!»

Поначалу он решил, что его окликнул часовой.

— В чём дело? — спросил он, всматриваясь в темноту. — Кто здесь?

— Нас не представили друг другу…

Шелленберг шагнул вперед и тут же отступил, разглядев униформу заключённого.

— Почему вы не в бараке? Я вызову охрану!

Мужчина вышел навстречу гауптману, так что лунный свет упал на его лицо.

— Я не причиню вам беспокойства, — он тихо

засмеялся. — Пока.

— У вас индивидуальное задание?

— Именно так. У меня особое задание. Я его выполню и вернусь в барак.

Шелленберг узнал в стоявшем перед ним человеке того самого больного из барака 52. Сейчас цыган выглядел вполне здоровым.

— Влад Цепеш? Кажется, так вас зовут? Рад, что вы поправились. Надеюсь увидеть вас завтра в рабочей группе, среди прочих.

— Я работаю только по ночам, гауптман. Солнечный свет мне вреден.

Шелленберг не мог объяснить, почему молча проглотил это заявление. Он смутно ощущал странную, сверхъестественную силу, исходившую от старого цыгана.

Той ночью умер ещё один часовой.

Письменное известие о новой смерти гауптман Шелленберг обнаружил утром на письменном столе бюро. Вновь речь шла о чрезмерной кровопотере — при полном отсутствии видимых ран на телах. И никаких следов крови на земле рядом с умершими.

Он немедленно доложил о случившемся коменданту лагеря оберсту Раушу.

— Полагаю, это заслуживает расследования, —

сказал Шелленберг. — Я хочу обратиться к врачу.

Рауш согласно кивнул обритой наголо головой.

— Разумеется, необходимо разобраться, — сказал он. — Поручаю это вам, гауптман. Таких совпадений не бывает, здесь чувствуется чей-то злой умысел. Потеря крови! Если к смертям причастен кто-то из заключённых, разыскать во что бы то ни стало!

Шелленберг подумал, что вряд ли часовые позволили бы заключённому приблизиться. Но промолчал.

В медицинском блоке он разыскал врача, делавшего вскрытие в обоих случаях, майора Фредерикса — толстого коротышку с непропорционально большой головой, в огромных, закрывающих пол-лица очках.

— Оба солдата действительно умерли абсолютно одинаково, — ответил он на вопрос гауптмана. — Большая потеря крови.

— И никаких ран?

— Если не считать таковыми крохотные уколы в области шеи. Выглядит так, будто над этими несчастными потрудились вампиры! — майор Фредерикс фыркнул. — Впрочем, я уже давно верю всему… Что-нибудь ещё, гауптман?

Шелленберг вспомнил цыгана из пятьдесят второго барака и спросил:

— Существует ли болезнь, чрезвычайно повышающая чувствительность кожи к солнечным лучам?

— Вы, очевидно, имеете в виду *Lupus Erythematosus*? При этом заболевании действие солнечных лучей вызывает появление волдырей на щеках и переносице. А в чем дело?

— Один цыган, из новеньких, уверяет, что болен такой болезнью. Он твердит, что не может работать на солнце.

— Вздор! Достаточно прикрыть лицо носовым платком.

— Благодарю, майор.

— А как его зовут, вашего цыгана?

— Влад Цепеш, — ответил гауптман.

— Цепеш. Странная фамилия, — хмыкнул Фредерикс.

Возвращаясь в свой кабинет, гауптман свернул к 52-му бараку. Так же, как накануне, у входа сидела Ольга Хелсинг.

— Доброе утро, — буркнул Шелленберг. — Ваш подопечный на работе?

— Нет-нет, он работать вредно, нет на солнце! — затараторила она.

— Я справлялся у врача, — сухо произнес гауптман. — Врач утверждает, что достаточно прикрыть лицо носовым платком и всё будет в порядке. Скажите ему, что сегодня же он должен быть в рабочей группе.

— Откуда знать врач? — заспорила старуха. — Врач ведь не смотреть его!

Шелленберг резко толкнул ее, так что старая цыганка не удержалась на ногах и упала.

— Не морочьте мне голову! — крикнул он. — Выполняйте то, что я сказал. Иначе и вы, и ваш подопечный будете отправлены в другой лагерь!

Гауптман был недоволен тем, что фактически ударил её. Но что делать, эти люди понимают только силу и только такое отношение!

После обеда он подъехал к другому концу лагеря, где заключённые строили новые бараки для ежедневно прибывающих транспортов. Здесь гауптман имел удовольствие лицезреть среди работающих стройного крепкого мужчину, лицо которого скрывал носовой платок.

Через три дня на его столе появился рапорт о гибели ещё одного часового.

Майора Фредерикса Шелленберг нашел на прежнем месте.

— Ну-с, гауптман, что вы от меня хотите? —

хмуро спросил коротышка-доктор, отводя взгляд.

— От чего умерли часовые? Болезнь? Вирус? Какое-то ночное животное?

— Ерунда! Ни одно животное не высосет так много крови, — заявил майор.

— Тогда что же?

— Недавно вы упомянули имя Влада Цепеша, — врач подошёл к столу и взял лежавшую там книгу. — Вот, — сказал он. — Так звали человека, бывшего правителем Валахии в пятнадцатом столетии. На его совести — жизни более чем тридцати тысяч человек. Именно он стал прототипом графа Дракулы в романе ирландского писателя Брэма Стокера.

— Он был вампиром?

— Нет, конечно, — разве что в воображении Стокера. — Но интересно, что кто-то назвался именем этого чёрта!

Дежурная машина отвезла Шелленберга к строящимся баракам. Он нашел высокого мужчину с закрытым лицом и сорвал импровизированную маску.

Это оказался не Цепеш. Какой-то молодой цыган, которого Шелленберг ранее не видел. Цепеша не было ни в одной из рабочих команд. Не оказалось его и бараке номер 52. После обеда гауптман

приказал привести к себе в кабинет Хелсинг.

— Где Цепеш? Он давно отсутствует?

— Несколько ночей…

— А тот парень, который работает вместо него? Кто он?

— Барак номер 44. Его записали мёртвым, мы перенести его сюда, и поместить на место Влад Цепеш…

— А тот что — решил удрать?

— Я не знаю.

— Его труп скормят свиньям, — мрачно пообещал Шелленберг. — Ступайте в барак.

В маленькой библиотеке при офицерском клубе была приличная подборка немецкой и английской литературы. Роман Стокера гауптман нашёл сразу. Его интересовал финал книги и он внимательно прочёл о том, как доктор Джонатан Харкер и прочие находят цыганскую повозку с ящиком, в котором лежит граф Дракула, скрываясь от солнечных лучей. Согласно дате в конце книги, вампир был убит 8 ноября 1887 года.

Именно этот день стоял на табличке заключённого как дата рождения.

Вечером гауптман возвращался домой затемно. Проходя мимо служебного корпуса, он машинально глянул на окно своего кабинета.

И замер. Ему показалось, что на подоконнике шевельнулась какая-то тень.

Он свернул к входу.

— Что-нибудь случилось, герр гауптман? — спросил караульный, вытягиваясь при появлении офицера.

— Кое-что забыл в кабинете.

У двери гауптман снял свой люгер с предохранителя и лишь после этого осторожно повернул ключ в замке. Медленно открыв дверь, держа оружие наготове, он вошёл внутрь. Ему показалось, что окно было приоткрыто — на пару сантиметров, не более. Продолжая сжимать пистолет, гауптман нащупал выключатель.

— Добрый вечер, господин гауптман.

Шелленберг дернулся, внезапно увидев сидящего в его кресле Влада Цепеша. Теперь старый цыган был облачён не в серую робу заключённого, а в элегантный чёрный костюм и чёрную же оперную накидку.

— Оказывается, мы с оберстом Раушем примерно одного роста и сложения, — невозмутимо пояснил Цепеш. — Я позаимствовал этот наряд в его гардеробе.

Шелленберг направил на незваного гостя пистолет. Цепеш рассмеялся:

— Вы полагаете, пуля причинит мне вред?

Палец гауптмана замер на курке. Разумеется, этот тип блефует, но… Но Шелленберг почти поверил в то, что выстрелы окажутся бесполезными.

— Кто вы такой? Вы не цыган…

— Цыгане хорошо ко мне относятся. Более пятидесяти лет я скрываюсь среди них. Я граф Дракула… Да уберите вы своё оружие, гауптман! Как вы думаете, каким образом я проник в ваш кабинет?

Гауптман непроизвольно подумал о маленькой тени, замеченной им на подоконнике. Ночная птица.

Или вампир.

— Чего вы хотите? — хрипло спросил он.

— Оставить этот лагерь.

— В чём же дело? Вы умеете летать — так улетайте!

— Не всё так просто. Мне необходимо место для сна.

— Гроб?

— Ящик с землёй.

Шелленберг отмахнулся от этого уточнения:

— Вы убили наших часовых. Троих! Почему именно часовых? Почему не заключенных?

— Вы слишком плохо кормите их и выматыва-

ете непосильной работой. Их кровь не содержит жизненной силы.

— Как вы превратились в фигуру из романа?

— А я и есть герой этого романа. В этой книге всё — чистая правда, до единого слова. Кроме, разумеется, концовки. Как видите, никто не вонзил мне в грудь кривой американский нож.

— Вы рассказали свою историю Брэму Стокеру?

— Нет. Не совсем… Как вам уже известно, в 1887 году я посетил Англию и несколько дней провёл в Лондоне. И там, в лондонском Вест-Энде, среди завсегдатаев театральных лож, я встретил прекрасную женщину. Прелестные голубые глаза, совершенная фигура.

Гауптман Шелленберг не знал, как на всё это реагировать. Он не мог поверить, что наяву видит этого странного человека, слышит невероятный рассказ.

— Мы познакомились, — продолжал незваный гость. — Я, конечно, не юноша, но тоже испытываю потребность в любви…

— И она умерла так же, как часовые?

— Не исключено, что таким было мое первоначальное, неосуществленное намерение. Я желал бы вкусить её плоть и ощутить вкус её крови. Но вместо этого однажды рассказал ей свою историю

— историю графа Дракулы. Её звали Флоренс. Флоренс Бэлком Стокер. Она была женой Брэма Стокера.

Гауптман чувствовал себя неуютно. Он стоял посередине своего кабинета и целился в грудь человеку, который, вне всякого сомнения, действительно был Дракулой. Он разлепил пересохшие губы и пробормотал:

— Она рассказала историю мужу и тот написал свою книгу…

— Именно так, — Дракула кивнул. — Я не ожидал, что она поведает об этом кому бы то ни было, я надеялся ещё раз вернуться в Англию. Харкер и прочие преследовали меня и я не смог вернуться в свой замок. Я скрылся среди цыган, они устроили мне место для сна. Я принял имя Влада Цепеша, правителя, жившего в XV столетии. А днём своего рождения начал считать день смерти Дракулы из стокеровского романа.

— И где вы скрываетесь теперь, уйдя из барака?

— Неважно. Вообще-то я решил оказать вам небольшую любезность в ответ на вашу любезность, прежде чем здесь начнет умирать всё больше людей.

— Вы сумасшедший! — воскликнул Шеллен-

берг. — Убирайтесь отсюда!

Граф Дракула только рассмеялся:

— Посмотрите на меня и на себя, гауптман. Неужели вы полагаете, что мои деяния чем-то отличаются от ваших?

В это мгновение гауптман верил сидевшему напротив, верил в то, что был именно тем, кем себя называл. Люгер в его руке дрогнул, Шелленберг нажал на курок. Выстрел заставил его на мгновение зажмуриться. Когда он открыл глаза, в кабинете никого не было. Только чёрная птица бесшумно летела прочь от его окна.

Шелленберг спустился по лестнице.

Солдат, недавно приветствовавший его у входа в здание, был мёртв.

Гауптман бросился в оружейную комнату. Через минуту он выбежал на улицу, сжимая в правой руке штык.

Холодный воздух немного отрезвил его. Не то, чтобы всё происшедшее теперь казалось ему сном, но он никак не мог решить, что делать дальше. Поднять тревогу и приказать солдатам разыскать заключённого, обряженного в вечерний костюм и чёрную накидку? Нелепо.

«Мне нужно место, в котором я могу отдыхать днём».

Так сказал Дракула. Но где это место? Где оно может быть?

Шелленберг замер.

Комендант.

Оберст Рауш, ну конечно же!

«Оказывается, мы с оберстом Раушем примерно одного роста и сложения… Я позаимствовал этот наряд в его гардеробе…»

Дом коменданта находился вне лагеря. Это было мрачное каменное здание, скрывавшееся в ближайшем к лагерю горном отроге. Там имелся большой подвал, вспомнил Шелленберг. И ещё он вспомнил, что старый холостяк Рауш жил одиноко, довольствуясь услугами денщика и повара.

Гауптман подошел к уединённому дому на рассвете.

Чья-то фигура двинулась ему навстречу. Шелленберг остановился, узнав старую цыганку.

— Не ходите туда, — сказала она.

Гауптман поднял пистолет.

— Что вы здесь делаете? Почему не в бараке?

— Оберст Рауш назначил меня охранник, — ответила она бесстрастно. — Я должна следить за Влад Цепеш.

— Рауш?! — Шелленберг не верил собственным ушам. — Рауш никогда не позволил бы вам здесь

находиться! Вы лжёте, фрау!

— Каждый, кто войти в этот дом, умереть, — сказала она прежним безжизненным тоном.

Шелленберг оттолкнул её. Старуха не сопротивлялась. Со штыком в правой руке и люгером в левой, он шагнул в прихожую. Свет снаружи почти не проникал сюда, поэтому гауптман остановился в растерянности. Вдруг кто-то бросился на него из тёмного угла. Он пронзил грудь нападавшего штыком и только тогда узнал в нём одного из недавно умерших часовых.

— Что там случилось?

Он поднял голову и увидел вверху лестницы, которая вела на второй этаж, оберста Рауша.

— Ну-ка поднимитесь сюда и объясните, что вас привело?

Шелленберг взбежал по лестнице.

— Господин комендант, у меня есть доказательства того, что один из цыган, этот…

Неестественно красные губы коменданта приоткрылись, обнажив острые клыки. Ещё через мгновение Рауш бросился на Шелленберга и едва не впился зубами в его шею. Напрягая все силы, гауптман попытался вырваться из смертельных объятий.

Неожиданно хватка ослабла — и это произошло

одновременно с проникновением в мрачное здание первых лучей солнца. Гауптман изо всех сил толкнул коменданта в грудь. Заметив солнечный свет, полковник — или нечто, принявшее его обличье, — бросился прочь. Шелленберг настиг его в столовой. Свет утреннего светила охватил Рауша, он закричал. Через мгновение плоть коменданта обратилась в прах.

Гауптман направился в подвал и здесь нашёл то, что искал.

Ящик с землёй, в котором неподвижно лежал граф Дракула.

Шелленберг поднял штык и с силой вогнал его в грудь вампиру.

Он вышел из дома и некоторое время стоял на крыльце, пытаясь осмыслить происшедшее. Старая цыганка неслышно выступила из тени дерева. Он хрипло сказал:

— Можете войти. Приберите там…

Не глядя на неё более, гауптман медленно двинулся к лагерю. Возле самых ворот он остановился. Ему вдруг вспомнились последние слова Дракулы:

«Неужели вы полагаете, что мои деяния чем-то отличаются от ваших?»

…Потухшими глазами он смотрел на бесконеч-

ную вереницу заключённых с серыми обескровленными лицами, направлявшихся мимо него к месту работы.

Перевод: Даниэль Клугер

Дэн Симмонс
Все дети Дракулы

Dan Simmons, "All Dracula's Children", 1991

Мы вылетели в Бухарест, как только там прекратилась стрельба, и приземлились в аэропорту Отопени сразу после полуночи 29 декабря 1989 года. Нашу группу из шести человек, состоящую исключительно из мужчин и представляющую полуофициальный «Международный наблюдательный контингент», поспешно провели через шумную сутолоку послереволюционной таможни и усадили в автобус Национального бюро по туризму. От аэропорта до города было девять миль. Отец Пол, священник, приглашённый в группу для символического разнообразия состава, указал на два пулевых отверстия в заднем стекле автобуса, но стоило нам выехать на освещённую кольцевую развязку, как доктор Эймсли его переплюнул, просто ткнув пальцем в окно.

На обочине главной дороги, там, где обычно ожидают пассажиров такси, стояли танки советского образца. Их длинные стволы смотрели в

сторону въезда в аэропорт. Вдоль всего шоссе, а также на крыше аэропорта громоздились мешки с песком, натриевые лампы подсвечивали каски и винтовки солдат-охранников желтоватым светом, погружая лица в густую тень. Прочие люди — кто в армейской форме, кто в разномастной одежде революционного ополчения — спали возле танков. На миг у меня возникла полная иллюзия, будто бы тротуары завалены мёртвыми румынами. Я замер, не дыша, и медленно выдохнул, лишь когда один из «мертвецов» пошевелился, а другой закурил.

— На прошлой неделе они отбили несколько контратак войск госрежима и сил секуритате[13], — шепнул Дон Уэстлер, наш сопровождающий из американского посольства. По тону чувствовалось, что тема щекотливая, примерно как секс.

Раду Фортуна, маленький человечек, представленный нам в аэропорту в качестве гида и уполномоченного переходного правительства, повернулся на своём сиденье и расплылся в

[13] Примечания: 13

…войск госрежима и сил секуритате… — Секуритате — орган исполнительной власти в Социалистической Республике Румыния, сочетавший функции спецслужбы и политической полиции. Учреждён 30 августа 1948 г. при поддержке спецслужб СССР.

широкой улыбке, словно ни секс, ни политика нимало его не смущали.

— Они убивать много секуритате, — громко произнёс он и улыбнулся ещё шире. — Три раза люди Чаушеску штурмовать аэропорт и три раза их убивать.

Дон Уэстлер кивнул и вяло улыбнулся — разговор явно его напрягал. Доктор Эймсли высунулся в проход. Свет последней натриевой лампы упал на его лысину, и секунду спустя мы окунулись во мрак пустынного шоссе.

— Значит, с режимом Чаушеску покончено? — спросил Эймсли у Фортуны.

Во внезапной темноте я видел лишь слабо поблёскивающие зубы румына.

— Да-да, конец, — подтвердил он. — Чаушеску и его суку-жену везти в Тырговиште, чтобы… как это по-вашему… отдать на суд. — Раду Фортуна снова засмеялся, и этот смех прозвучал одновременно как-то ребячески и жестоко.

Я невольно поёжился. В автобусе не топили.

— Их отдавать на суд, — продолжал Фортуна, — и прокурор спрашивать: «Вы оба есть сумасшедшие?» Понимаете, если Чаушеску и его жена есть сумасшедшие, военные могут просто запирать их в сумасшедший дом на сто лет, как делают

наши русские друзья. Понимаете? Но Чаушеску говорить: «Что? Меня назвать сумасшедший? Как вы посметь! Это грязная провокация!» И мадам Чаушеску говорить: «Как вы можете такое сказать матери своего народа?» Тогда прокурор решать: «О'кей, вы не есть сумасшедшие, вы сами это подтвердить». И солдаты тянуть соломинки, потому что все хотят это сделать. Счастливчики выводить Чаушеску с его мадам во двор и стрелять им в голову много-много раз. — Фортуна радостно хихикнул, будто вспомнив любимый анекдот. — Да, режиму конец, — сказал он доктору Эймсли. — Несколько тысяч секуритате, они могут ещё не знать и убивать людей дальше, но скоро это закончится. Но есть проблема больше: что делать с каждым третьим, кто шпионить на старое правительство, а?

Фортуна опять захихикал, и в коротком отблеске фар встречного армейского грузовика было видно, как он пожал плечами. Влага на внутренней стороне окон начала замерзать. Руки у меня окоченели от холода, и я почти не чувствовал пальцев ног в дурацких модельных туфлях, которые надел с утра. Когда мы въехали в город, я поковырял заиндевевшее стекло.

— Мне быть известно, что все вы — очень

важные персоны с Запада, — сказал Раду Фортуна. Облачко пара, вырвавшееся у него изо рта, взлетело под потолок, точно покидающая тело душа. — Но, боюсь, я не запомнить все имена.

Дон Уэстлер всех представил:

— Доктор Эймсли прибыл от Всемирной организации здравоохранения… Отец Джеральд Пол представляет Чикагскую епархию и Фонд спасения детей…

— Священник — это есть хорошо, — вставил Фортуна, и в его голосе мне послышалась ирония.

— Доктор Леонард Паксли, почётный профессор экономики Принстонского университета, — продолжал Уэстлер, — лауреат Нобелевской премии в области экономики за тысяча девятьсот семьдесят восьмой год.

Фортуна поклонился пожилому учёному. С тех самых пор, как мы вылетели из Франкфурта, тот не произнёс ни слова и сейчас словно бы потерялся в глубине своего огромного пальто и складках кашне: старик, ищущий взглядом скамейку в парке.

— Я приветствовать вас, — сказал Фортуна, — и хотя наша страна в настоящее время не иметь экономика…

— Чёрт, у вас тут всегда так холодно? — раздался голос из недр намотанной шерсти. Нобелевский лауреат топнул маленькой ножкой. — Холодрыга такая, что у бронзового бульдога причиндалы отмёрзнут!

— Мистер Карл Берри представляет телекоммуникационную компанию «Американ телеграф энд телефон», — поспешно продолжил Уэстлер.

Толстенький коротышка-бизнесмен, сидевший рядом со мной, пыхнул трубкой, вынул её изо рта, кивнул Фортуне и снова сунул свой курительный прибор в зубы, словно необходимый источник тепла.

— А это мистер Гарольд Уинстон Палмер, — Фортуна жестом указал в мою сторону, — вице-президент по контролю за европейскими рынками… Да-а, — протянул Раду Фортуна с какой-то алчностью, вызывавшей в воображении образ питона за секунды до того, как тот набросится на жертву. На краткий миг меня посетило безумное видение, будто бы мы, все семеро пассажиров автобуса, тесно сбились вокруг угольков, тлеющих в трубке Берри. — Я знаю компанию, которую представлять месье Палмер…

Ну ещё бы. Наша корпорация — одна из крупнейших в мире, и если вы американец, то непре-

менно пользовались или пользуетесь одним из наших основных продуктов, а если румын, то мечтаете его приобрести.

— Кажется, вы уже посещать Румынию, мистер Палмер?

Мы въехали в освещённую часть города, и я заметил, как блестят глаза Фортуны. Я давно живу на свете, и вскоре после войны мне довелось побывать в Германии в составе американских оккупационных войск. Сейчас пейзаж в окне за спиной Фортуны напоминал увиденное там. На Дворцовой площади собралось множество танков; их чёрные громады могли бы показаться безжизненными кучами холодного металла, если бы башня одного из них не развернулась в нашу сторону, когда мы проезжали мимо. Взору открывались закопчённые остовы сгоревших автомобилей и по крайней мере один бронетранспортёр, теперь являвший собой лишь груду искорёженной стали. Свернув налево, мы миновали Центральную университетскую библиотеку; её золотой купол и затейливая крыша обвалились в проём между изрешёченными пулями, покрытыми сажей стенами.

— Да, — сказал я, — я бывал здесь прежде.

Фортуна наклонился ко мне:

— Может быть, на этот раз ваша компания всё-таки открыть у нас завод?

— Может быть.

Фортуна продолжал сверлить меня взглядом.

— Мы здесь очень дешёво работать, — прошептал он так тихо, что вряд ли его мог услышать кто-то ещё, кроме Карла Берри. — Очень дешёво. Труд здесь стоить сущие гроши. Жизнь стоить гроши.

С пустынного проспекта Победы — Каля Виктория — мы повернули налево, снова на бульвар Николае Бэлческу и вот наш автобус со скрипом затормозил перед самым высоким зданием в городе, двадцатидвухэтажным отелем «Интерконтиненталь».

— Утром, господа, — произнёс Фортуна, поднявшись и указав рукой в сторону освещённого вестибюля, — мы смотреть новая Румыния. Желаю вам спать без сновидений.

Весь следующий день наша группа посвятила встречам с «представителями власти», то есть переходного правительства, по большей части членами недавно организованного «Фронта национального спасения». День выдался таким хмурым, что вдоль широких бульваров Николае Бэлческу и Республики продолжали гореть

автоматические фонари. Помещения не отапливались, — во всяком случае, сколько-нибудь заметного тепла не ощущалось; мужчины и женщины, с которыми мы разговаривали, выглядели практически одинаково в своих одинаково необъятных шерстяных пальто унылых расцветок. К концу дня мы успели пообщаться с одним Джуреску, двумя Тисмэняну, одним Борошойю (который, как выяснилось, никакого отношения к новому правительству не имел и через считаные минуты после нашего ухода был арестован), несколькими генералами, включая Попеску, Лупоя и Дьюрджу, и, наконец, с реальными руководителями, среди которых был премьер-министр переходного правительства Петре Роман, а также Ион Илиеску и Думитру Мазилу, соответственно президент и вице-президент при режиме Чаушеску.

Все они старались донести одну и ту же мысль: «Вы — большие люди, и будет просто замечательно, если вы сумеете убедить ваши многочисленные организации и учреждения оказать нам помощь».

Вечером по пути в отель мы стали свидетелями того, как толпа — по виду в основном офисные служащие, в конце дня покинувшие каменные улья своих контор, — избивает троих мужчин и

одну женщину. Раду Фортуна с усмешкой показал на широкую площадь перед отелем, где людей было ещё больше.

— Там, на Университетской площади, на прошлой неделе… когда люди собираться на демонстрацию и петь, понимаете? Танки их давить, ещё больше расстрелять. Видимо, это быть информаторы секуритате.

Прежде чем автобус подкатил к каменному козырьку отеля, мы успели увидеть, как солдаты в форме уводят предполагаемых информаторов, подгоняя их прикладами автоматов. Толпа провожала этих людей пинками и плевками.

— Не разбив яиц, омлет не приготовить, — пробормотал наш нобелевский лауреат.

Отец Пол метнул в него гневный взгляд, тогда как Раду Фортуна одобрительно хохотнул.

— Предполагалось, что Чаушеску лучше подготовился к осаде, — заметил доктор Эймсли после ужина.

Мы оставались в ресторане, поскольку там было теплее, чем в номерах. Официанты и несколько военных бесцельно слонялись по просторному помещению. Репортёры, громко галдя, быстро покончили с едой и ушли туда, куда там они обычно уходят выпить и обменяться циничными

шуточками.

Раду Фортуна, присоединившийся к нам за кофе, вновь продемонстрировал свою фирменную редкозубую улыбку:

— Хотите смотреть, как Чаушеску готовиться?

Эймсли, отец Пол и я выразили такое желание. Карл Берри решил подняться к себе в номер, так как ждал звонка из Штатов. Доктор Паксли ушёл следом, проворчав, что намерен лечь спать пораньше.

Фортуна вывел нас троих на холод и по тёмным улицам повёл к чёрным от копоти стенам президентского дворца. Ополченец шагнул к нам из тени, вскинув автомат Калашникова, и что-то отрывисто пролаял, однако Фортуна негромко произнёс пару слов и нас пропустили.

Света во дворце не было, только кое-где горел огонь в бочках, возле которых спали или жались друг к другу замёрзшие солдаты и ополченцы. Повсюду валялась мебель, с двадцатифутовых окон содрали портьеры, а узорные мраморные полы были вымазаны тёмными полосами и замусорены бумагой. Фортуна провёл нас по неширокому коридору сквозь ряд комнат, похожих на личные апартаменты, и остановился у какого-то неприметного с виду шкафа площадью примерно

четыре квадратных фута. Внутри шкафа не оказалось ничего, кроме трёх фонарей на полке. Наш провожатый зажёг фонари, вручил один Эймсли, другой — мне, а затем коснулся декоративного выступа над задней стенкой. Стена медленно отъехала вбок, открывая каменные ступени.

Следующие полчаса прошли будто во сне, почти как в галлюцинаторном бреду. Лестница уходила вниз, в гулкие залы, откуда ветвился лабиринт каменных туннелей и других лестниц. Фортуна вёл нас вглубь лабиринта, свет наших фонарей отражался от сводчатых потолков и сочащихся влагой камней.

— Боже правый, — пробормотал доктор Эймсли спустя десять минут. — Да эти ходы тянутся на целые мили!

— Да-да, — расплылся в улыбке Раду Фортуна, — на много миль.

Мы шли через склады, где на полках хранилось автоматическое оружие, а на крюках были развешаны противогазы; через командные пункты, оснащённые рацией и телемониторами, поблёскивавшими в безмолвной темноте. Часть мониторов была разбита, словно какие-то безумцы с топорами вымещали на них злость, другие, целые и невредимые, затянутые прозрачным

целлофаном, будто бы только и ждали, когда их включат. Были там и казармы с солдатскими койками, электроплитками и керосиновыми обогревателями, на которые мы смотрели с завистью. В некоторых казармах царил первозданный порядок, некоторые явно были брошены при паническом бегстве или стали местом столь же панических перестрелок. В одном из таких помещений стены и пол были перепачканы кровью; её потёки в потрескивающем свете наших фонарей казались не бурыми, а скорее чёрными.

В дальних ответвлениях туннелей ещё находились трупы: одни валялись в лужах воды, капавшей из люков сверху, другие лежали за баррикадами, наспех сооружёнными на пересечении подземных путей. Пахло в этих сводчатых галереях как в мясной лавке.

— Секуритате, — сказал Фортуна и плюнул в мертвеца, одетого в коричневую рубашку и уткнувшегося лицом в подмёрзшую лужицу. — Они бежали сюда, как крысы и мы прикончить их, как крыс. Понимаете?

Отец Пол осенил себя крестом и, присев на корточки перед одним из трупов, беззвучно прочёл молитву.

— Но сам Чаушеску не укрылся в этом… убежи-

ще? — спросил доктор Эймсли.

Фортуна улыбнулся:

— Нет.

Доктор Эймсли осмотрелся в свете шипящего фонаря:

— Ради всего святого, почему? Если бы он собрал здесь своих солдат и организовал оборону, то продержался бы несколько месяцев.

— Чудовище спасаться на вертолёте, — пожал плечами Фортуна. — Улетнуть… Нет, как это… улететь на вертолёте в Тырговиште, это семьдесят километров отсюда. Там люди увидеть, как он и его сука-жена сесть в машину. Их поймать.

Доктор Эймсли поднёс фонарь к входу в другой туннель. Оттуда потянуло страшной вонью и доктор поспешно отдёрнул руку.

— И всё-таки почему… — начал он.

Фортуна шагнул ближё, и в резком свете вдруг стал виден застарелый шрам на его шее, которого я прежде не замечал.

— Говорят, его советник… Тёмный Советник… сказать ему не ходить сюда, — улыбнулся он.

Отец Пол тоже попытался изобразить улыбку:

— Тёмный Советник? Звучит так, будто в советниках у Чаушеску был сам дьявол.

Раду Фортуна кивнул:

— Страшнее дьявола, святой отец.

Доктор Эймсли хмыкнул:

— И что же, этот дьявол сбежал? Или он среди тех бедолаг, которых мы там видели?

Вместо ответа наш провожатый направился в один из четырёх туннелей, веером расходившихся от того места, где мы стояли. Каменные ступени вели наверх.

— Выходить к Национальному театру, — негромко сказал он, взмахнув рукой. — Здание повреждаться, но уцелеть. Ваша гостиница рядом.

Священник, доктор и я двинулись вверх по лестнице. В свете фонарей наши тени на сводчатых каменных стенах растягивались на пятнадцать футов. Отец Пол остановился и посмотрел вниз, на Фортуну:

— А вы разве не идёте?

Маленький человечек с улыбкой покачал головой:

— Завтра мы отвозить вас туда, где всё началось. Завтра мы ехать в Трансильванию.

Отец Пол улыбнулся нам с доктором.

— Трансильвания, — произнес он. — Призрак

Белы Лугоши[14].

Священник обернулся, намереваясь что-то сказать Фортуне, однако наш маленький гид уже исчез. Ни эхо шагов, ни отблеск фонаря не выдавали, в каком из туннелей он скрылся.

В самолёте мучительно трясло. Мы летели в Тимишоару, город в Западной Трансильвании с населением около трехсот тысяч человек, на стареньком восстановленном турбовинтовом «Туполеве», ныне принадлежавшем государственной авиакомпании «Таром». Нам повезло: рейс, выполнявшийся ежедневно, задержали всего на полтора часа. Бóльшую часть пути мы проделали в облаках, освещение на борту отсутствовало. Впрочем, это было не важно, потому что полёт не предусматривал ни стюардесс, ни питания. Доктор Паксли всю дорогу ворчал и охал, однако вой двигателей и скрип металла при каждом вихлянии самолёта, пробивавшегося сквозь восходящие потоки воздуха и грозовые тучи, почти полностью заглушали его стоны.

---

[14] Примечания: 14

Призрак Белы Лугоши. — Бела Лугоши (наст. имя Бела Ференц Дежё; 1882–1956) — американский актёр венгерского происхождения, который стал знаменитым в основном благодаря ролям в фильмах ужасов. Наиболее известен исполнением роли графа Дракулы в одноименной бродвейской постановке 1927 г. и в последовавшем за ней фильме.

Сразу после взлёта, за секунды до входа в облачность, Фортуна перегнулся через проход и показал в иллюминатор на засыпанный снегом остров посреди озера примерно в двадцати милях севернее Бухареста.

— Снагов, — объявил он, следя за выражением моего лица.

Я посмотрел вниз, успел мельком увидеть тёмную церковь — в следующий миг остров закрыли облака — и опять перевёл взгляд на Фортуну:

— И что?

— Здесь похоронен Влад Цепеш.

Я кивнул. Фортуна вернулся к чтению одного из наших журналов «Тайм», хотя как можно читать и вообще сосредоточиться в такой тряске, мне было непонятно.

Минуту спустя сидевший сзади Карл Берри наклонился ко мне и шёпотом спросил:

— Влад Цепеш — это кто? Герой войны?

В салоне было так темно, что я едва различал контуры лица Берри в нескольких дюймах от себя.

— Дракула, — сказал я представителю АТТ.

Берри разочарованно выдохнул, откинулся на спинку сиденья и пристегнул ремень: болтать начало всерьёз.

— Влад Колосажатель, — прошептал я, не обращаясь ни к кому в отдельности.

Из-за отсутствия электричества морг охлаждался самым простым и доступным способом: все высокие окна были открыты настежь. Свет из них лился жидкий, словно бы тёмно-зелёные стены, мутные стёкла и плотные низкие тучи его скрадывали, однако этого вполне хватало, чтобы разглядеть ряды трупов, наваленных поперёк столов и занимавших почти каждый дюйм кафельного пола. Чтобы подойти к Фортуне и врачу-румыну, стоявшим в центре, нам пришлось осторожно пробираться обходным путём, стараясь не задевать босые ноги, белые лица и раздутые животы. В длинном зале находилось по меньшей мере триста-четыреста тел… не считая нас.

— Почему этих людей не похоронят? — гневно вопросил отец Пол, прикрывая нос шарфом. — Их убили больше недели назад, так?

Фортуна перевёл вопрос тимишоарскому медику, тот пожал плечами. Фортуна сделал то же самое.

— Одиннадцать дней пройти, как секуритате это делать, — сказал он. — Похороны скоро. Как это сказать… местные власти хотеть, чтобы за-

падные журналисты и важные персоны, как вы, это видеть. Смотрите, смотрите. — Фортуна обвёл помещение широким жестом, словно шеф-повар, гордый подготовленным банкетом.

На столе прямо перед нами лежал труп старика, чьи кисти и стопы были ампутированы чем-то не слишком острым. Низ живота и гениталии были обожжены, а разверстые раны на груди напомнили мне фотографии марсианских каналов и кратеров, сделанные космическим зондом «Викинг».

Румынский доктор заговорил, Фортуна перевёл:

— Он сказать, секуритате забавляться с кислотой. Понимаете? А это…

На полу лежала молодая женщина. Она была полностью одета, но платье от груди до лобка было разодрано. То, что я поначалу принял за слой рваных, пропитанных кровью лохмотьев, оказалось алыми стенками вспоротого живота и матки. У неё на коленях, словно отброшенная кукла, лежал семимесячный плод. Нерожденный мальчик.

— Сюда, — позвал Фортуна, перемещаясь по лабиринту ног, и показал вниз.

Ребёнку, вероятно, было лет десять. Тело проле-

жало на холоде не меньше недели, отчего кожа мальчика приобрела вид вспученного, испещрённого мраморными разводами пергамента. Запястья и щиколотки были обмотаны колючей проволокой, руки стянуты за спиной с такой силой, что плечевые суставы полностью вывернуло. В глазных впадинах копошились мухи, уже отложившие яйца, из-за которых казалось, будто на глазах у мальчика белые защитные очки.

Почётный профессор Паксли сдавленно всхрапнул и, шатаясь, двинулся прочь из зала, едва не спотыкаясь о трупы, выложенные на общее обозрение. На миг мне почудилось, что заскорузлая старческая рука одного из мертвецов вцепилась ему в штанину.

Отец Пол сгрёб Фортуну за лацканы пальто, почти приподняв маленького румына над полом:

— Какого черта вы всё это нам показываете?!

Фортуна ухмыльнулся:

— Вы ещё не всё посмотреть, святой отец. Идёмте.

— Чаушеску называли вампиром, — сказал Дон Уэстлер, присоединившийся к нам позже.

— Здесь, в Тимишоаре, всё и началось, — поведал Карл Берри, попыхивая трубкой и окидывая взглядом серое небо, серые здания, серую слякоть

на улицах и серых людей, передвигавшихся в тусклом свете.

— В Тимишоаре грянул финальный взрыв, — уточнил Уэстлер. — Волнения среди молодёжи всё больше усиливались. Создав это поколение, Чаушеску в прямом смысле слова сам подписал свой смертный приговор.

— Создав это поколение? — Отец Пол нахмурил лоб. — Поясните.

Уэстлер пояснил. В середине шестидесятых Чаушеску запретил аборты, прекратил импорт оральных контрацептивов и внутриматочных спиралей и объявил, что долг каждой женщины перед государством — рожать детей. Что более важно, правительство установило поощрительные выплаты и сократило налоги для тех семей, которые последовали призыву увеличить рождаемость. Семьи, где было меньше пяти детей, наоборот, обкладывали штрафами и душили налогами. По словам Уэстлера, в период между тысяча девятьсот шестьдесят шестым и семьдесят шестым годом рождаемость выросла на сорок процентов, при этом резко увеличилась и младенческая смертность.

— Этот самый избыток двадцатилетних к концу восьмидесятых годов и обеспечил движущую

силу революции, — рассказывал Уэстлер. — У них не было ничего: ни работы, ни возможности получить высшее образование, ни даже шансов обзавестись нормальным жильём. Именно они устраивали первые акции протестов в Тимишоаре и других городах.

Отец Пол кивнул:

— Какая ирония… Но всё вполне закономерно.

— Само собой, — продолжал Уэстлер, останавливаясь у железнодорожного вокзала, — большинству крестьянских семей не хватало средств, чтобы прокормить ораву детишек… — Он дипломатично умолк.

— И куда девали этих детей? — спросил я.

Вечер был совсем ранний, однако дневной свет уже превратился в зимние сумерки. Этот участок центрального проспекта Тимишоары не освещался. Где-то на путях прогудел тепловоз.

Дон Уэстлер молча покачал головой, Фортуна шагнул ближе.

— Сегодня вечером мы ехать на поезде в Себеш, Сибиу, Копша-Микэ и Сигишоару, — сообщил улыбающийся румын. — Вы узнаете, куда деваться дети.

Свет за окнами вагона медленно угас, зимний вечер перешёл в зимнюю ночь. Поезд ехал через

горы, чьи острые вершины изрядно стёрлись от времени. То ли это был Фэгэраш, то ли Бучеджи[15] — по предыдущим поездкам я не запомнил. Унылая картина жавшихся друг к другу деревушек и покосившихся ферм скрылась во тьме, которую лишь изредка прорезали огоньки керосиновых ламп в далёких окошках. Внезапно до меня дошло, что сегодня канун Нового года, последняя ночь тысяча девятьсот восемьдесят девятого, и с рассветом наступит то, что принято считать последней декадой тысячелетия… однако за окном расстилался пейзаж века семнадцатого. Единственными проявлениями цивилизации после нашего вечернего отъезда из Тимишоары были военные грузовики, мелькавшие на заснеженных дорогах, да иногда ещё провода, змеившиеся над деревьями. Вскоре и эти разрозненные знаки исчезли, и остались только деревни, керосиновые лампы, стужа и редкие повозки на резиновом ходу, запряжённые тощими клячами, которых погоняли возницы, закутанные в тёмные кафтаны из грубой шерсти.

Потом опустели даже деревенские улицы, мимо которых без остановок мчал поезд. Хотя

---

[15] Примечания: 15

То ли это был Фэгэраш, то ли Бучеджи… — Фэгэраш, Бучеджи — горные массивы в центральной Румынии, часть Южных Карпат.

часы не показывали ещё и десяти вечера, многие деревушки были погружены в кромешную тьму. Прижавшись лицом к окну, я потёр заиндевелое стекло и увидел, что деревня, которую мы проезжаем, мертва: постройки снесены бульдозерами, каменные стены обвалены, фермы порушены.

— Систематизация, — шепнул Раду Фортуна, бесшумно возникнув в проходе рядом со мной. Он хрустел луковицей.

Я не просил пояснений, однако наш гид и уполномоченный с улыбкой предоставил их сам.

— Чаушеску хотел уничтожать всё старое. Он сносить деревни, переселять тысячи людей в город, в такие места, как бульвар Победа Социализма[16] в Бухаресте… Строить километры и километры многоэтажек. Только когда людей срывать с места и заселять туда, эти здания не быть достроены. Нет воды, электричества… Понимаете, Чаушеску продавать электричество

---

[16] Примечания: 16

…в такие места, как бульвар Победы Социализма… — В начале 1980-х по приказу Чаушеску значительная часть исторического центра Бухареста была снесена и на освободившейся территории возведён бульвар Победы Социализма — грандиозный проспект, который должен был затмить Елисейские Поля. Над Бухарестом вознесся Дом Народа — колоссальное сооружение с шестью тысячами комнат и девятью подземными этажами, которое оказалось вторым по величине в мире административным зданием после Пентагона и было прозвано в народе «Дворцом Чаушеску».

другим странам. Крестьяне, они триста, четыреста лет жить с семьёй в свой маленький домик, а теперь оказаться в чужом городе, на девятый этаж, в плохой кирпичной коробке, где нет окон, задувать холодный ветер… Таскать воду за целая миля, потом вверх на девятый этаж. — Фортуна откусил изрядный кусок луковицы и с каким-то удовлетворением кивнул. — Систематизация. — Промолвив это, он ушёл по задымлённому проходу.

За окном мелькали тёмные очертания гор. Я начал клевать носом. Вчера я не выспался (уж не помню, снилось мне что-нибудь или нет), а до этого провёл бессонную ночь в самолёте — и всё же, вздрогнув, пробудился, когда ко мне подсел профессор Паксли.

— Холодина адская, — пробурчал он, плотнее кутаясь в шарф. — Казалось бы, от всех этих чёртовых крестьян с их козами, курами и прочей живностью, которой битком набит этот, с позволения сказать, вагон первого класса, должно стать хоть немного теплее. Как же! Тепла здесь не больше, чем в сиське покойной мадам Чаушеску.

Сравнение меня впечатлило.

— Вообще-то, — профессор перешёл на заговорщический шепот, — тут всё не так плохо, как

принято думать.

— Вы насчёт холода? — уточнил я.

— Да нет, насчёт экономики. В двадцатом веке Чаушеску, пожалуй, единственный руководитель государства, который погасил внешний долг своей страны. Разумеется, для этого ему пришлось отправлять за границу продовольствие, электроэнергию и промтовары, зато теперь у Румынии нет внешнего долга. Совсем нет.

— Мм, — промычал я, вспоминая обрывки сна, увиденного в тот недолгий промежуток времени, пока дремал. Кажется, мне снилась кровь.

— Положительный торговый баланс — миллиард семьсот миллионов долларов. — Паксли, наклонившись ближе, дохнул на меня луком, который он, как я понял, тоже ел на ужин. — При этом Румыния ни цента не должна ни Западу, ни русским. Потрясающе.

— Но ведь люди голодают, — тихо сказал я.

Напротив нас похрапывали Дон Уэстлер и отец Пол.

Паксли небрежно отмахнулся:

— Знаете, сколько денег западные немцы собираются вложить в замену инфраструктуры Восточной Германии после объединения страны? — Не дожидаясь моего ответа, он продолжил:

— Сто *миллиардов* дойчмарок… и это только для начала. В Румынии состояние инфраструктуры столь плачевно, что и ломать особо нечего. Нужно лишь избавиться от промышленного безумия, которым так гордился Чаушеску, использовать дешёвую рабочую силу… Боже, да они тут почти рабы!.. И создавать любую инфраструктуру, какую пожелаете: есть южнокорейская модель, есть мексиканская… Западным компаниям, готовым на риск, Румыния предоставляет широкое поле возможностей.

Я сделал вид, что снова задремал, и в конце концов профессор пошёл по проходу искать кого-нибудь ещё, с кем мог бы поделиться знаниями в области экономики. В темноте за окнами пролетали румынские деревни, а мы всё больше углублялись в горы Трансильвании.

В Себеш мы прибыли ещё до рассвета. Какой-то местный чиновник невысокого ранга встретил нас на вокзале и повёз в приют.

Нет, «приют» — это слишком мягко сказано. На самом деле нашим глазам предстал обычный склад, такой же неотапливаемый, как прочие мясохранилища, что мы видели раньше, и ничем не отделанный, за исключением грязного кафеля на полу да облупившейся краски на стенах: при-

мерно до уровня глаз — тошнотворно-зелёной, а выше — лепрозно-серой. Главный зал, длиной не меньше ста метров, был забит кроватками. Опять-таки «кроватки» — чересчур громкое слово, так как это, скорее, были низкие клетки без верха. В клетках находились дети разных возрастов, от новорождённых до десятилеток. По-видимому, массово не способные ходить. Голые или в загаженных лохмотьях. Многие кричали или тихо плакали, и от их дыхания в воздух поднимался пар. По краям этого огромного скотного двора для человеческого молодняка стояли свирепого вида женщины в замысловатых чепцах. Дымя сигаретами, они время от времени подходили к клеткам, чтобы грубо сунуть ребёнку — порой даже семи-восьмилетнему — бутылочку, но чаще, чтобы шлепком заставить крикуна умолкнуть.

Чиновник и беспрерывно куривший администратор «приюта» разразились речами, которые Фортуна не соизволил перевести, после чего нас провели через зал и распахнули высокие двери.

Перед нами открылось ещё одно помещение, большее по размеру и словно бы занавешенное матовой пеленой холода. Тусклые лучи утреннего света падали на клетки и лица их обитателей. Здесь находилась по меньшей мере тысяча детей,

и все не старше двух лет. Некоторые плакали — их надрывные младенческие крики эхом отражались от кафельного пола, но большинство настолько ослабели, что не могли даже издавать звуки и просто вяло лежали на тонких, перепачканных фекалиями подстилках. Кто-то от недоедания походил скорее на зародыша, чем на живое существо, кто-то вообще выглядел мёртвым.

Раду Фортуна обернулся и с улыбкой скрестил на груди руки:

— Теперь вы видеть, куда деваться дети?

Спрятанных детей мы нашли в Сибиу. В этом трансильванском городе с населением в сто семьдесят тысяч человек, расположенном в самом центре страны, было целых четыре приюта — больше и ужаснее того, что мы видели в Себеше. Доктор Эймсли через Фортуну потребовал показать нам детей, больных СПИДом.

Администратор приюта номер триста девятнадцать, старого здания без окон на Крепостной улице, притулившегося в тени городских стен шестнадцатого века, категорически отрицал, что дети со СПИДом вообще существуют, и наотрез отказывался пускать нас внутрь. В какой-то момент он пытался отрицать даже тот факт, что

служит администратором приюта номер триста девятнадцать, несмотря на соответствующую надпись на двери своего кабинета и табличку на письменном столе.

Фортуна показал ему наши документы и «подорожные» с отметкой о необходимости оказывать нам всяческое содействие, подписанные лично премьер-министром переходного правительства Романом, президентом Илиеску и вице-президентом Мазилу. Администратор ухмыльнулся, затянулся куцей сигареткой, покачал головой и бросил несколько презрительных слов.

— Он подчиняться приказам Министерства здравоохранения, — перевёл Раду Фортуна.

Почти час мы пытались дозвониться до Бухареста. В конце концов нашему гиду удалось переговорить с премьер-министром, который связался с министром здравоохранения, в свою очередь пообещавшим незамедлительно набрать приют номер триста девятнадцать. Звонок из министерства раздался через два с лишним часа. Администратор что-то буркнул в сторону Фортуны, швырнул окурок на грязный кафельный пол, и без того ими замусоренный, рявкнул на подчинённого и вручил Фортуне огромную связку ключей.

Детей со СПИДом держали за четырьмя запертыми дверями, разделёнными коридорами. Здесь не было ни медсестёр, ни врачей… никого из взрослых. Не было тут и кроваток; младенцы и дети ясельного возраста сидели прямо на полу или дрались за место на одном из полудюжины голых, до крайности загаженных матрасов, валявшихся у дальней стены. Все до единого нагишом, с обритыми головами… Лишённая окон комната освещалась лишь несколькими сорокаваттными лампочками без абажуров, развешанными на расстоянии тридцати-сорока футов. Некоторые дети жались в кружках этого мутного света, подняв распухшие глаза вверх, словно к солнцу, однако большинство лежали, забившись в тень. Когда мы распахнули железные двери, дети постарше на четвереньках поползли прочь от света.

Видно было, что полы раз в два-три дня поливают из шланга — об этом свидетельствовали разводы и потёки на потрескавшейся кафельной плитке. При этом было столь же очевидно, что иных санитарно-гигиенических мероприятий здесь не проводят. Дон Уэстлер, доктор Паксли и Карл Берри бросились прочь, не выдержав вони. Доктор Эймсли глухо чертыхнулся и стукнул кулаком по каменной стене. Отец Пол сперва

заплакал, а потом принялся ходить от малыша к малышу: он гладил их по голове, что-то тихонько шептал на непонятном им языке и брал на руки. У меня возникло стойкое чувство, что почти всех этих детей никто и никогда не держал на руках, более того, к ним ни разу не прикасались.

Раду Фортуна вошёл следом. Он не улыбался.

— Товарищ Чаушеску говорить нам, что СПИД — капиталистическая болезнь, — зашептал он. — В Румынии официально не зарегистрировано случаев СПИД. Ни одного.

— Боже мой, боже мой, — бормотал Эймсли, переходя от ребёнка к ребёнку. — У большинства уже поздняя стадия. Кроме того, они страдают от недоедания и авитаминоза. — Доктор поднял голову; за стёклами очков блеснули слёзы. — Давно их тут держат?

Фортуна пожал плечами:

— Многие здесь почти с рождения. Родители привозить их сюда. Деток не выпускать из комнаты, поэтому почти все не умеют ходить. Когда они пробуют вставать на ножки, никто не помогать им.

Доктор Эймсли выдал череду ругательств, от которых стылый воздух словно бы задымился. Фортуна согласно кивал.

— Но разве никто не зафиксировал в документах эти ужа… эту трагедию? — сдавленным голосом вопросил доктор Эймсли.

Фортуна опять заулыбался:

— О да, да. Доктор Патраску из Института вирусологии имени Штефана Николау говорить, это случаться три, может быть, четыре года назад. Он проверять первого ребёнка и узнавать, что тот заражён. Думаю, шестеро из других четырнадцати тоже болеть СПИД. Доктор Патраску объехать все города, все государственные приюты, везде много-много больных детей.

Доктор Эймсли погасил тонкий медицинский фонарик, которым светил в глаза ребёнку, находившемуся в коматозном состоянии, встал с корточек и сгрёб Фортуну за отвороты пальто. На миг мне показалось, что сейчас он ударит нашего гида по лицу.

— Во имя всего святого, неужели же он не *сообщил* об этом?

Раду Фортуна равнодушно уставился на Эймсли:

— Да-да, доктор Патраску доложить в Министерство здравоохранения. Ему говорить, чтобы он немедленно прекратил. Отменить совещание по СПИД, которое планировал доктор. Потом они

сжигать все записи доктора Патраску и… как это называется? Такие листочки с планом собрания… программы. Они изымать все напечатанные программы и тоже их сжигать.

Отец Пол усадил на матрас ребёнка, которого держал на руках. Прозрачные ручки двухлетней девочки потянулись обратно к священнику, она тоненько, жалобно запищала, показывая, что хочет обратно. Отец Пол исполнил её просьбу: снова подхватил на руки и прижал к щеке бугристую лысую головку.

— Будь они прокляты, — зашептал он, словно читал молитву. — Будь проклято министерство и тот сукин сын внизу. Будь навеки проклят Чаушеску. Гореть им всем в аду!

Осмотрев годовалого малыша, состоявшего, казалось, сплошь из рёбер и вздутого живота, доктор Эймсли поднялся.

— Этот ребёнок мёртв, — заключил он и повернулся к Фортуне. — Как, чёрт побери, такое произошло? СПИД ещё не успел настолько распространиться среди основной массы населения. Или все эти дети родились от наркоманов?

В глазах доктора читался другой вопрос: откуда в стране, где среднестатистической семье не хватает денег на еду, а хранение наркотиков

карается смертной казнью, так много детей наркоманов?

— Идёмте, — сказал Фортуна и вывел нас с доктором из этой тюрьмы обречённых.

Отец Пол остался, продолжая по очереди брать на руки и гладить каждого малыша.

На нижнем этаже, в «отделении для здоровых» (от приюта в Себеше это место отличалось лишь размерами: в бескрайнем море железных кроваток здесь было больше тысячи детей), медсёстры флегматично перемещались по залу, всовывая подопечным стеклянные бутылочки с жидкостью, по виду похожей на молочную смесь. Когда ребёнок принимался шумно сосать, ему делали укол. После этого сестра вытирала шприц тряпкой, заткнутой за пояс, заново наполняла его из большого флакона на подносе и делала инъекцию следующему ребёнку.

— Матерь Божья, — потрясённо прошептал доктор Эймсли, — у вас что, нет одноразовых шприцев?

Фортуна развёл руками:

— Капиталистическая роскошь.

Лицо Эймсли так побагровело, что я испугался, как бы у него не полопались сосуды.

— Неужели тут, чёрт побери, про автоклав не

слышали?

Пожав плечами, Фортуна обратился к стоявшей поблизости медсестре. Та что-то буркнула и вернулась к своему занятию.

— Она говорить, автоклав неисправный. Поломаться. Его отправить в Министерство здравоохранения, чтобы починить, — перевёл наш сопровождающий.

— Давно? — рявкнул Эймсли.

Раду Фортуна переадресовал вопрос суровой медсестре — женщина ответила, не поворачивая головы.

— Четыре года пройти, — сказал Фортуна. — Она говорить, четыре года пройти *до того*, как его отправлять на ремонт год назад.

Доктор Эймсли подошёл к мальчику шести-семи лет, который лежал в кроватке и сосал бутылочку. Смесь напоминала грязно-серую воду.

— А что им колют, витамины? — осведомился доктор.

— О нет, — с готовностью отозвался Фортуна. — Это кровь.

Эймсли остолбенел, затем медленно повернулся:

— Кровь?

— Да-да, взрослая кровь. Чтобы укреплять здоровье деток. Министерство это одобрять. Они говорить: это очень… как вы такое называете… *передовая медицина*.

Доктор Эймсли размашисто шагнул к медсестре, потом к Фортуне и, наконец, встал рядом со мной, словно опасался прибить кого-то из этих двоих, окажись они слишком близко.

— Иисусе Христе, «взрослая кровь», Палмер! Эта теория канула в прошлое вместе с газовыми рожками и гетрами. Господи, разве они не понимают… — Он вдруг рывком повернулся к нашему гиду. — Фортуна, где они берут эту… кровь взрослых?

— Её даровать… нет, неправильное слово. Не даровать, *покупать*. В больших городах люди, которые совсем не иметь денег, продавать свою кровь для деток. Пятнадцать лей за один раз.

Доктор Эймсли издал какие-то булькающие звуки, которые затем перешли в сдавленное хихиканье. Он прикрыл глаза рукой, шатаясь, отступил назад и прислонился к передвижному столику, заставленному флаконами с темной жидкостью.

— Платные доноры… — забормотал он себе под нос. — Бездомные, наркоманы, проститутки… И

эту кровь вводят младенцам… в государственных приютах… нестерильными многоразовыми шприцами! — Эймсли захихикал громче, согнулся пополам, опустился на грязные полотенца. Продолжая прикрывать глаза ладонью, он давился смехом. — Сколько… — пробулькал он, обращаясь к Фортуне. Закашлялся, попытался снова: — Сколько детей, по оценкам этого Патраску, инфицированы СПИДом?

Фортуна наморщил лоб:

— Кажется, из двух тысяч, которые он проверять сначала, заражённых быть семьдесят. Потом выявить больше.

Из-под козырька ладони донёсся голос доктора Эймсли:

— Почти пять процентов. А сколько всего… детей в приютах?

Румын пожал плечами:

— Министерство здравоохранения считать, около двести тысяч… Я думаю, примерно полмиллион. Может, и больше.

Доктор Эймсли ничего не ответил. Опустив голову, он хихикал всё громче, всё истеричнее, и вскоре я понял, что он не смеётся, а рыдает.

Мы сели в поезд и в угасающем свете дня отправились на север, в сторону Сигишоары. По пути

Фортуна запланировал остановку в каком-то городишке.

— Мистер Палмер, вам понравиться Копша-Микэ, — пообещал он. — Мы ехать туда специально ради вас.

Не отрывая глаз от разрушенных деревень, проплывавших за окном, я спросил:

— Ещё приюты?

— Нет-нет. Точнее, да, приют там есть, но мы туда не ходить. Копша-Микэ — маленький город… шесть тысяч человек. Но это причина, по которой вы посещать нашу страну, понимаете?

Я всё же посмотрел на него:

— Промышленность?

Фортуна засмеялся:

— О да… Копша-Микэ — сильно промышленный город, как многие наши города. К тому же это очень близко от Сигишоары, где рождаться Тёмный Советник товарища Чаушеску…

Мне приходилось бывать в Сигишоаре.

— Тёмный Советник? — переспросил я. — Что за чушь вы несёте! Хотите сказать, советником Чаушеску был Влад Цепеш?

Сигишоара — прекрасно сохранившийся средневековый город, где даже редкие автомобили на узких мощёных улочках выглядят анахронизмом.

Окрестные холмы пестрят полуразваленными башнями и укреплениями, куда более живописными, чем полдюжины не пострадавших от времени трансильванских замков, которые впечатлительным туристам с твёрдой валютой в карманах выдают за резиденцию Дракулы. Однако в старом доме на Музейной площади Влад Дракула действительно жил с 1431 по 1435 год. В мой прошлый приезд, десять лет назад, на верхнем этаже был ресторан, а в подвале — винный погреб.

— Хотите, чтобы я поверил, будто Тёмный Советник и есть Влад Дракула? — с нескрываемым презрением бросил я.

Фортуна молча пожал плечами и отправился на поиски съестного. Доктор Эймсли, слышавший наш разговор, плюхнулся рядом со мной.

— Вы ему верите? — шёпотом поинтересовался он. — Теперь он собирается пугать нас байками о Дракуле. Боже правый!

Я кивнул и устремил взор на серую ленту гор и долин, однообразно тянувшуюся за окном. Здесь ощущалась некая первобытная дикость, какой я не встречал больше нигде в мире, хотя объехал бессчётное множество стран. Горные склоны, глубокие лощины и деревья — всё выглядело

покорёженным, уродливым, искривлённым, словно стремилось вырваться с мрачного полотна Ван Гога.

— Лучше бы нам пришлось иметь дело с Дракулой, — продолжал славный доктор. — Вообразите, Палмер: наша группа объявляет, что Влад Колосажатель жив и мучает людей в Трансильвании… Да сюда моментом примчится толпа репортёров! Фуры со спутниковым оборудованием запрудят центральную площадь Сибиу, новости будут лететь по всем каналам Америки. Покусай один монстр дюжину-другую человек — и весь мир затрепещет от возбуждения, а тут… Десятки тысяч мёртвых мужчин и женщин, сотни тысяч детей, заточённых в жутких приютах, где их… Чёрт!

Глядя в окно, я прошептал:

— Банальность зла.

— Что?

— Банальность зла. — Я с горечью улыбнулся и посмотрел на доктора. — Дракула стал бы сенсацией, а страдания сотен тысяч жертв политического безумия, бюрократизма и глупости — это всего лишь… неудобство.

В Копша-Микэ мы прибыли незадолго до темноты, и я сразу понял, почему это «мой» город. Уэстлер, Эймсли, отец Пол и Паксли на время

получасовой стоянки остались в поезде; дела здесь были только у меня и Карла Берри. Фортуна повёл нас за собой.

Деревня — для города поселение было слишком мало — расположилась меж крутых гор. На склонах лежал снег, но не белый, а чёрный. Сосульки, свисавшие с тёмных карнизов, были чёрными. На грунтовых дорогах под ногами хлюпала чёрно-серая каша, а сверху нависала плотная пелена чёрного воздуха, словно в меркнущем дневном свете колыхались миллионы крохотных мотыльков. Мимо нас проходили мужчины и женщины в чёрных пальто и платках; они волокли тяжёлые тележки или вели за руку детей, и лица у этих людей тоже были угольно-чёрными. Уже в центре деревни я обнаружил, что мы шагаем по слою пепла и сажи толщиной не меньше четырёх дюймов. В Южной Америке и в других местах мне приходилось видеть действующие вулканы — пепел и ночное небо там выглядели так же.

— Это… как правильно называть… завод автопокрышек. — Раду Фортуна жестом указал в сторону промышленного комбината, занимавшего почти всю долину, словно распластавшийся на земле дракон. — Он делать чёрный порошок для резиновых изделий… работать круглосуточно.

Небо здесь всегда такое… — Фортуна горделиво обвёл рукой чёрную мглу, которая окутывала все вокруг.

Карл Берри закашлялся:

— Бог мой, как же тут можно жить?

— Тут не жить долго, — ответил Фортуна. — Большинство старых людей, как вы и я, у них отравление свинцом. У деток… как это по-вашему… всё время кашлять…

— Астма, — подсказал Берри.

— Да, маленькие детки болеть астма. Рождаться с сердцем… вы называть это… деформатированное?

— Деформированное, — поправил Берри.

Я остановился в сотне ярдов от чёрного забора и чёрных стен завода. Деревня позади нас напоминала карандашный эскиз в чёрно-серых тонах. Сквозь закопчённые сажей окна не пробивался даже свет ламп.

— Фортуна, почему это «мой» город? — спросил я.

Он вытянул руку, показав на завод. В линиях его ладони уже чернела сажа, манжет белой сорочки стал серым.

— Чаушеску больше нет. Завод больше не производить шины для Восточной Германии,

Польши, Советского Союза… Вы хотеть? Хотеть делать вещи для вашей компании? У нас нет… как это вы говорить… надзор за охраной окружающей среды, нет запрет на вредное производство… вы бросать отходы куда угодно, делать всё, как вам угодно. Вы хотеть?

Я долго стоял на чёрном снегу и, наверное, простоял бы ещё дольше, если бы гудок поезда не возвестил, что до отправления осталось две минуты.

— Возможно, — сказал я. — Но только возможно.

Мы побрели по пеплу назад.

Назавтра Дон Уэстлер, отец Пол, доктор Эймсли, Карл Берри и наш нобелевский лауреат, профессор Леонард Паксли, рейсом компании «Таром» улетели из Сигишоары в Бухарест. Я остался. Утро выдалось пасмурное: тяжёлые тучи, бежавшие над долиной, окутывали горные хребты рваной туманной дымкой. Серый камень городских стен с их одиннадцатью башнями сливался с серым небом, накрывая средневековое поселение плотным куполом мрака. Закончив поздний завтрак, я наполнил термос, пересёк старую площадь и одолел сто семьдесят две ступеньки крытой Лест-

ницы Школяров[17], что вела к дому на Музейной площади. На железных дверях винного погреба висел замок, узкие двери первого этажа были забраны тяжёлыми ставнями. Старик, сидевший на другой стороне улицы, рассказал, что ресторан уже несколько лет закрыт, что власти собирались превратить этот дом в музей, но потом решили, что иностранные туристы не захотят платить валютой за осмотр какой-то развалюхи, пусть даже и той, в которой пятьсот лет назад жил Влад Дракула. Иностранцы предпочитали большие старинные замки на сотню миль восточнее, поближе к Бухаресту, — замки, построенные несколько веков спустя после исчезновения Влада Цепеша.

Я снова перешёл улицу, дождался, пока старик покормит голубей и уйдёт, а потом отодвинул тяжёлый затвор ставней. Окошки в дверях были такими же чёрными, как душа Копша-Микэ. Двери оказались заперты, но я поскрёбся в вековое стекло.

---

[17] Примечания: 17

…и одолел сто семьдесят две ступеньки крытой Лестницы Школяров… — Лестница Школяров — крытая деревянная лестница в Сигишоаре, соединяющая площадь Цитадели с Церковью-на-Холме. Построена в 1642 г., изначально имела 300 ступеней. Название объясняется тем, что лестницей в основном пользовались ученики школы, стоявшей рядом с церковью.

Раду Фортуна впустил меня и провёл внутрь. Почти все столы и стулья были сгружены на грубую деревянную стойку, и от них к закопчённым потолочным балкам тянулась паутина. Фортуна взялся за один стол, поставил его в центре помещения, потом смахнул пыль с двух стульев. Мы уселись.

— Вам понравилась поездка? — спросил он на румынском.

— Да, — ответил я на том же языке и добавил: — Но, по-моему, вы слегка переигрывали.

Фортуна пожал плечами. Он зашёл за стойку, протёр от пыли две пивные кружки и поставил их на стол.

Я кашлянул:

— Вы ещё в аэропорту признали во мне члена Семьи?

Мой бывший гид расплылся в улыбке:

— Разумеется.

— Но как? — Я нахмурил брови. — Я провожу много времени на солнце, чтобы поддерживать загар. Я родился в Америке.

— Манеры, — пояснил Фортуна, употребив румынское слово. — Ваши манеры слишком хороши для американца.

Я вздохнул. Пошарив под столом, Фортуна до-

стал винный бурдюк, но я сделал отрицательный жест и извлёк из кармана пальто свой термос. Разлил содержимое по кружкам. Раду Фортуна кивнул. Вид у него был столь же серьёзный, как и в последние три дня. Мы чокнулись.

— Будем здоровы, — сказал я. Напиток оказался хорош: свежий, сохранявший температуру тела. До свёртывания, когда появляется привкус горечи, было ещё далеко.

Фортуна опорожнил кружку, вытер усы и удовлетворённо кивнул.

— Ваша компания купит завод в Копша-Микэ? — осведомился он.

— Да.

— А другие заводы… в других Копша-Микэ?

— Да, — подтвердил я. — Либо же наш консорциум обеспечит им европейские инвестиции.

Фортуна улыбнулся:

— Инвесторы из Семьи будут счастливы. Пройдёт четверть века, прежде чем эта страна позволит себе роскошь волноваться об экологии… и о здоровье нации.

— Десять лет, — сказал я. — Экологическая сознательность заразна.

Фортуна шевельнул руками и плечами — особый трансильванский жест, которого я не видел

много лет.

— Кстати, о заразе, — продолжал я. — Ситуация в приютах просто кошмарная.

Маленький человечек кивнул. Тусклый свет из дверного проёма падал на его лоб, за спиной чернела темнота.

— В отличие от вас, американцев, мы не имеем возможности использовать плазму… или частные банки крови. Должны же были власти создать хоть какой-то запас.

— Но СПИД… — начал я.

— Будет локализован, — произнес Фортуна. — Благодаря гуманистическим порывам вашего доктора Эймсли и этого священника, отца Пола. Целый месяц в новостных программах «Шестьдесят минут», «Двадцать на двадцать» и всех остальных, какие появились на вашем телевидении со времени моего последнего приезда в Штаты, будут идти спецвыпуски. Американцы сентиментальны. Общественность разразится негодованием. В Румынию рекой потечёт финансовая помощь от различных организаций и скучающих богатых бездельников. Резко подскочит число усыновлений, семьи станут выкладывать бешеные деньги, чтобы переправить больных детей в Америку, местные телеканалы

будут брать интервью у рыдающих от счастья мамочек…

Я кивал.

— Медики — ваши американские, британские, западногерманские — толпами потянутся в Карпаты, Бучеджи и Фэгэраш… Ну а мы «выявим» много других приютов и больниц, найдём такие же изоляторы. Через два года с распространением СПИДа будет покончено.

Ещё раз кивнув, я негромко заметил:

— Но вместе с детьми из страны уедет значительная часть ваших… запасов.

Фортуна с улыбкой пожал плечами:

— У нас есть ещё. Всегда есть ещё. Даже в вашей Америке, где подростки убегают из дома, а фото пропавших детей печатают на молочных пакетах, так ведь?

Я опорожнил кружку, встал и шагнул к свету:

— Эти времена прошли. Выживание равняется умеренности. Всем членам Семьи пора это усвоить. — Я повернулся к Фортуне, и мой голос прозвучал злее, чем я ожидал: — А иначе что? Снова массовое заражение? Бурный рост Семьи, более быстрый, чем рост раковых клеток, более агрессивный, чем СПИД? Ограничивая свою численность, мы поддерживаем баланс. Если

допустить… бесконтрольное размножение, то в мире не останется добычи, одни охотники, обречённые на вымирание, как когда-то кролики на острове Пасхи.

Фортуна поднял руки, выставив перед собой ладони:

— Не будем спорить, кузен. Мы и сами это знаем. Потому-то и убрали Чаушеску, потому-то и закрыли ему доступ к туннелям, не дали добраться до кнопок, с помощью которых он мог уничтожить весь Бухарест.

— Значит, Тёмный Советник всё-таки существует, — чуть слышно пробормотал я.

Фортуна улыбнулся:

— О да.

Прошло полминуты, прежде чем я смог вымолвить:

— Отец… здесь?

Фортуна встал и направился к тёмному коридору, в котором смутно виднелась ещё более тёмная лестница. Он указал наверх и повёл меня во мрак, в последний раз выполняя обязанности моего гида.

Раньше это была одна из просторных кладовых над рестораном. Пять столетий назад помещение могло быть спальней. Его спальней.

Существо, лежавшее под серыми простынями и укрытое пёстрыми ковровыми покрывалами ручной работы, было настолько древним, что казалось не только лишённым возраста, но и бесполым. Ставни были закрыты, пыль и паутина покрывали всё, кроме того места, где на жемчужно-белой подушке покоились голова и плечи существа. На пыльном полу темнела дорожка, протоптанная прислужниками; света, проникавшего сквозь щели в ставнях, хватало ровно для того, чтобы глаза привыкли к сумраку.

— Боже мой, — прошептал я.

Фортуна улыбнулся:

— Да.

Я подошёл ближе, невольно опустился на одно колено. Уловить сходство с фотографиями, которые мне показывали другие члены Семьи, было очень сложно. Тот же высокий лоб, те же глубоко посаженные глаза и благородные острые скулы, однако все остальные черты разительно изменились. Годы превратили плоть в жёлтый пергамент, волосы — в тонкую паутину, глаза — в мутно-белые мраморные шарики, затерявшиеся где-то между складками иссохшей кожи. Беззубый рот; руки на одеяле, похожие на мумифицированную обезьянью лапку, виденную

мной в Каирском египетском музее много лет назад. Ногти — жёлтые, не меньше шести дюймов длиной.

Я наклонился и поцеловал перстень на пальце его правой руки.

— Отец… — прошептал я. По спине побежали мурашки: я испытывал отвращение и благоговение одновременно.

В груди существа родился какой-то скрипучий звук, из щели рта вырвалось облачко зловонного тумана.

Я встал. Теперь, когда мои глаза привыкли к темноте, я разглядел бесчисленные чешуйки и бляшки, царапины, ссадины и струпья гниющей кожи — всё это указывало на саркому Капоши в терминальной стадии. Мне не требовалось познаний доктора Эймсли, чтобы увидеть характерные признаки; все члены Семьи — специалисты по СПИДу и его симптоматике. Лучше уж сесть на кол или заживо сгореть на костре, чем подхватить СПИД.

— Он заразился здесь? — шепотом спросил я и только потом сообразил, что шептать попросту глупо: существо в кровати давно ничего не слышит.

Раду Фортуна усмехнулся:

— Если бы. Отец вёл себя очень беспечно. Не забывайте, ВИЧ относится к *ретровирусам*, он существовал тысячелетия назад. Ученые не знают, ни откуда он возник, ни как передался людям.

Я отступил на шаг от кровати, волоски у меня на шее встали дыбом от страха.

— А Отец?..

Фортуна пожал плечами:

— Проявил легкомыслие. Давно. Семья уговаривала его не ехать в Африку, однако он был уверен, что это лучшее место, чтобы… уйти на покой. Дать начало новой ветви Семьи. Воскресить славное карпатское прошлое.

Я пятился, пока не упёрся спиной в дверной косяк.

— Он сошёл с ума…

— Именно. — Фортуна шагнул к кровати и натянул покрывало повыше, так что теперь из-под него торчал только крючковатый нос и гниющий лоб существа. — Члены Семьи гонялись за ним по четырём континентам, умоляя вернуться домой. К тому времени, как это им удалось… у него не было выбора.

Я покачал головой. Комната перед моими глазами словно бы задрожала, начала растворяться в воздухе, и я понял, что плачу. Резким движением

я вытер слёзы.

— Я не знал…

— Не важно, — сказал Фортуна. — Западная медицина, западная наука и западные технологии победят эту чуму, как до того побеждали другие болезни. Мы на это рассчитываем. Семья сделала всё, чтобы устранить барьеры — межгосударственные, идеологические… так что это вполне осуществимо.

Я кивнул и, коснувшись ладонью руки Фортуны, двинулся за ним к лестнице. Повинуясь безотчётному внутреннему порыву, обернулся, на секунду замер, потом снова преклонил колени перед тьмой за порогом и только потом последовал за своим гидом и консультантом.

Моя рука лежала на его сильном плече. Вместе мы оставили старый мир позади и спустились по лестнице — встречать новый.

Перевод: Н. Сечкина

Филип Фармер
Никто не идеален

Philip José Farmer, "Nobody's Perfect", 1991

Рудольф Искупитель только что закончил сосать мою кровь. Мой мозг пылал, словно в голове включили электрическую лампу, а клитор пульсировал.

Я хотела умолять его продолжать сосать, но девушка в очереди позади меня закричала:

— Давай, сука!

Гремели барабаны, ревели горны. Публика, заполнившая концертный зал, вопила во всё горло.

Телохранители Рудольфа, стоявшие под сценой и за кулисами, должно быть, стали ещё более бдительными. Год назад убийца застрелил Рудольфа во время этого ритуала. Три месяца спустя произошло то же самое.

Ошеломлённая, на подгибающихся коленях, я направилась к ступеням, ведущим вниз со сцены. Но он крикнул:

— Ты та, кого я искал много лет! Мне кажется,

я люблю тебя!

Я была одновременно взволнована и удивлена. Вы ожидаете, что такие нежные слова вам будут шептать в спальне, где единственные посторонние звуки — ваше тяжелое дыхание и скрип пружин кровати… Как говориться: «Ухаживали, трахались, судились… так что стены тряслись». Но я не собирался спорить с этим утверждением.

Кровь стекала в уголке его рта. Он улыбнулся, показывая красные стальные клыки, прикрепленные к его настоящим клыкам. Его глаза сверкнули. Действительно, он «зажигал». А виной тому, как я узнала позже, его привязанность к новому чуду химии «Путь Бога». Он делает ваши глаза похожими на открытые двери в ад, хотя некоторые утверждают, что он широко распахивает врата в рай. Что бы он ни делал, он наверняка превосходит героин, крэк иже с ними. Хотя, как я вскоре обнаружила, Рудольф он их всех переплюнул.

Но Рудольф-то не замешан во всём этом дерьме по той же причине, по которой большинство людей замешаны. То есть он принимает эту гадость, чтобы чувствовать себя нормально, чтобы чувствовать себя человеком. Что и я принимаю «Путь Бога» по той же причине. Философией я

никогда не увлекалась. Какое мне дело до гуру и махариши, до кармы и мантр — все они фальшивки. Какое мне дело до того, была ли у Иммануила Канта любовница?

— Приходи ко мне в полночь! — крикнул он.

— Я не любовница на одну ночь! — крикнула я в ответ.

Я лгала и он это знал. Но он схватил следующую девушку, откинул её голову назад, обхватил её грудь левой рукой и укусил в шею. Снова ударили барабаны, и толпа завизжала, как потерянные души, внезапно увидевшие надежду. У девушки случился оргазм или она притворялась, так часто бывает ныне. Но мужчинам всё равно. Ты — это то, чем ты притворяешься, как однажды сказал мой друг.

Однако я точно не притворялась. Так что, возможно, девка на сцене чувствовала тот же восхитительный холодный огонь, который загорелся в пальцах моих ног и взмыл вверх по моему телу. Я онемела от экстаза, с которым даже эффект «Пути Бога» не мог сравнится.

Рудольф отпустил девушку и схватил прыщавого мальчишку. Юноша мог и не быть натуралом или геем, но сиял от восторга. Отчасти религиозный, отчасти сексуальный экстаз. Разве есть

какая-то разница, как бы мне ни было неприятно это говорить? Конечно, нет никакой разницы, когда Искупитель принимает тебя в Благословенное Тело… Нет никакой разницы, мужчина ты или женщина, когда ты принимаешь посвящение и причастие одновременно. Только это обратное причастие, потому что Рудольф, священник в данном случае и претендующий на роль Божьего Наместника, пьет вино вашего организма — вашу кровь. Но ты получаешь немного его святой слюны…

На ступеньках девушка распылила бактерицид на рану на моей шее и наложила на ранку пластырь. Взяв билет, я подписала бланк, освобождающий Рудольфа Искупителя от ответственности за любые инфекции или эмоциональный стресс, предположительно вызванные укусом в шею. Рудольф не боялся заразиться СПИДом или ещё чем-нибудь. Он утверждал, что вампиры не затронуты человеческими болезнями.

Волновалась ли я? Да! Но даже когда я, как говорится, дымилась под шёлком, мне было интересно, действительно ли Рудольф имел в виду то, что сказал. Если он думал, что я буду готова потушить его огонь и отдаться ему в любое время в любом месте, пока не исчезнет прежний трепет,

он был прав. Но если он думал, что будет продолжать качать из меня кровь, как фермер, доящий корову, то он ошибался. Я не могу позволить себе потерять большую часть моего драгоценного гемоглобина. У меня достаточно проблем с анемией и псевдогепатитом. «Путь Бога» не только подогревает твою кровь. Он настоящий яд для печени. Но оно того стоит.

Почему он выбрал именно меня? Не хочу отступать, признав, что у меня великолепные ноги и большие, торчащие в стороны силиконовые сиськи…

Когда-то я думала, что лицо Тейлор сделает меня кинозвездой. Никто никогда не говорил мне, что для того, чтобы попасть на вершину, нужно обладать хотя бы умеренно хорошими актёрскими способностями. Я была по-настоящему невинна, а может быть, просто обкуренный лузер. Слишком глупа, чтобы знать, что продюсеры и режиссёры пообещают тебе все что угодно, если смогут залезть тебе под юбку.

Во всяком случае, я была не единственной богиней в этой толпе, и он, должно быть, трахнул много божественных девиц. Так почему же я? Видел ли он что-то, что выделяло меня, как помешанную на сексе тараканиху, занимающу-

юся любовью с орехом в банке, полной других орехов?

Но я всё узнаю, когда, доберусь до его квартиры. И где он там живёт? Поэтому я была удивлена и обрадована, когда один человек сунул мне записку и сказал:

— От Искупителя.

Я развернула её. На ней было отпечатанное сообщение. Вероятно, он не был уверен, что я умею читать написанное от руки. Печать означала, что он, должно быть, видел меня до начала ритуала, глядя на телеэкран, сканирующий толпу. Он всё ещё сосал кровь у посвящённых и был слишком занят, чтобы тратить время на то, чтобы самостоятельно передать мне сообщение.

В записке говорилось, что водитель жёлтого лимузина заберет меня, когда церемония закончится.

Вот это действительно заставило меня почувствовать себя особенной! Или он делал так на каждом шоу, выбирал какую-нибудь красотку, у которой мозги в заднице, которая выглядела так, словно она уже впала в немилость Судьбе и вот-вот упадёт в его постель? Насколько мне было известно, за этот вечер целая толпа фанаток получила такие же записки, как и я. Каждому

было сказано прийти в разное время. Так что, когда моё время истечёт, я получу пинок под зад.

Слава, слава, слава! Даже если девушку вышвырнут без благодарности после часа, проведённого с Рудольфом, она не должна злиться. Не за что. Тебе повезло, ты стала одной из Избранных. Теперь у тебя не только есть чем похвастаться, но и осталось что-то ещё, кроме его спермы. Это был крошечный кусочек Царства Искупителя, пришедший в вас, — вечное благословение, непоколебимая уверенность, что вы были одна из Избранных и вам будет дарована вечная жизнь на Новой Земле.

Его последователи знали это: когда Рудольф выкупил Старую Землю, они стали бессмертными… Они действительно будут жить вечно, телом и душой. Более того, женщины, с которыми он спал, занимали особое место в небесном особняке. Как будто Рудольф расплатился с тобой за то, что ты с ним трахалась, но не деньгами, а нимбом святой. Блаженна через кровавое причастие. Канонизирована через пенис.

После того, что казалось невыносимым ожиданием, потому что я хотела быть с Искупителем прямо сейчас, начался заключительный ритуал. Рудольфа подняли музыканты Кровавого Прича-

стия. Его руки и ноги были прибиты к распятию, образованному комбинацией креста, звезды Давида, полумесяца и свастики. Последний символ получил много нареканий от неверующих, но Рудольф сказал, что это древний буддийский символ, правша по форме и этим отличается от левой свастики, которую опозорили нацисты…

Кровь текла из его рук и ног, и оркестр, за исключением барабанщика, отбивающего ритм, слизывал кровь, стекающую по древку Священной Мантры. Затем они выковыряли гвозди из Мантры и перенесли Рудольфа к гробу, положили его в него и закрыли крышку.

При этом звучали стенания. Многие в толпе били себя кулаками в грудь. Музыканты вернулись к своим инструментам и сыграли несколько тактов из композиции «Кровь — это Жизнь». Это звучало как сплав кузнечного дела древних языческих божеств и ангелов, работающих в небесной оружейной, как будто группа ковала оружие для Сумерек Богов и Армагеддона, вместе взятых. От этого ритма начинало казаться, что конец света не за горами.

По крайней мере, так написал музыкальный критик. В кои-то веки он не был полным дерьмом.

Затем, после долгой паузы, во время которой толпа затихла, оркестр загремел:

— Встань, Встань И Сияй, Свет Мира!

Крышка гроба медленно поднялась. Потом Рудольф сел и подпрыгнул. Я имею в виду, выпрыгнул из гроба из сидячего положения и приземлился на ноги, улыбаясь, широко раскинув руки.

Толпа взревела, все двести тысяч. Их голоса звучали так, словно это и не толпа была вовсе, а колоссальный лев. И его гигантская глотка породила звук, который не просто потряс стены храма, а покачнул столпы самого космоса.

Я действительно чувствовала себя возвышенной, ощущало прекрасное безумие радости. Я не хотела этого чувствовать. Но я не могла игнорировать вспышку эмоций, вырвавшихся из всех этих людей. И я тоже присоединилась к ним. Никто не совершенен.

Рудольф стоял на сцене, всё ещё с поднятыми руками, раны на руках и ногах начали закрываться, как ночные клубы после четырёх утра, А затем толпа стала расходиться, распевая «Восстань!» Сильно потрясённая, хотя и молчаливая, я медленно вышла вместе с певцами.

В Лос-Анджелесе было одиннадцать часов ве-

чера, но огни за пределами зала сделали улицы почти таким же светлыми, как в свободный от смога полдень. Большая толпа антиискупителей ждала нас. Он хотел съесть нас, как львы, поджидающие христиан. В данном случае всё было как раз наоборот. Собственно, люди там были христиане разных сект и иудеи, мусульмане, индуисты, буддисты и даже некоторые неовудуисты. Но весельчаки, они же буквалисты или святые ролики, были самыми многочисленными и самыми опасными. Если бы не армия копов, фанатики попытались бы проломить нам головы символами своей веры.

— Отмщение моё, говорит Господь!

Но эти люди были Божьими посланниками, и они не были готовы осуществить Его план. Если кому-то и придётся подставить щеку, то только не им. Но, как я уже говорила, никто не совершенен.

Объективный человек — разве такие вообще существуют? — мог бы сказать, что у этих фанатиков достаточно причин, чтобы злиться. Вот Рудольф Искупитель утверждает, что он настоящий вампир, но в то же время Спаситель, помазанный Создателем, чтобы снова сделать Землю зеленой и решить большинство ее про-

блем. И у него есть пара миллионов учеников, которые поцеловали бы больше, чем его задницу, если бы он попросил их. Тогда этот кровососущий похотливый богохульствующий подонок-наркоман, который выставляет свои желтые шары и фиолетовый член во время своих ритуалов, утверждает, что он единственный истинный спаситель мира. Разве это не слишком много даже в этой стране свободы слова?

В списке людей, которые должны быть убиты, Рудольф занимает первое место. Его ненавидит больше людей, чем президента США или нынешних злодеев из мыльных опер. Он был застрелен, а также ранен во время взрыва бомбы. И всё же через несколько минут после покушения его раны зажили. Значит, он настоящий вампир?

На самом деле, если то, что утверждают его враги, правда, Рудольф должен быть демоном, прилетевшим первым классом из ада, передовым агентом Антихриста. А может, он и сам Антихрист. В таком случае, согласно верованиям и логике фанатиков, убить его не грех. Это даже не убийство. Поэтому в следующий раз убийца должен использовать крупнокалиберный дробовик или бомбу побольше. Как насчет противотанковой ракеты?

Находиться в сотне ярдов от Рудольфа было опасно, но сотни тысяч поклонников шли на этот риск. И вот я сделала то же самое. Это дает вам представление о харизме Рудольфа.

Все в гигантской толпе, выходящей из зала, были прокляты и обруганы демонстрантами. Бумажный мешок с человеческим дерьмом пролетел мимо моего плеча и плюхнулся на девушку позади меня. Крики: «Антихрист!», «Проклятый дьявол-кровопийца!» и многие другие, некоторые непристойные, все горячие от ненависти, поднимались, как горящая бумага на сильном ветру. Повсюду развевались вывески.

ТЫ НЕ ДОЛЖЕН ПОЗВОЛЯТЬ ВЕДЬМЕ ЖИТЬ САТАНА НА СВОБОДЕ, ЕГО ЗОВУТ РУДОЛЬФ
ЕГО НОМЕР 666

Одно знамение, «ДЕНЬ СУДА ОТДЕЛИТ ОВЕЦ ОТ ВОЛКОВ», явило больше, чем религиозный пыл его создателя.

Как раз перед тем, как жёлтый лимузин подъехал к тротуару, я увидела большое, напоминающее тыкву лицо Джорджа Рекингема и его морковный нос. Он был в первом ряду демонстрантов, который извивался, как раненая змея, когда фанаты пытались прорваться сквозь двой-

ную линию потеющих полицейских. Он помахал мне рукой и что-то крикнул. Я покачала головой, показывая, что не слышу. Тогда он поднял руку, большой и указательный пальцы которой образовали букву «О». Но я могла читать по его губам, меня этому учили.

— Ты сделала первый шаг и второй. Да благословит тебя Господь и укажет тебе праведный путь, чтобы сделать третий шаг.

Он имел в виду, что первым шагом было избавление от наркотиков, чего я никогда бы не сделала бы без его любящей помощи. Я не думаю, что в аду есть что-то хуже, хотя Джордж с этим не согласился бы, но сам он никогда не проходил через огонь. Вторым шагом было примирение с самим собой. Третий шаг был тем, против чего он возражал. Он сказал, что для моей души слишком опасно продолжать общаться с наркоманами (для него это не означало «химических иждивенцев»). И моя душа была в величайшей опасности, если я «подружусь» (ещё один эвфемизм) с Антихристом.

Он подозревал, что я тоже стану много трахаться, как и до встречи с ним. Никаких ему «сексуальных отношений». Он сказал всё, как есть. Что ж, я это знала. Но я ни за что не откажусь

от этого. Вагина, забитая пылью и паутиной, не соответствует замыслу Создателя, не для того Он её сотворил.

Он был из фанди. Только никому не рассказывайте. У них есть правые крылья, и левые крылья, и середняки, и дальние обитатели окраин. Даже если все настаивают на том, что Хорошую Книгу следует понимать буквально, они во многом расходятся в толковании буквы и духа. Но у них есть одна общая черта. Вера в Бога движет ими всеми, как касторовое масло движет содержимое кишечника. Они не могут бороться с этим.

То же самое можно было сказать и о последователях Рудольфа…

Я улыбнулась и помахала Джорджу, а затем села в лимузин, и он медленно нырнул в поток машин. Как водитель вычислил меня из толпы? «Лучше не спрашивай», — сказал я себе. Если тут и была замешана чёрная магия, я не хотела этого знать.

Меня отвезли в новый многоквартирный дом на Уилшир в Вествуде. Я должна был пройти через систему безопасности с сотней электронных глаз, через батальон охранников, которые обыскали меня, возможно более тщательно, чем следовало. Я миновала один бог знает сколько

датчиков, прежде чем я вышла из лифта в пентхаус. Наверно, мне в лифте сделали рентген.

Я оказалась одна в комнатах, демонстрирующих убогую роскошь или роскошное убожество. Но моё внимание привлек большой герб над камином. Я видела его фотографии по телевизору и в газетах. Это был герб шотландского благородного рода Рутвенов, от которого происходил Рудольф. Какой-то безымянный человек начертал его в подарок Рудольфу. Но там, где на первоначальных гербах были изображены баран и козел, поддерживающие боковые стороны щита, даритель нарисовал огромный шприц для подкожных инъекций. Это была шутливая дань уважения хорошо известной привычке Рудольфа к наркотикам.

Ещё одним предметом, который вряд ли можно найти в квартире вампира, было огромное распятие на стене. Это меня не удивило, потому что Рудольф смеялся над этим во время ток-шоу.

— Кресты на нас не действуют, — заявлял он. — Это просто фольклор без крупицы правды. Вампиры, знаете ли, существовали уже в каменном веке, задолго до появления христианства. Фильмы раскрутили фольклор, так что все думают, что распятия пугают нас до чёртиков. То

же самое со святой водой. Чёрт, я храню в своей квартире святую воду в бутылках! Я пью эту дрянь только для того, чтобы доказать, какая это чушь!..

Комнаты давно не убирали, и воздух в них был густым от нескольких токов дерьма, вонявших ещё хуже. Пепельницы были завалены окурками сигарет и марихуаны, а на столах, стульях и полу валялись иглы и шприцы, многие из которых были использованными, пластиковые пакеты с белым или малиновым порошком и контейнеры для рецептов, содержимое которых, как я догадался, было получено без рецепта. То тут, то там башнями возвышались кальяны.

Это был эротический сон нарка, но Рудольф, казалось, не беспокоился о том, что его поймают. На свои деньги он мог бы купить несколько правительственных агентств, а также полицию штата и местную полицию. Вероятно, так оно и было.

Меня удивило, что стол накрыт на двоих. На нем стояло несколько накрытых тарелок, все серебряные. Через пятнадцать минут в квартиру вошли несколько телохранителей и быстро проверили все комнаты с помощью электронных детекторов. Когда Рудольф вошёл, ушли. Его рыжие волосы струились по плечам, делая его

похожим на шведского гуру. Но лицо его было чисто выбрито, и на нем был деловой костюм. Боже, ради бога!

— Ну, Полли, как тебе обстановка? — он произнес это глубоким сочным баритоном, которого достаточно, чтобы любая из дочерей Евы, какой бы пуританской она ни была, огляделась вокруг в поисках дерева с афродизиакальными яблоками и мягкого ложа, на котором можно было расслабится и полакомиться плодами.

— Декор? — удивилась я. — Воздержусь от комментариев. Я не судья для дурного вкуса.

Он рассмеялся, и его тёмно-синие глаза сверкнули. Он был похож на Дракулу примерно так же, как волк на питбуля.

— Ты честная, никакой не отстой. Давай поедим.

— Что? — поинтересовалась я.

Он снова рассмеялся и жестом указал на стол. Когда я садилась, он подвинул мне стул, как будто я была рок-звездой, а он — метрдотелем, настоящим джентльменом.

— Это — вся еда? Я думала…

— Эй! — вздохнул он, садясь. — Это суеверная чушь. Это причинно-следственная вселенная, состоящая из энергии, входящей и выходящей и

определённого количества экскрементов. Вампир не может питаться только кровью. Если только вы не летучая мышь, а её масса не требует относительно большого количества пищи. Мне, как и тебе, нужна сбалансированная диета. Но мне нужно определённое количество крови, чтобы удовлетворить жизненно важную биологическую потребность. Я дважды пытался бросить курить, один раз в 1757-м и один раз в 1888 году. Я чуть не умер. Я имею в виду, действительно чуть не умер.

— Ты определённо не выглядишь на свой возраст, — заметила я, чувствуя себя глупо. Мне хотелось быть остроумной, произвести на него впечатление. Это потому, что я вдруг, против своей воли, влюбилась в него. Именно так. Такое случается, хотя это был первый раз, когда я влюбилась после нескольких минут знакомства. Но я не была так счастлива, как вы могли бы подумать. Каждый раз, когда я глубоко увлекалась мужчиной, всё заканчивалось эмоциональным крушением поезда, самолётом в тумане, разбивающимся о горный склон. Я знала, я знала… О боже…

Я знала, знала, что из этой любви ничего не выйдет! На самом деле будет только хуже! Я дей-

ствительно знала!

Но какого чёрта! «Фильтруй базар!» — вот мой девиз. Сливайте плохие вещи каждый день и держите хорошие воспоминания близко к сердцу. Что за тошнотворное положение! Но это то, что я есть, от этого никуда не денешься.

Мы набросились на пищу, как стервятники, а потом мы отправились в спальню. Никакого гроба в ней не было. Это ещё одно суеверие. Вампирам не обязательно спать в гробу, хотя иногда это хорошее укрытие. И ещё… Вампиры могут выходить днём, но не любят. Днём они быстро устают, становятся нервными и раздражительными, как заядлый курильщик, пытающийся избавиться от своей привычки.

Теперь вы можете понять, что я действительно верила, что Рудольф был тем, за кого себя выдавал. Я и раньше в это верила, но не совсем, не глубоко-глубоко внутри. Для меня это не имело никакого значения. Я любила его тогда и была совершенно без ума от него ещё до того, как закончилась эта долгая ночь.

Я не сразу легла с ним в постель. Он нежился, готовый к встрече со мной, ожидая, когда я, саморазрушающаяся бабочка, сяду на его булавку. Но мой взгляд привлекла небольшая картина в

рамке на столе. Я не пыталась дразнить Рудольфа, оттягивая важный момент, чтобы ещё больше возбудить его. Я только что пережила небольшое потрясение. Женщина на картине была одета в одежду восемнадцатого века. Она выглядела почти в точности как я!

— Моя мать, — сказал он. — Умерла в 1798 году.

Мне потребовалось некоторое время, чтобы собраться с мыслями.

— Ты выбрал меня, потому что я похожа на неё? У тебя Эдипов комплекс?

Он кивнул.

— За триста восемьдесят три года я был глубоко влюблен семь раз. Каждая из них была похожа на мою мать. Но я не извиняюсь. Никто не совершенен.

— Ах ты, сукин сын! — сказала я. — Я-то думала, ты выбрал меня, потому что с первого взгляда ты понял, что я родственная душа!

— Так и есть, — согласился он.

— Эй, у меня может быть лицо твоей матери! Но как насчет моей личности? Тебе может не понравиться, когда ты узнаешь меня получше. А как насчёт всех остальных? У них был характер твоей матери?

— У всех до единой, — ухмыльнулся он. — И всё

же у каждой была своя индивидуальность. Но это не имело значения. Моя мать, бедная красавица, страдала множественной личностью. Всего, по-моему, около тридцати трёх. Она умерла запертая в комнате в моём замке, когда мне было сорок шесть. Но я полюбил каждую из её личностей после того, как перестал путаться, хотя трое из них были убийцами. Так что, как видишь, не будет никаких проблем с подбором одной из её персон для тебя. Иди сюда.

Хотя я была очень зла на то, что стала просто грёбаной заменой матери, я все равно забралась в постель. Прежде чем рассвело, я уже почти успокоилась. Рудольф был изношен, как и я. Температура его тела не была нечеловечески низкой, как говорят все истории о вампирах. Но его сперма оказалась шокирующе холодной, и не важно, была ли она у меня во рту или в анусе. Меня не зря называют полиморфноизвращенной Полли. Она была как наэлектризованные сосульки — ощущения, которых у меня никогда не было раньше и за которые я бы умерла снова. Снова, и снова, и снова…

Мы разговаривали, и я много о нем узнала. Его много раз кусала женщина-вампирша, которую он любил, когда ему был тридцать один

год. Вопреки фольклору, один укус вампира не мог превратить нормального человека в навязчивого кровососа. Смена происходила только после непрерывной серии ночных кормлений. Вот почему тысячи юношей, которых Рандольф укусил только один раз во время ритуалов, не стали вампирами.

Он называл себя Искупителем, чтобы организовать молодежь в группы, которые будут посвящены превращению этой планеты в настоящую Зелёную Землю. Сначала он не собирался становиться религиозным лидером, но враги подтолкнули его к этому. Он сказал мне, что не был ни Антихристом, ни демоном из ада. Он не убедил меня в этом, хотя я и не стала спорить. Он употреблял наркотики уже двести лет, но они не причинили ему ни малейшего вреда. Ещё одна причина верить, что он не совсем человек. Его мотив для проведения кровавого причастия был отчасти эгоистичен, отчасти гуманен. Высосав всю кровь из детей во время церемонии, он утолил свой голод и ему не пришлось никого убивать.

Днем он не умирал. Он просто впадал в своего рода спячку. Его сердце замедлялось, но не переставало биться. Это было доказано научно.

— Если моё сердце остановилось бы полностью, как бы оно забилось снова? — удивился он…

Когда рассвело, пока я наблюдала, он погрузился в сон, который был не совсем сном мертвеца. Хотя меня трясло от усталости и страха и всё тело болело, я встала с постели и быстро прошла на кухню. Я нашла отвёртку и вошла в большую гостиную. С помощью отвертки я выломала один из огромных шприцев, приклеенных к гербу. Затем я смешала святую воду (это не повредит) из одной из бутылок Рэндольфа с лошадиной порцией героина. Я наполнила шприц.

Жидкость была такой густой, что я не была уверена, что она не забьёт твёрдую иглу. Я нажала на поршень достаточно, чтобы выпустить тонкую струю. Затем я отнесла шприц в спальню. Я бы предпочла молоток и заострённый деревянный кол, но мне нужно было работать с подручными материалами. Не думаю, что шприц и игла должны были быть сделаны из дерева, но лучше не рисковать. Те, кто послал меня, убедились, что шприцы сработают, прежде чем отправить герб вместе с письмом от якобы ревностного ученика Рудольфу…

Рудольф лежал навзничь на кровати, обнажённый и неприкрытый. Его руки были сложены на

груди, как будто он был похоронен. Я положила руку ему на грудь, которая уже остывала. Я плакала, мои слёзы падали ему на грудь. Думала, что не почувствую ничего, кроме неистовой радости, когда сделаю это. Но я, конечно, не предвидела, что полюблю его.

Я говорила себе, что дьявол — самое соблазнительное существо на свете. И моё начальство предупреждало меня, что его обаяние огромно. Я должна была думать только о своем долге перед Богом и Его душами. Всё, что я должна была сделать: добраться до него и выполнить приказ. А потом я буду оправдана и прощена. Однако мне придётся навсегда отказаться от блуда после того, как я выполню эту миссию. Я устно согласилась на это, но сделала оговорку. Я не собиралась сдаваться. Меня ждал рай на Земле, и я, конечно, ожидала этого. Но, с другой стороны, было маловероятно, что я проживу достаточно долго, чтобы ещё кого-нибудь трахнуть. В таком случае мне не придется грешить снова.

Я вставила остриё деревянной иглы между двумя рёбрами, как меня учили, поколебалась мгновение, затем опустила поршень вниз. Рудольф открыл глаза, но не сказал ни слова. Думаю, это был просто рефлекс. Надеюсь, так оно и было.

Во всяком случае, теперь в его сердце было достаточно яда, чтобы проехать весь путь в ад.

Мне сказали, что, возможно, деревянного кола, деревянной иглы и инъекции героина будет недостаточно, чтобы убить его. В конце концов, его тело могло восстанавливаться дьявольски быстро. Мне было приказано на всякий случай отрубить ему голову. Но я не могла заставить себя.

Плача, я подняла трубку. Я звонила не Джорджу Рекингему. Он провёл меня через холодную ломку, а затем привел к спасению. Но он считал, что убийство — это всегда грех. Вот почему он оставил Воинов Иеговы и почему убеждал меня бросить их. Я пожалела, что не послушалась его.

Я позвонил генералу Воинов. Он так быстро снял трубку. Должно быть, прождал всю ночь.

— Всё прошло по плану, — объявила я. — Дело сделано!

— Благослови тебя Господь, Полли! Вы будете сидеть по правую руку Бога!

— И очень скоро, — вздохнула я. — Я не смогу выбраться отсюда, не попавшись. И я просто не могу покончить с собой, чтобы они не смогли допросить меня. Я поклялась, но я трусиха. Мне жаль. Я не могу этого сделать. Я просто хочу, чтобы вы придумали, как вытащить меня отсюда в

целости и сохранности.

— Никто не совершенен, — сказал он и повесил трубку…

Кейтлин Р. Кирнан
Пустота была красноречива

Caitlin R. Kiernan, "Emptiness Spoke Eloquent", 1993

К выходу девятого тома издатели снова решили, что Best New Horror *нуждается в новом облике. К несчастью, он его и получил.*

По крайней мере, банальная отфотошопленная картинка, которая в итоге появилась на обложке, была не такой кричащей, как в первоначально выбранной ими версии.

Издатели также решили, что по крайней мере в Великобритании Best New Horror *следует завернуть в чрезвычайно успешную серию от* Robinson — Mammoth Book. *Они были уверены — и небезосновательно, — что это привлечёт к книге больше внимания со стороны продавцов и читателей.*

Carroll & Graf, *очевидно, убедить оказалось не так легко, и в результате новый заголовок —* The Mammoth Book of Best Horror *— получило только британское издание.*

К этому моменту «Предисловие» достигло шестидесяти двух страниц, а раздел «Некрологи» плавал в районе двадцати восьми. В девятом томе я обрушил свой гнев на авторов, работавших в жанре так называемого экстремального ужастика.

Я в принципе считаю большую часть литературных «направлений» кровосмесительными и замкнутыми. А эта раздробленная шайка авторов женоненавистнических и дешёвых ужастиков принадлежала к клубу, присоединяться к которому я однозначно не хотел. Как и к сплаттерпанку до них. Я предсказывал, что они обречены остаться мелкой сноской на полях истории жанра. С удовольствием заявляю, что, кажется, я оказался прав.

Чемпионы однотипной бессмыслицы, «Новые Странные» — пожалуйста, обратите внимание…

В сборнике оказалось всего девятнадцать рассказов — наименьшее количество со времени запуска серии.

Однако частично это было вызвано добавлением в том сатирической новеллы Дугласа Е. Уинтера The Zombies of Madison County.

Также присутствовали ветеран шестидесятых

Джон Бёрк и Дэвид Лэнгфорд, прежде издававшийся в антологиях ужастиков от Fontana *и* Armada. *Последняя серия больше известна своей работой с фэнзином и критическими статьями — за что получила более двух десятков премий «Хьюго».*

Каждый год я читаю бесконечное количество рассказов о вампирах или по мифам Ктулху, оценивая их на предмет включения в Best New Horror. *Редко в этих работах появляется что-то новое или какой-то другой угол зрения относительно поджанра (разумеется, в это обобщение не входит текущий цикл «Эра Дракула» Кима Ньюмана, о котором подробнее позже). Обычно мне нужно найти в рассказе что-то совершенно особенное, чтобы хотя бы задуматься о добавлении в антологию.*

В случае Кейтлин Р. Кирнан во главе всего — язык. «Пустота была красноречива» — это продолжение «Дракулы» Брэма Стокера или, как охотно признает автор, шероховатой экранизации Фрэнсиса Форда Копполы 1992 года. «Красноречие» — это подходящее слово, если вы хотите описать первый рассказ Кейтлин в серии Best New Horror. *Эта история предоставляет ответ тем читателям, которые, как и автор, задавались вопросом: что случилось дальше с*

Миной Харкер?..

Люси снова там, за окном, постукивает по стеклу длинными ногтями, скребётся под дождём, как животное, которое хочет, чтобы его впустили. Бедная Люси, одна в грозу. Мина тянется к звонку, чтобы вызвать сестру, но не заканчивает движения. Она заставляет себя поверить, что слышит всего лишь скрежет избиваемой ветром индийской сирени, звук ветвей, царапающих, словно ногтями, залитое дождём окно. Она заставляет руку опуститься обратно на тёплое одеяло. И ей хорошо известно, сколь о многом говорит это простое действие. Отступить, уйти от угрозы, простудиться. Держать окна закрытыми, чтобы не пробрались внутрь ночь, холод и гром.

Там было столько окон.

Цветной телевизор, привинченный высоко на стене, беззвучно показывает танки, солдат в джунглях Азии и этого ублюдка Никсона.

Электрическая белизна вспышки — и почти сразу за ней по небу раскатывается гром, заставляя дрожать сталь и бетон госпитального скелета, окна и старую Мину, которой безопасно и тепло под одеялом.

Старая Мина.

Она смотрит в оба, чтобы не подпустить к себе

сон и воспоминания о других грозах.

И Люси за окном.

Она снова думает о том, чтобы вызвать сестру, этого бледного ангела, приносящего таблетки, дарующего милосердие, тьму и небытие, пространство без снов между периодами болезненного бытия. О, если бы дорогой доктор Джек с его жалким морфием, его хлоралгидратом и настойкой опия мог увидеть чудеса, придуманные человеком, чтобы призвать отсутствие чувств, ровный покой разума, тела и души. И тогда она *тянется* к кнопке звонка и руке Джонатана, чтобы тот вызвал Сьюарда. Всё, что угодно, лишь бы не сны и поскрёбывание по окну.

В этот раз она не станет смотреть; взгляд устремлён на безопасные вечерние новости и зуммер в комнате молчит. В этот раз она дождётся звука мягких прорезиненных подошв, она дождётся, пока откроется дверь и войдёт Андреа или Ньюфилд — или чья сегодня очередь приносить забвение в маленьком бумажном стаканчике.

Но спустя минуту, а потом полторы ответа нет, и Мина поворачивает голову, поддаваясь медленно, по-черепашьи, градус за градусом, и смотрит на стекающий по тёмному стеклу дождь, на беспокойные тени сирени.

Июнь 1904

Выжившие из Общества Света стояли на каменных обломках у основания крепости на реке Арге и смотрели сквозь увитые виноградом железные прутья на пустые, безжизненные переплёты окон. Крепость мало изменилась, только обрамление сменилось со снега, льда и голого серого камня на зелёный налёт карпатского лета.

Поездка была идеей Джонатана, его манией, невзирая на возражения её, Артура и — когда стало понятно, как дорого обойдётся ей путешествие — Ван Хельсинга. Джек Сьюард, чьё настроение сильно ухудшилось с момента, когда их пароход пришвартовался в Варне, отказался заходить на территорию крепости и стоял в одиночестве за воротами. Мина молча смотрела на испятнанные мхом зубцы стен, сжимая — может быть, чересчур сильно — руку маленького Квинси.

На востоке, за горами собиралась гроза. Далёкими выстрелами пушки гремел гром, а тёплый воздух пах дождём, озоном и тяжёлыми багряными цветками, свисавшими с вьющихся растений. Мина закрыла глаза и прислушалась — или *попыталась* прислушаться, как тогда, в тот ноябрьский день годы назад. Рядом заёрзал Квинси, непоседливый шестилетний ребёнок. Булька-

нье и плеск вздувшейся реки, стремительно и незримо нёсшейся внизу, хриплые крики птиц, которых она не узнавала. Но ничего больше.

И спор Ван Хельсинга с Джонатаном.

— …теперь, Джонатан, теперь ты доволен?

— Заткнись. Просто заткнись, чёрт тебя подери.

К чему ты прислушиваешься, Мина?

Лорд Годалминг разжёг свою трубку; какая-то турецкая смесь: экзотические пряности и зеленовато-жёлтый дым. Он вмешался в спор, сказал что-то о приближающейся грозе, о возвращении.

Что ты ожидаешь услышать?

Ей отвечают гром, который теперь звучит ближе, и внезапный холодный порыв ветра, предваряющий грозу.

Его здесь нет, Мина. Его здесь нет.

В горах прокричал — только один раз, от боли, страха или ярости — дикий зверь, несущийся вниз по склону, по прогалинам между деревьями. И Мина открыла глаза, моргнула, ожидая повторного крика, но наверху протрещал, как сырое дерево, гром, и упали первые капли дождя, холодные, тяжёлые. Профессор взял её за руку и повёл прочь, бормоча что-то себе под нос по-голландски. Джонатан не двинулся, глядя пустым

взглядом на крепость. Лорд Годалминг беспомощно остался стоять рядом с ним.

Её слёзы растворились в падающем дожде — и никто их не увидел.

Ноябрь 1919

Убегая от кричаще-яркой победы, Мина вернулась в Уитби — не прошло и двух недель после прекращения войны. Унылое возвращение на родину оставшихся в живых, инвалидов и покрытых флагами ящиков.

Квинси она с собой не взяла, оставив его разбираться с делами отца. После того как грузовик от железнодорожной станции довёз её до гостиницы, вещи Мины отнесли в комнату, которой она ещё не видела. Она не хотела жить в доме Вестенра на Полумесяце, хотя он являлся частью имущества Годалминга, оставшегося ей после смерти Артура Холмвуда.

Она заказала в крошечной обеденной зале маленькой гостиницы чай и пила его, сидя в эркере у окна. Оттуда она могла видеть, что происходит на другой стороне долины, смотреть поверх красных крыш и белёных стен сваи порта и море. Вода угрюмо посверкивала под низким небом. Мина поёжилась, плотнее запахнула куртку и

отпила эрл-грей с лимоном, налитый в треснутую фарфоровую чашку, покрытую тёмной, как небо, глазурью. А если оглянуться назад, к Восточной Скале, можно было увидеть разрушенное аббатство, приходскую церковь и старое кладбище.

Мина снова наполнила чашку из не сочетавшегося с ней чайника и помешала коричневую, торфяного оттенка жидкость, глядя на то, как кусочки лимонной мякоти кружатся в маленьком водовороте.

Она пойдёт на кладбище позже. Может быть, завтра.

И снова по Мине, насквозь по позвоночнику, прокатилось осознание ситуации, холодная ослепительная ясность её положения. Она почувствовала себя куском галечника, который полирует вода в ручье. Теперь они все мертвы, а она не пришла ни на одни похороны. Первым стал Артур; с его смерти прошло уже четыре года. А следом в заливе Сувла сгинул Джек Сьюард. Известие о Джонатане добралось до неё спустя два дня после того, как хмельная победная какофония, изрыгнутая Трафальгарской площадью, распространилась по всему Лондону. Он умер в какой-то безымянной деревне у бельгийской границы, чуть к востоку от Валансьена, погиб в

бессмысленной немецкой засаде всего за два часа до перемирия.

Мина отложила ложку, понаблюдала за тем, как от неё расползается по салфетке пятно. Небо казалось уродливым, покрытым шрамами.

Мужчина по имени МакДоннелл, шотландец с седой бородой, пришёл к её дому и принёс личные вещи Джонатана: его трубку, даггеротип с Миной в медной рамке, незаконченное письмо. Серебряное распятие, которое Джонатан носил как шрам последние двадцать лет. Мужчина пытался её утешить, не очень искренне заверял, что её муж был капралом не хуже любого другого на фронте. Иногда Мина думала, что она могла бы проявить больше благодарности за его старания.

Незаконченное письмо всё ещё было при ней — Мина привезла его с собой из Лондона. Она знала его почти наизусть, но, возможно, снова перечтёт вечером. Неразборчивая писанина, которую она еле могла разобрать, безумные путаные слова о чём-то, что преследовало батальон Джонатана по полям и грязным траншеям.

Мина сделала глоток, не замечая, что чай уже остыл. Она смотрела в окно на облака, которые наползали с моря, торопясь перевалить за каменистый мыс.

Густой, как похлёбка, утренний туман, призраки кораблей и разорванных надвое людей на рифах — и Мина Харкер поднялась по изогнутой лестнице мимо развалин аббатства и вошла на старый погост Восточной Скалы. Казалось, ещё больше могильных плит опрокинулось; Мина вспомнила пожилых моряков и рыбаков, китобоев, что приходили на кладбище в былые времена — мистера Свелса и остальных, — и задумалась о том, наведывается ли кто-нибудь сюда сейчас. Она нашла скамейку и села, обратив взор туда, где остался скрытый теперь от её глаз Уитби. Лежавший внизу невидимый город обрамляли жёлтые ламповые глаза маяков, подмигивающих вдали.

Мина развернула письмо Джонатана, и бумажных краёв коснулся пронизывающий ветерок, разносивший растерянный и одинокий рёв туманных сирен.

Прежде чем покинуть Лондон, она забрала все бумаги, печатные страницы и старые блокноты — скрытые от посторонних свидетельства существования Общества — из настенного сейфа, где их хранил Джонатан. Сейчас всё это было аккуратно сложено в парусиновую сумку, лежавшую на присыпанных песком булыжниках

у ног Мины.

«*...и сожги их, Мина, сожги все следы того, что мы видели*», — неразборчивое письмо было написано рукой Джонатана и одновременно кем-то, кого Мина никогда не знала.

И вот она села у камина с записями на коленях, глядя в огонь, чувствуя на лице жар. Взяла из стопки письмо к Люси, на миг задержала конверт в руке, дразня огонь, как ребёнок мог бы дразнить кошку остатками обеда.

— Нет, — прошептала она, закрывая глаза, чтобы не видеть голодного оранжевого свечения, и положила письмо обратно.

Это всё, что у меня осталось, и я не такая сильная.

Ей показалось, что она слышит, как вдали, в море, бьёт колокол, а внизу, у мола под названием Тейт-Хилл, лает собака. Но туман играл звуками, и Мина не была уверена, что слышит что-то кроме прибоя и её собственного дыхания. Мина подняла сумку и пристроила её на скамейке рядом с собой.

Раньше этим же утром она стояла перед зеркалом в гостиничной комнате и смотрела в тёплые глаза молодой женщины — не той, что прожила почти сорок два года и стала свидетельницей тех

ужасов, после того как ей исполнилось двадцать. Как и много раз перед собственными зеркалами, она искала следы возраста, который должен был смять и разрушить её лицо — и находила только едва заметные птичьи лапки морщин.

«*…все следы, Мина, если мы хотим когда-нибудь освободиться от этого ужасного проклятья*».

Она открыла сумку и положила письмо Джонатана внутрь, затолкав между страниц его старого дневника, после чего снова защёлкнула замок.

«*Сейчас*, — подумала она. — *Я могла бы швырнуть всё в море, отправить эти воспоминания туда, где всё началось*»

Вместо этого она крепко прижала к себе сумку и смотрела на маяки до тех пор, пока солнце не начало выжигать туман.

Перед сумерками высокие облака сбились в кучу за станцией Кеттлнесс, загромождая восточное небо грозовыми башнями, а из их иссиня-чёрных, словно кровоподтёки, брюх в белое от пены море уже изливались полосы дождя. Не успела наступить полночь, как шторм накатился на порт Уитби — и обрушился на берег. Мина, в расположенной над кухней узкой комнате, отделанной деревом, штукатуркой и поблекшими полосатыми обоями с призраками сотен тысяч варёных

капустных голов, спала и видела сон.

Она сидела у небольшого окна с откинутыми занавесками, глядя на то, как по улицам шествует гроза, ощущая на лице ледяные солёные брызги, перемешанные с дождём. На письменном столе лежали открытыми золотые карманные часы Джонатана, заглушая громким тиканьем гул и грохот, доносившиеся снаружи. МакДоннелл не приносил часов из Бельгии, и Мина его о них не спрашивала. Быстрые, дрожащие пальцы молний разветвлялись над крышами, омывая мир мгновениями дневного света.

Сидевшая на кровати позади неё Люси сказала что-то про Черчилля и холодный ветер, потом рассмеялась. Звон подвесок люстры и хихиканье безумца, в котором смешались бархат, паутина и покрытые струпьями ржавчины железные решётки. И, продолжая смеяться:

— Сука… предательница, трусливая Вильгельмина.

Мина опустила взгляд, глядя на стрелки — часовую, минутную и секундную, бегущие по циферблату. Цепочка часов перекрутилась и была покрыта какой-то тёмной коркой.

— Люси, прошу тебя… — её голос доносился откуда-то издалека и звучал так, словно ребёнок

просил, чтобы его пока не укладывали спать.

Ворчание, затем скрип пружин, шуршание белья и звук, который казался громче, чем дробь дождевых капель.

Шаги Люси Вестенра приближались. Стучали по голому полу каблуки, отмеряя расстояние.

Мина посмотрела в окно; улица Дроубридж была почему-то забита блеющими овцами с насквозь промокшей под дождём шерстью. Стадо сопровождал долговязый, нескладный пастух — чучело, принесённое ветром с пшеничных полей к западу от Уитби. Пальцы-веточки, высовывавшиеся из-под мешковины, направляли его стадо к порту.

Теперь Люси стояла очень близко. Сильнее дождя и старой капустной вони пахла ярость — кровью, чесночными головками и пылью. Мина смотрела на овец и грозу.

— *Повернись*, Мина. Повернись, посмотри на меня и скажи, что ты хотя бы любила Джонатана.

Повернись, Мина, и скажи…

— Прошу тебя, Люси, не оставляй меня здесь.

…и скажи мне, что ты хотя бы любила…

И овцы развернулись, задирая головы на коротких шеях, и Мина увидела, что у них маленькие красные крысиные глаза. А потом пугало за-

выло.

Руки Люси прохладным шёлком легли на пылающие плечи Мины.

— Останься, не уходи пока…

И пальцы Люси, подобные безволосым паучьим лапкам, пробежали по щекам Мины, обхватили её челюсть. Прижали к её зубам что-то сухое и ломкое, хрустящее как бумага.

За окном овцы распадались под ударами шторма, разделялись на пожелтевшее руно и пронизанные жилками жира куски баранины. Между камней мостовой разливалась тёмно-красная река. Скалящиеся черепа, блестящие белые рёбра — а пугало развернуло и разбило на части бурей. Пальцы Люси протолкнули в рот Мины головку чеснока, потом ещё одну.

И она почувствовала у горла холод стали.

Мы любили тебя, Мина, любили тебя так же сильно, как кровь, и ночь, и даже как

Мина Харкер проснулась в пустоте между молнией и ударом грома.

До самого рассвета, когда гроза съёжилась до мелкого дождика и отдалённого эха, Мина в одиночестве сидела на краю кровати, не в силах подавить дрожь, ощущая на языке желчь и вернувшийся из глубин памяти вкус чеснока.

* * *

Январь 1922

Мина поднесла к губам профессора ложку; от куриного супа в холодном воздухе поднимались извивы пара. Абрахам ван Хельсинг, восьмидесяти семи лет, уже скорее мёртвый, чем живой, попытался выпить немного жидкого, жёлтого, как моча, бульона. Он неуклюже отпил, и суп вылился из его рта, стекая струйкой по подбородку в бороду. Мина вытерла его губы покрытой пятнами салфеткой, лежавшей у неё на коленях.

Он опустил веки с седыми ресницами, и Мина отложила миску. Снаружи снова шёл снег, и ветер по-волчьи выл в углах старого дома. Мина поёжилась и попыталась вместо этого слушать тёплое потрескивание камина и затруднённое дыхание профессора. Ван Хельсинг тут же снова закашлялся, и Мина помогла ему сесть, придерживая носовой платок.

— Сегодня ночью, мадам Мина, сегодня ночью… — он улыбнулся изнурённой улыбкой, и слова обрушились новым приступом мокрого чахоточного кашля. Когда он прошёл, Мина осторожно опустила профессора обратно на подушки,

заметив ещё немного кровавых пятен на безнадёжно испорченном платке.

«*Да*, — подумала она. — *Возможно*».

В другой раз она попробовала бы заверить его, что он доживёт до весны, увидит свои проклятые тюльпаны, а потом — до следующей весны, но теперь Мина только отвела с его лба пропитанные потом пряди волос и снова закутала костлявые плечи в поеденное молью одеяло.

Она перебралась в Амстердам за неделю до Рождества, потому что в Англии её больше ничто не удерживало. Квинси забрала эпидемия гриппа, разразившаяся после войны. Теперь остались только Мина и этот сумасшедший старый ублюдок. А достаточно скоро останется только Мина.

— Хотите, я немножко почитаю, профессор? — они добрались почти до середины «Золотой стрелы» мистера Конрада. Она потянулась к книге — заметив, что поставила на неё миску с супом, — но сухая и горячая рука ван Хельсинга мягко обхватила её запястье.

— Мадам Мина.

Он отпустил её, разжал пергаментные пальцы, и Мина заметила что-то новое в его глазах, за катарактой и стеклянным лихорадочным блеском.

Он тяжело втянул воздух и резким толчком

вытолкнул его обратно.

— Мне *страшно*, — скользнул сквозь ткань ночи, между нитями, заржавленный шёпот.

— Вам нужно отдохнуть, профессор, — ответила Мина, не желая ничего слушать.

— Каким же я был обманщиком, мадам Мина.

Ты хотя бы любила когда-нибудь?

— Это *моя* рука её унесла, это было сделано моей *рукой*.

— Прошу вас, профессор. Позвольте мне позвать священника. Я не могу…

Вспышка в его глазах — что-то дикое и горькое, нотка порочной шутки — заставила её отвернуться, истончив, оборвав её решимость.

— Ах, — вздохнул профессор. — Да, — он издал придушенный звук, который походил на смех. — Итак, я признаю свою вину. Итак, я стираю кровь с моих рук той другой кровью?

Ветер бился в окно и грохотал ставнями, пытаясь найти путь внутрь. И на миг в пустоте остались только тиканье каминных часов, ветер и прерывистое дыхание ван Хельсинга — и ничего больше. Потом он сказал:

— Мадам Мина, пожалуйста, я хочу пить.

Мина потянулась к кувшину и стакану со сколотым краем.

— Простите меня, милая Мина…

На стакане оказались пятна, и она резко протёрла его своей синей юбкой.

— …если бы ей выбирать… — он снова кашлянул, один раз — шершавый, сломанный звук, — и Мина ещё более яростно провела тканью по стакану.

Абрахам ван Хельсинг тихо вздохнул и она осталась одна.

Закончив, Мина осторожно вернула стакан на столик к кувшину, недочитанной книге и холодному супу. Повернувшись к кровати, она поймала краем глаза своё отражение в высоком зеркале, стоявшем на другом конце комнаты. Женщина, глядевшая из него в ответ, легко могла сойти за тридцатилетнюю. Выдавали её только пустые, бездонные глаза.

Май 1930

Когда на узкую *rue de l'Odéon* опустились сумерки, Мина Мюррей, отпивая шардоне из бокала, просматривала забитые полки «Шекспира и Компании»[41]. Вскоре должны были начаться чтения — какие-то отрывки из нового романа Колетт.

---

[41] Примечания: 41

«Шекспир и Компания» — книжный магазин на берегу Сены в Париже.

Мина отсутствующе провела пальцами по корешкам собраний сочинений Хемингуэя, Гленвея Вескотта и Д. Х. Лоренса, по вытисненным на переплётах золотым или малиновым названиям и именам авторов. Кто-то, кого она едва помнила по кафе, вечеринке или какому-то другому вечеру чтения, прошёл близко, прошептав приветствие. Мина улыбнулась в ответ и вернулась к книгам.

А потом мадемуазель Бич попросила всех рассесться: между полками и сундуками были поставлены несколько кресел с прямыми спинками. Мина нашла себе место недалеко от двери и смотрела, как неторопливо, обмениваясь тихими репликами, смеясь над неслышными шутками, занимают кресла остальные. Большую часть собравшихся она знала в лицо, нескольких — по именам и случайным разговорам, одного или двоих — только по чужим словам. Месье Паунд и Джойс, а также Рэдклифф Холл в сшитом на заказ английском костюме с сапфировыми запонками. Присутствовала горстка несдержанных в поведении не слишком известных сюрреалистов, которых Мина знала по бистро на улице Жакоб, где она часто ужинала. Соседнее кресло заняла довольно высокая одинокая молодая женщина, которую Мина сперва не заметила.

Руки Мины задрожали, и она пролила на блузку несколько капель вина. Женщина сидела к ней спиной. Под желтоватым светом магазинных ламп её длинные волосы отливали красным золотом. Продолжающая разговор вполголоса группа сюрреалистов расставила кресла в кривую линию прямо перед Миной, и она быстро отвернулась. На лбу внезапно выступила испарина, рот пересох, накатил тупой прилив тошноты, и Мина поспешно и неуклюже поставила бокал с вином на пол.

Это имя, которое столько времени оставалось под замком, сказанное голосом, который она считала давно позабытым.

Люси.

Сердце Мины стучало заполошно, в рваном ритме, словно у испуганного ребёнка. Снова заговорила Сильвия Бич, вежливо утихомиривая шепчущихся людей и представляя Колетт. Когда автор вышла вперёд, раздались сдержанные аплодисменты — а один из сюрреалистов пробурчал что-то саркастическое. Мина плотно зажмурилась. Она дышала слишком быстро, ей было холодно, и вспотевшие пальцы впились в края кресла. Кто-то коснулся её руки, и Мина подпрыгнула, издав вздох, достаточно громкий,

чтобы привлечь внимание.

— Мадемуазель Мюррей, *êtes-vous bon*?[42]

Она растерянно моргнула, узнав небритое лицо одного из магазинных служащих, но не смогла вспомнить его имени.

— *Oui, je vais bien*[43], — она попыталась улыбнуться, сдерживая слёзы, загоняя обратно головокружение и смятение. — *Merci… je suis désolé*[44].

Клерк с сомнением кивнул и неохотно вернулся к подоконнику за спиной Мины.

Колетт начала читать, мягко выпуская слова на волю. Мина бросила взгляд туда, где сидела рыжеволосая женщина. Она почти ожидала обнаружить кресло пустым или занятым кем-то совершенно другим. Она тихо, сама в это не веря, молилась, чтобы это оказалась всего лишь галлюцинация или какая-то игра света и тени. Но женщина всё ещё сидела в кресле, хотя и слегка повернулась, так что Мина теперь видела её профиль, её полные губы и знакомые скулы. С бледных губ Мины сорвался еле слышный при-

---

[42] Примечания: 42
С вами всё в порядке? (*франц.*).

[43] Примечания: 43
Да, со мной всё хорошо (*франц.*).

[44] Примечания: 44
Спасибо… простите (*франц.*).

глушённый стон, и она представила, как встаёт, расталкивает людей и выбегает из книжного магазина, бежит сломя голову по тёмным улицам Парижа в свою крошечную квартиру на Сен-Жермен.

Вместо этого Мина Мюррей осталась сидеть, переводя взгляд с не знающих устали губ чтицы на изящные черты безымянной рыжеволосой женщины с лицом Люси Вестенра.

После чтения, пока остальные крутились и перемешивались, мотали прялку почтительных замечаний к *«Сидо»*[45] — и творчеству мадам Колетт в общем, — Мина осторожно двигалась к дверям. Казалось, что толпа за последние полчаса удвоилась, и Мина, внезапно ощутив приступ клаустрофобии, протискивалась в сигаретном дыму между плечами собравшихся. Но четверо или пятеро сюрреалистов с улицы Жакоб плотно столпились — в их обычной конфронтационной манере — у дверей магазина. Они уже позабыли о романистке, погрузившись в собственную шутливую перепалку.

— *Pardon*, — сказала она достаточно громко,

---

[45] Примечания: 45
Роман Сидони-Габриэль Колетт.

чтобы перекрыть разговор. — *Puis-je…*[46] — и указала за дверь за их спинами.

К ней повернулся стоявший ближе прочих мужчина, сухопарый и немытый, такой бледный, что его почти можно было принять за альбиноса. Мина вспомнила это лицо, этот нос крючком. Она однажды видела, как этот мужчина плюнул в монахиню у «Двух маго»[47]. Он не пошевелился, чтобы дать ей пройти, и Мине подумалось, что даже его глаза выглядят грязными. *Трупными.*

— Мадемуазель Мюррей. Прошу вас, на минутку.

Мина ещё секунду смотрела в сердитые глаза сюрреалиста, потом медленно повернулась к Адриенне Монье. Принадлежавший Адриенне магазин «*Maison des Amis des Livres*»[48] находился на другой стороне улицы. Этой ночью его окна были темны. Было широко распространено мнение, что мадемуазель Монье внесла немалый вклад в успех «Шекспира и Компании».

— Я привела человека, который был бы очень

---

[46] Примечания: 46
Простите. Можно мне?.. (*франц.*)

[47] Примечания: 47
«Два маго» — знаменитое парижское кафе на площади Сен-Жермен.

[48] Примечания: 48
«Дом друзей книги» (*франц.*).

рад с вами встретиться.

Рядом с Адриенной, потягивая вино из бокала, стояла рыжеволосая женщина. Она улыбнулась, и Мина заметила, что у неё каре-зелёные глаза.

— Это мадемуазель Кармайкл из Нью-Йорка. Она утверждает, что является большим поклонником ваших работ, Мина. Я как раз рассказывала ей, что у вас в «Небольшом ревью»[49] вышла очередная работа.

— *Анна* Кармайкл, — нетерпеливо добавила женщина мягким голосом и протянула руку.

Словно со стороны, Мина смотрела на то, как отвечает на пожатие.

Анна Кармайкл из Нью-Йорка. Не Люси.

— Благодарю вас, — голос Мины был мертвенно спокоен, как море перед шквалом.

— О, господи, нет, это *вам* спасибо, мисс Мюррей.

Не Люси, совершенно не Люси, — теперь Мина видела, насколько эта женщина была выше Люси, насколько более тонкие у неё руки, заметила родинку у уголка накрашенных губ.

Адриенна Монье исчезла в толпе, куда её затянула толстая женщина в уродливой шляпе,

---

[49] Примечания: 49
Американский литературный журнал.

украшенной страусиными перьями, и Мина осталась наедине с Анной Кармайкл. За её спиной разделившиеся на группы сюрреалисты с утомительным пылом спорили о каких-то древних, избитых вещах.

— Я читаю вас с выхода «Белого ангела Карфакса», а в прошлом году — о, боже! — в прошлом году я прочитала в «Арфисте» *Canto Babel*. Мисс Мина, в Америке говорят, что вы — новый По, что на вашем фоне ле Фаню и все эти глупые викторианцы выглядят…

— Ну, я… — начала Мина, которая не была уверена, что собирается сказать, просто ей хотелось прервать собеседницу. Головокружение, обостряющееся ощущение нереальности быстро накатывали снова, и Мина прислонилась к книжному шкафу.

— Мисс Мюррей? — Анна Кармайкл осторожно шагнула ближе, протянув длинные пальцы, словно в готовности поддержать споткнувшегося человека.

— Мина, если можно. Просто Мина.

— С вами?..

— Да, — её снова пробил пот. — Извините меня, Анна. Просто слишком много вина на пустой желудок.

— Тогда разрешите мне пригласить вас на обед.

Поджав губы, Мина прикусила кончик языка с такой силой, что ощутила солёный привкус крови, и мир вокруг начал снова обретать чёткость. Сиропообразная чернота по краям поля зрения медленно, по градусу, отступала.

— О, нет, я не могу, — удалось ей выговорить. — Правда, это не…

Но женщина уже брала её за руку, обнажая похожие на два ряда жемчужин зубы в полукружьи улыбки. Властная американка до кончиков волос. Мина вспомнила о Квинси Моррисе и задумалась о том, бывала ли эта женщина в Техасе.

— Но, Мина, я настаиваю. Вы окажете мне честь, и в ответ… ну, я не стану ощущать чрезмерной вины, если нечаянно начну слишком много болтать.

Вместе, рука об руку, они протолкались через барьер из сюрреалистов. Мужчины предпочли не обратить на них внимания — за исключением костлявого альбиноса, и Мине показалось, будто что-то произошло между ним и Анной Кармайкл, что-то невысказанное или попросту непроизносимое.

— Ненавижу этих тупых ублюдков, — про-

шептала Анна, когда за ними с резким стуком захлопнулась дверь. Она крепко держала руку Мины, будто вливая тепло в липкую ладонь, и Мина к собственному удивлению ответила тем же.

Снаружи, на залитой светом газовых фонарей *rue de l'Odéon* дул тёплый весенний ветерок, а ночной воздух пах приближающимся дождём.

Блюда оказались хороши, хотя Мина едва ощутила вкус того немногого, что съела. Холодный цыплёнок с хлебом, салат с тимьяном и козьим сыром — она жевала и глотала, не ощущая разницы. И пила больше чем следовало какого-то неизвестного красного бордо из графина. Мина слушала речь женщины — которая говорила не как Люси — бесконечный поток изобильных мыслей Анны Кармайкл о смерти и о творчестве Мины.

— Я на самом деле отправилась в поместье Карфакс, — сказала та и сделала паузу, словно ожидала некой определённой реакции. — Прошлым летом. Знаете, там сейчас проводят какие-то реставрационные работы.

— Нет, — ответила Мина, пригубив вино, и отделила вилкой кусочек куриной грудки. — Нет, этого я не знала.

Наконец, официантка принесла счёт и Анна неохотно позволила Мине оставить чаевые. За время обеда дождь начался и прошёл, оставив после себя промозглую, холодную и необычно тихую улицу. Их каблуки словно отмеряли время по мокрым камням мостовой. Анна Кармайкл жила в номере одного из более дешёвых отелей Левого Берега[50], но они вдвоём отправились в квартиру Мины.

Когда Мина проснулась, снова шёл дождь, и сколько-то минут она лежала, прислушиваясь, ощущая запах пота и духов: оттенки розы и сирени на простынях. Наконец, от дождя остался только ритмичный стук капель, падавших из дырявых стоков старого здания и, может, с карнизов, о плитки дорожек маленького садика. Она всё ещё чувствовала запах Анны Кармайкл на своей коже. Мина закрыла глаза, раздумывая, не заснуть ли снова, очень медленно осознавая, что осталась в кровати одна.

Дождь закончился, и звук капели — этот регулярный и размеренный плеск воды по воде с точностью часов — исходил *не снаружи*. Мина открыла глаза и перекатилась в холодную пустоту,

---

[50] Примечания: 50
Часть Парижа, расположенная южнее Сены.

образовавшуюся в отсутствие Анны. Горел свет в уборной. Мина моргнула и позвала женщину по имени:

Люси…

— Анна? — горло Мины сжалось, и ощущение покоя, с которым она проснулась, внезапно смыло приливом страха и адреналина. — Анна, с тобой всё хорошо?

…ты позвала Люси, сначала, позвала ли я…

Кап, кап, кап…

Пол под ногами был холодным. Мина прошла мимо высокого комода по голым доскам пола, позже уступившим место сглаженной ногами, временем и плесенью мозаике керамических плиток. Некоторые плитки отсутствовали, оставив грязные красновато-коричневые дыры. Эмаль на большой ванне была кое-где сколота, обнажая чёрный чугун, когти львиных лап скорчились в литом ужасе, пытаясь зацепиться за скользкие плитки.

Люси Вестенра, вновь опустошённая, лежала в ванне, заполненной едва не до краёв. Капли воды надувались гнойниками, пока их не освобождал от латунного крана собственный вес, и тогда они падали, растворяясь в тёмно-красной воде. С краёв ванны безвольно свешивались руки со

вскрытыми венами, голова склонилась назад под неестественным углом. В плоти были вырезаны три широкие улыбки, и все они обращались к небу — или только к Мине.

На полу, там, куда она выпала из руки Люси, лежала опасная бритва, мокрая, с лезвием, отсвечивающим липким пурпуром. И, подобно падающей воде, Мина стояла до тех пор, пока её не освободила гравитация. И тогда она упала.

Октябрь 1946

После войны, после пахнущих аммиаком и антисептиком комнат, где электроды быстрым притупляющим шипением заполняли пространство между её глазами, после долгих лет, на протяжении которых её спасали от самой себя, а мир самоубийств берегли от неё, Мина Мюррей вернулась в Лондон.

Новый город с Темзой цвета грязной воды. Лондон чрезвычайно изменился. Иссечённый шрамами от огненных бурь Люфтваффе, в отсутствие Мины он состарился на двадцать четыре года. Она провела три дня, блуждая по улицам, и разрушения были как лабиринт, головоломка, которую можно либо решить, либо выбросить, если ничего не получается.

У Олдерманбери она остановилась перед развалинами святой Марии и представила — нет, *пожелала,* — как её руки сжимаются на шее Ван Хельсинга. Его хрупкие, старые кости развалились бы, как обугленное дерево и разбитые церковные скамьи.

Ради этого*, ты, старый ублюдок? Ради этого мы спасли Англию?*

Вопрос, осознав собственную внутреннюю бессмысленность, саму собой разумеющуюся тщетность, повис в пустоте, как все эти выбитые взрывами окна, обрамляющие осеннее синее небо, как заканчивающиеся завалами коридоры. Как её отражение — женщина, которой до семидесяти остался год, смотрела из оконного стекла, избежавшего разрушения, казалось, специально для этой цели, для этой секунды. Мине Мюррей оставался год до семидесяти лет, и она выглядела почти на свой возраст.

Мальчишка, сидевший на стене, смотрел, как женщина выбирается из такси. Старая женщина в чёрных чулках и чёрном платье с высоким воротником. Её глаза скрывались за тёмными очками.

Он отвлёкся и упустил маленькую коричневую ящерицу, которую мучил, и та благодарно

скользнула в трещину или расселину полуразрушенной кладки. Мальчик подумал, что женщина похожа на вдову, но интереснее притвориться, будто она шпионит на джерри[51] и явилась на тайную встречу, чтобы обменять тайные сведения на другие тайные сведения, получше. Она шла, делая короткие шаги — возможно, считая так пройденное расстояние. Холодным ясным утром её ботинки отчётливо стучали, словно давая кодированный сигнал, может, азбукой Морзе. Мальчишка подумал было, что ему стоит быстро спрятаться за осыпавшейся стеной, но тут женщина его заметила, и стало слишком поздно. Она помедлила, потом, когда такси отъехало, нерешительно махнула рукой. Прятаться было слишком поздно, поэтому мальчик махнул в ответ, и тут она снова стала просто старой женщиной.

— Привет, — сказала она, пытаясь выудить что-то из сумочки. Вытащила сигарету и, когда мальчик попросил, вдова достала ещё одну — для него. Зажгла его сигарету серебристой зажигалкой и повернулась, глядя на выпотрошенные руины аббатства Карфакс, на разрушенные, шаткие стены, ожидающие неизбежного падения. В

[51] Примечания: 51
Сленговое обозначение немцев в Великобритании.

ветвях обгоревших деревьев пели шумные жаворонки и ласточки, а дальше под солнцем блестел пруд для уток.

Женщина прислонилась к стене и выдохнула дым.

— Немного после них осталось, правда?

— Нет, мэм. Сюда в прошлом году попала одна из «жужжалок»[52], — он сымитировал для неё звук ракетного двигателя, всё понижая голос, пока не закончил низким звуком взрыва.

Женщина кивнула и затушила сигарету об обнажившийся цементный раствор, двигая её взад и вперёд, пачкая чёрным пеплом по серо-жёлтому, а потом бросила окурок себе под ноги.

— Знаете, тут появляются привидения, — сказал мальчик. — Правда, в основном ночами.

Она улыбнулась, и мальчик увидел за её напомаженными в цвет крови губами окрашенные никотином зубы. Женщина снова кивнула.

— Да, — сказала она. — Да. Полагаю, так и есть, верно?

Мина убила его вдали от дороги. Тайком достала из сумочки купленную в Чипсайде опасную бритву, пока мальчишка выискивал кусочки

---

[52] Примечания: 52

Прозвище, данное ракетам «Фау-1» из-за характерного звука при полёте.

шрапнели, чтобы ей показать, — зазубренные сувениры приятного осеннего вечера в Пурфлите. Одна рука в перчатке быстро закрыла ему рот, и мальчик успел издать только слабый придушенный удивлённый звук, прежде чем она провела лезвием по его горлу, и тёмная и влажная жизнь выплеснулась на камни. Он стал первой жертвой с её возвращения в Англию, поэтому какое-то время Мина просидела рядом с ним в холодной тени накренившейся стены, чувствуя, как кровь засыхает корочкой вокруг её рта.

Один раз Мина услышала радостный собачий лай со стороны развалин, которые долгое время назад были убежищем Джека Сьюарда. Она вздрогнула от прилива адреналина, а сердце пропустило удар, а потом застучало быстрее: она подумала о том, что кто-то мог идти сюда, что её нашли. Но никто не пришёл, и она сидела с мальчиком и удивлялась тому, что всё ещё чувствовала внутри запутанный узел пустоты, неизменный и, очевидно, неизменяемый.

Часом позже она оставила мальчика под неряшливыми кустами и отправилась вымыть руки и лицо в сверкающем пруду. Если в Карфаксе и *появлялись* призраки, они обошли её стороной.

Август 1955

В тесном и суматошном кабинете в западном Хьюстоне было даже жарче чем обычно. Жалюзи были опущены, чтобы не впускать солнце, так что оставался только мягкий свет латунной настольной лампы Одри Кавано, ненавязчивая раскалённая белизна сквозь зелёный абажур. Но сумрак не учитывал липкого жаркого манхэттенского лета. В офисе стояла духота, и Мине снова хотелось в туалет. Ёмочевой пузырь зудел, она вспотела и морщила нос от застарелого запаха дорогих английских сигарет, которые психоаналитик курила без перерыва. Выцветшая фотография Карла Юнга в рамке болталась на крючке позади стола, и Мина чувствовала взгляд его серых, понимающих глаз, которые хотели пробраться внутрь, увидеть, узнать и вывести здравомыслие из безумия.

— Сегодня вы хорошо выглядите, Вильгельмина, — сказала доктор Кавано и скупо улыбнулась. Она зажгла очередную сигарету и выдохнула в оцепеневший воздух кабинета огромное облако. — Спите лучше?

— Нет, — ответила Мина, и это было правдой. — Не особенно.

Не с кошмарами и звуками уличного движения всю ночь у её квартиры в Южном Хьюстоне, с

никогда не умолкающими голосами за окнами — она постоянно сомневалась, не к ней ли обращены слова. И не в эту жару.

Жара была словно живое существо, которое хочет её удушить, пытается вечно удерживать мир на грани разрушительного пожара.

— Мне очень жаль, — доктор Кавано покосилась на неё сквозь дымное облако, скупая улыбка уже уступила место знакомой заботливости. Одри Кавано, кажется, никогда не потела, чувствовала себя комфортно в костюмах мужского покроя, а её волосы были собраны в аккуратный тугой пучок.

— Вы говорили со своим другом в Лондоне? — спросила Мина. — Вы сказали, что собираетесь…

Может, психоаналитик услышала напряжение в голосе Мины, потому что она громко, нетерпеливо вздохнула и откинула голову, глядя на потолок.

— Да. Я говорила с доктором Бичером. На самом деле, как раз вчера.

Мина облизала сухим языком ещё более сухие губы, похожие на высохшую кожицу увядшего фрукта. После небольшой паузы, секунды молчания, Одри Кавано продолжила:

— Он смог отыскать некоторое количество

ссылок, касающихся нападений на детей, совершённых «красивой женщиной», в газетных статьях, начиная с сентября тысяча восемьсот девяносто седьмого года. В «Вестминстер газетт» и некоторых других. Так же немножко про крушение в Уитби. Но, Мина, я никогда не *говорила*, что не верю вам. Вам не было нужды что-либо доказывать.

— У меня *были* эти вырезки, — пробормотала Мина сухим языком. — У меня когда-то были *все* вырезки.

— Я всегда считала, что так и было.

После этого снова наступила тишина, которую заполняли только уличные звуки десятью этажами ниже. Доктор Кавано надела очки для чтения и открыла жёлтый блокнот для стенографии. Карандаш черкал по бумаге, записывая дату.

— Эти сны — они всё ещё о Люси? Или в них снова приют?

Капля пота медленно сбежала по нарумяненной щеке Мины, скользнула к уголку рта, принеся с собой неожиданно резкий вкус соли и косметики — чтобы подразнить её жажду. Она отвернулась, глядя на потёртый пыльный ковёр у себя под ногами, на полки, забитые книгами по медицине и психологическими журналами, на

дипломы в рамках.

— Я видела сон про мир, — она почти шептала.

— Да? — голос Одри Кавано звучал немного жадно, возможно, потому, что это было что-то новое, что-то неизвестное в утомительном параде иллюзий старой Мины Мюррей. — Что вам снилось о мире, Вильгельмина?

Ещё одна капля пота растворилась на кончике языка Мины, уйдя слишком быстро и оставив после себя мимолётный мускусный вкус её самой.

— Мне снилось, что мир — мёртв. Что мир закончился долгое, очень долгое время тому назад. Но он не знает, что он мёртв и всё, что осталось от мира — это сон призрака.

Несколько минут никто из них больше ничего не говорил; в тишине раздавался только звук карандаша психоаналитика, а потом стих и он. Мина прислушивалась к улице: машинам и грузовикам, к городу. Солнце прорезало узкие щели в алюминиевых жалюзи, и Одри Кавано чиркнула спичкой, зажигая ещё одну сигарету. Мина почувствовала, как запах серы обжигает внутреннюю поверхность её ноздрей.

— Вы думаете, что это правда, Мина?

И Мина закрыла глаза, желая остаться наедине с усталым, мерным стуком своего сердца, оставив

остаточное изображение гореть во тьме за пергаментными веками подобно шраму от ожога.

Сегодня она была слишком усталой для признаний или воспоминаний, слишком неуверенной, чтобы облечь разбросанные мысли в слова. Она начала уплывать, и, без вмешательства терпеливой Кавано, через несколько минут погрузилась в сон.

Апрель 1969

После того как Бренда Ньюфилд в её белых туфлях выходит из больничной палаты, Мина, проглотив капсулы вместе с глотком имеющей вкус пластика воды из стоявшего на тумбочке кувшинчика, садится. Она с трудом опускает ограждение кровати и медленно, пересиливая боль, перекидывает ноги через край. Она смотрит на свои голые ноги, висящие над линолеумом, на уродливые жёлтые ногти, старческие пятна и слишком сильно растянутую тонкую кожу над костями — как на раме воздушного змея.

Неделю назад, после сердечного приступа и поездки на «скорой» из её дерьмовой маленькой квартиры, она оказалась в пункте неотложной помощи. Тогда доктор улыбнулся ей и сказал:

— Вы — живчик, мисс Мюррей. У меня есть

шестидесятилетние пациентки, которые были бы счастливы выглядеть так хорошо, как вы.

Она ждёт, считая шаги медсестры — двенадцать, тринадцать, четырнадцать; наверняка Ньюфилд уже у стола, вернулась к своим журналам. И Мина сидит спиной к окну — трусость сойдёт за попытку сопротивления, — глядя в другой конец комнаты. Если бы у неё нашлась бритва, или кухонный нож, или больше ньюфилдовских пилюль с транквилизаторами.

Если бы ей хватило смелости.

Позже, когда дождь перестаёт и сирень успокаивается к ночи, возвращается сестра и обнаруживает Мину в полусне, всё ещё сидящей на краю кровати, подобно какому-то глупому попугаю или старой горгулье. Она укладывает Мину обратно. Раздаётся глухое щёлканье стоек ограждения. Сестра что-то бормочет себе под нос, так тихо, что Мина не может разобрать слов. И она лежит очень спокойно на жёстких от крахмала простынях и наволочке и слушает капель и бульканье на улице — бархатистые звуки, оставшиеся после грозы. Их почти достаточно, чтобы на пару часов сгладить звучание Манхеттена. Грубо поддёрнутое под её подбородок одеяло, шум колёс такси, гудок автомобильного клаксона, полицей-

ская сирена в нескольких кварталах. И шаги на тротуаре под её окном, а потом — мягкие, такие, что их невозможно ни с чем спутать, звуки бега волчьих лап по асфальту.

Кровавый ширится прилив и топит
Стыдливости священные обряды…

У. Б. Йейтс. «Второе пришествие»

Перевод: Денис Приемышев

Роберт Сойер

Пекинский человек

Robert J. Sawyer, "Peking Man", 1996

Крышка была прибита к деревянному ящику восемнадцатью гвоздями. Обратный адрес, синими чернилами по светлому дереву, гласил: «Отправитель: Факультет анатомии, Пекинский медицинский колледж, Пекин, Китай». Адрес получателя, выписанный буквами покрупнее, был таким:

Доктору Рою Чепмену Эндрюсу
Американский Музей Естественной Истории
Централ-Парк-Уэст, 79-я улица
Нью-Йорк, Н.-Й, США

На ящике была пометка «Хрупкое!», «ЗАРЕГИСТРИРОВАНО» и *«Par Avion»*. А также выжжена надпись «Через Гонконг Воздушной

Службой США[54]».

Эндрюс ждал этой посылки с нетерпением. Между 1922 и 1930 годами он сам возглавлял ставшую с тех пор знаменитой экспедицию в пустыню Гоби в поисках азиатской колыбели человечества. Хотя он вернулся с несказанными научными богатствами — включая первые в истории яйца динозавров — Эндрюсу не удалось отыскать ни единой окаменелости древнего человека.

Однако сейчас германский учёный Франц Вейденрейх прислал ему сокровище Востока: полный комплект ископаемых останков Sinantropus pekinensis. В этом самом ящике — кости пекинского человека.

Эндрюс буквально захлёбывался слюной, поддевая крышку гвоздодёром. Он так долго этого ждал, страшась того, что окаменелости не перенесут путешествия, страстно желая увидеть, как выглядели прародители человечества, тревожась…

Крышка поддалась и отскочила. Содержимое оказалось аккуратно упаковано в меньшие размером картонные коробки. Он подхватил одну

---

[54] Примечания: 54

Довоенное название американских ВВС. *(Здесь и дальше прим. перев.)*

и перенёс её на свой загромождённый стол. Он сгрёб книги и бумаги на пол, положил коробку на столешницу и открыл её. Внутри оказался шар рисовой бумаги, обёрнутый вокруг какого-то крупного объекта. Эндрю осторожно развернул листы и…

Белое.

Белое?

Нет… нет, быть того не может.

Но так было. Это, разумеется, череп — но не *ископаемый* череп. Материал был ярко-белый.

И весил гораздо меньше ожидаемого.

Гипсовый слепок. А вовсе не оригинал.

Эндрю открыл каждую коробку из деревянного ящика; его сердце падало каждый раз, как из неё появлялось содержимое. Всего было четырнадцать черепов и одиннадцать челюстных костей. Черепа сильно отличались от человеческих — низкие лбы, выступающие надбровные дуги, плоские лица и весьма непривычного вида отлично сохранившиеся зубы. К его удивлению, каждый из черепов также нёс следы явно искусственного повреждения foramen magnum.

Нет, какую-то работу, несомненно, можно провести и со слепками. Но где подлинные окаменелости? Сейчас, когда Япония вторглась в

Китай, они явно были слишком ценными, чтобы оставлять их на Дальнем Востоке. Что такое задумал Вейденрейх?

Огонь.

Он был как кусочек солнца, спустившийся на землю. Он согревал племя ночью, отпугивал саблезубых кошек и делал с мясом нечто волшебное: оно становилось мягче, его было легче жевать, и в то же время в него словно возвращалась частица тепла, которым оно обладало, будучи частью добычи.

Огонь был самым ценным достоянием племени. Оно им владело уже одиннадцать лет, с тех пор, как Бок смелый принёс горящую ветку из горящего леса. Тлеющие угли постоянно раздували и никогда не позволяли им угаснуть.

А потом, однажды ночью, пришёл Чужак — высокий, худой, бледный, с красными ободками вокруг глаз, которые будто тлели под его надбровными дугами.

Чужак сделал немыслимое, то, чему не было прощения.

Он погасил пламя, бросив в него выдолбленную тыкву, полную воды. Дрова зашипели, и пар поднялся во тьму. Дети племени начали плакать; взрослые задрожали от ярости. Чужак повер-

нулся и ушёл в темноту. Двое самых сильных охотников побежали за ним, но длинные ноги Чужака, по-видимому, быстро унесли его прочь.

Звуки леса стали ближе — стрекотание насекомых, шуршание мелких зверьков в подлеске и…

Хлопанье крыльев.

Чужак исчез.

И силуэт летучей мыши на мгновение возник на фоне убывающей луны.

Франц Вейденрейх родился в Германии в 1873 году. Коренастый и совершенно лысый, он сделал себе имя как эксперт в области гематологии и остеологии. Сейчас он был приглашённым профессором в Чикагском университете, но срок его пребывания там подходил к концу, и впереди маячила неприятная перспектива возвращения в нацистскую Германию — чего он, будучи евреем, всеми силами пытался избежать.

И в этот момент пришла весть о внезапной смерти канадского палеонтолога Дэвидсона Блэка. Блэк работал в Пекинском медицинском колледже, изучая фрагментарные находки древнего человека, обнаруженные в известняковом карьере в Чжоукоудянь. Вейденрейх, который однажды проводил исследование неандертальских костей, найденных в Германии, читал посвя-

щённые синантропу работы Блэка в «Nature» и «Science».

Однако теперь, в пятьдесят лет, Блэк был так же мёртв, как и его находки — внезапный сердечный приступ. И, к восторгу Вейденрейха, Китайский совет по медицине Фонда Рокфеллера хотел, чтобы он занял его пост. Китай был странным и мрачным местом, а отношения между китайцами и японцами — хуже некуда, но по сравнению с возвращением в гитлеровскую Германию это предложение казалось манной с небес.

По ночам большинство людей племени сбивались в кучу под скальным навесом или заползали в сырую вонючую щель в известняковой пещере. Без огня, который держал бы животных на расстоянии, кто-то должен был каждую ночь стоять на страже, вооружённый большой дубиной и кучей камней, чтобы бросать их в пришельцев. Прошлой ночью была очередь Карта. Все спали крепко, потому что Карт был самым сильным охотником племени. Племя знало, что оно в безопасности, что бы ни таилось в ночи.

Однако когда наступил рассвет, люди племени были поражены. Карт заснул. Его нашли лежащим на земле рядом с холодной чёрной ямой, в которой раньше пылал огонь. И на шее Карта

виднелись две маленькие дырочки с красными ободками; они были похожи на глаза Чужака…

Во время своей работы гематологом Вейденрейх познакомился с необычным человеком по имени Бранкузи — костлявым, бледным, с устрашающего вида острыми клыками. Бранкузи страдал от необычной анемии, которую Вейденрейх оказался неспособен вылечить, и от почти патологической фотофобии. Тем не менее, он был весьма образован и начитан, и Вейденрейх с тех пор поддерживал с ним переписку.

Когда Вейденрейх приехал в Пекин, работы в карьере ещё продолжались. Пока что были найдены лишь зуб и фрагменты черепа. Дэвидсон Блэк провёл отличную работу по описанию и каталогизации части материала, однако когда Вейденрейх стал знакомиться с находками, то был удивлён, обнаружив среди них небольшой набор заострённых ископаемых зубов.

Блэк, по-видимому, счёл их не имеющими отношения к синантропу и не включил их в свои описания. И на первый взгляд оценка Блэка была полностью оправдана — зубы были гораздо длиннее обычных человеческих клыков и гораздо сильнее заострены. Но устройство зубных корней показалось Вейденрейху похожим на гоминид-

ное. Он написал письмо своему другу Бранкузи, в котором полушутя сообщил, что обнаружил его пра-пра-пра-в-*n*-ной-степени-дедушку в Китае.

К безмерному удивлению Вейденрейха, через несколько недель Бранкузи приехал в Пекин.

Каждую ночь ещё кто-нибудь из племени стоял на страже — и каждое утро его находили без чувств и с парой крошечных ранок на шее.

Люди племени были в ужасе. Вскоре на ночь стали оставлять нескольких охранников одновременно, и на какое-то время подобные случаи прекратились.

Но потом случилось нечто ещё более необычное…

Они охотились на оленя. Конечно, без огня мясо было не то, но племени всё равно нужно было есть. Четверо мужчин, включая Карта, возглавляли охоту. Они бесшумно двигались в высокой траве, выслеживая крупного самца с огромными ветвистыми рогами. Охотники общались жестами, тщательно координируя свои перемещения, окружая оленя с двух сторон.

Карт поднял правую руку, готовясь подать сигнал к последней атаке, когда…

…светло-коричневое пятно стремительно скользнуло сквозь траву…

…сверкнули клыки, раздался рёв гигантской кошки, олень шарахнулся в сторону, и потом…

…крик Карта, которого саблезубый схватил за бедро и злобно встряхнул.

Остальные три охотника бежали так далеко, насколько хватило сил, желая лишь убраться подальше. Они не останавливались, чтобы оглянуться, даже когда кот странно взвизгнул…

В ту ночь люди племени прижимались друг к другу и пели песни, прося для души Карта спокойного пути на небо.

Один из работников-китайцев нашёл первый череп. Сразу же вызвали Вейденрейха. Бранкузи по-прежнему страдал от фотофобии, а также, по-видимому, не смог привыкнуть к смене часового пояса и спал днём. Вейденрейх подумал было разбудить его и показать находку, но потом решил оставить его в покое.

Череп всё ещё был частично заключён в известняковые отложения на дне пещеры. У него была толстая черепная стенка и нависающие брови — определённо более примитивное существо, чем неандерталец, вероятно, родственное явантропу…

Потребовалась большая осторожность, чтобы извлечь череп из известняка, однако когда это

было сделано, стали очевидными две поразительные черты.

Зубы, которые исключил Дэвидсон Блэк, на самом деле принадлежали здешним гоминидам: новый череп сохранил все свои верхние зубы, и клыки были длинными и заострёнными.

Ещё более поразительным оказался его foramen magnum — большое отверстие в основании черепа, в которое входит позвоночный столб. По его обколотой и зазубренной кромке было ясно, что foramen magnum данного индивида был искусственно расширен…

…что означало, что его обезглавили, а потом на что-то насадили его череп, разрушив мозг.

Пять охотников стояли на страже в ту ночь. Луна закатилась, и над головой изогнулась великая небесная река. Чужак вернулся — но в этот раз он был не один. Люди племени не могли поверить глазам. В темноте он выглядел совсем как…

Это он и был. Карт.

Но… но ведь Карт умер. Они же видели, как саблезубый утащил его.

Чужак подошёл ближе. Один из охотников поднял камень, словно хотел метнуть его в Чужака, но вскоре камень выпал из его рук. Он упал на

землю с глухим стуком.

Чужак продолжал приближаться, и Карт тоже.

А потом Карт открыл рот, и в слабом свете они увидели его зубы — длинные и заострённые, как у Чужака.

Охотники не могли убежать, не могли двигаться. Их словно пригвоздило к земле, то ли взглядом Чужака, то ли Карта, которые продолжали приближаться.

И вскоре в тёмной прохладной ночи клыки Чужака пронзили шею одного из стоящих на страже, а Карт накинулся на другого…

Потом было найдено ещё тринадцать черепов, все со странными удлинёнными клыками и все с искусственно расширенными foramina magna. Также нашли несколько фрагментов челюстей и черепных костей других особей — однако посткраниальный материал практически отсутствовал. Кто-то во тьме веков выбросил здесь отрезанные головы группы протолюдей.

Поздно ночью Бранкузи сидел в лаборатории Вейденрейха и разглядывал черепа. В раздумье он провёл языком по собственным острым зубам. Эти древние люди без сомнения не владели никакими математическими концепциями за

пределами сложения и вычитания с помощью пальцев. Откуда им было знать о проблеме, что мучила Семью, проблеме, которой каждый из Родичей старался избежать?

Если все те, кто ощутил на себе укус вампира, сами станут вампирами, когда умрут, и все эти новые вампиры так же обратят в вампиров тех, кем питаются, то скоро, если не принять мер предосторожности, все станут нежитью. Простая геометрическая прогрессия.

Бранкузи давно задумывался, насколько далеко в прошлое уходит Семья. Это не похоже на прослеживание обычного семейного древа — о да, родословие связано кровью, но переходит не от отца к сыну. Он знал своё собственное происхождение — слуга в Замке Дракулы, до того, как Граф решил жить в полном одиночестве; слуга, настолько преданный хозяину, что даже позволил ему пить кровь из своего горла.

Сам Бранкузи умер от пневмонии — не редкость в сырых Карпатских горах. Семьи у него не было, и никто не скорбел о его кончине.

Но вскоре он восстал — и теперь у него была Семья.

Англичанин и американец убили Графа, отрезав ему голову ножом кукри и вогнав охотничий

нож в сердце. Когда Бранкузи узнал об этом от цыган, то вернулся в Трансильванию. Убийцы Дракулы просто бросили гроб вместе с его естественной почвой и прахом, в который рассыпалось тело Графа. Бранкузи выкопал могилу в заброшенном, продутом ветрами замковом парке и опустил в неё гроб.

Через какое-то время всё племя так или иначе ощутило укус Чужака.

Некоторые из людей племени пали жертвами неодолимой жажды крови, высосанные досуха. Другие умерли из-за болезней, или упали со скалы, или их загрызли гигантские кошки. Один даже умер от старости. Но все они восстали снова.

И для племени наступило время, так же, как оно наступило для Чужака много лет назад, искать утоления своей жажды в других местах.

Но они не приняли в расчёт Других.

Вейденрейх и Бранкузи засиделись в лаборатории Вейденрейха до поздней ночи. Обстановка в стране накалялась — японская оккупация становилась невыносимой.

— Я собираюсь вернуться в Штаты, — сказал Вейденрейх. — Эндрюс и Американский музей предлагают мне возможность продолжить рабо-

ту с находками.

— Нет, — сказал Бранкузи. — Нет, вы не можете взять их с собой.

Кустистые брови Вейденрейха вскинулись по направлению к его лысой макушке.

— Но мы не можем позволить, чтобы они попали в руки японцев.

— Это верно, — согласился Бранкузи.

— Их нужно перевезти в безопасное место. Куда-нибудь, где их можно бы было изучать.

— Нет, — сказал Бранкузи. Взгляд его глаз с красной каймой пронзил Вейденрейха так, как никогда до этого. — Нет — никто не должен их видеть.

— Но Эндрюс их ждёт. Ему не терпится их увидеть. Я намеренно избегал конкретики в своих письмах к нему — хотелось видеть его лицо, когда он увидит эту зубную систему.

— Никто не должен знать о зубах, — сказал Бранкузи.

— Но он ждёт эти кости. И я должен опубликовать их описание.

— Зубы нужно подпилить.

Вейденрейх выпучился на Бранкузи.

— Я не могу такого сделать.

— Можете и сделаете.

— Но…

— Можете и сделаете.

— Я… я могу, но…

— Никаких «но».

— Нет, нет, *есть* одно «но». Эндрюса ни за что не обмануть подпиленными зубами. Ещё со времён пилтдаунского человека[55] подпилы — это первое, что ищут, когда видят необычный экземпляр. И, кроме того, структура зубной ткани меняется по мере углубления в неё. Эндрюс сразу же поймёт, что зубы были укорочены по сравнению с первоначальным размером. — Вейденрейх посмотрел на Бранкузи. — Простите, но правду никак не скрыть.

Другие жили в соседней долине. Они оказались крепкими и выносливыми — и они умели создавать огонь по своему желанию. Когда пришли люди племени, стало очевидно, что для Других никогда не бывает тьмы. Большие костры горели постоянно.

Племени нужна была пища, но Другие защища-

---

[55] Примечания: 55

Одна из самых известных мистификаций в палеоантропологии — костные фрагменты, найденные в Англии в 1912 году и выдававшиеся за древние останки, демонстрирующие смесь человеческих и обезьяньих черт. Именно Франц Вейденрейх в 1923 году установил, что находка является черепом современного человека и нижней челюстью орангутанга с подточенными зубами.

лись, пытаясь убить их каменными ножами.

Но это не действовало. Люди племени продолжали приходить.

Их пытались убивать копьями.

Но это также не работало. Люди племени возвращались.

Их пытались душить лентами из шкур животных.

Но и так не получалось. Племя пришло снова.

И в конце концов Другие решили попробовать всё, что смогли придумать, одновременно.

Они втыкали деревянные копья в сердца людей племени.

Они отрезали им головы каменными ножами.

И они втыкали копья в отрезанные головы, просовывая их в отверстие в нижней части черепа.

Охотники ушли далеко от своего лагеря, и каждый нёс копьё, поднятое вертикально к летнему солнцу, и на каждое из них была насажена отрезанная голова с заострёнными зубами. Когда они, наконец, отыскали подходящую дыру в земле, они сбросили в неё все головы — далеко, очень далеко от тел.

Другие ждали, что люди племени вернутся.

Но те так и не вернулись.

— Не посылайте оригиналы, — сказал Бран-

кузи.

— Но…

— Оригиналы мои, вам понятно? Я прослежу, чтобы они покинули Китай в целости.

На мгновение показалось, что Вейденрейх собирается возразить, но потом выражение его лица снова стало пустым.

— Хорошо.

— Я видел, как вы делаете слепки костей.

— Из парижского гипса, да.

— Сделайте слепки черепов — и потом подпилите зубы на слепках.

— Но…

— Вы сказали, что Эндрюс и другие способны определить, что оригинальные окаменелости были изменены. Но они не смогут увидеть, что изменены были слепки, я прав?

— Полагаю, да, если сделать это квалифицированно, однако…

— Сделайте это.

— А что насчёт foramina magna?

— А что бы вы решили, увидев черепа с подобными расширенными отверстиями?

— Не знаю… возможно, что это следы практиковавшегося тогда ритуального каннибализма.

— Ритуального?

— Ну, если единственная цель — добраться до мозга, чтобы его съесть, то проще расколоть череп, так что…

— Хорошо. Хорошо. Оставьте повреждения в основании черепа как есть. Пусть вашему Эндрюсу будет над чем поломать голову.

Сначала были упакованы в ящики и отосланы в Штаты слепки. Следом за ними отправился в Нью-Йорк сам Вейденрейх, оставив, по его словам, инструкции отправить оригинальные находки на борту корабля «Президент Гаррисон». Однако находки так и не прибыли в Америку, а Вейденрейх, единственный, кто мог что-то знать об их местонахождении, вскоре умер.

Несмотря на разразившуюся войну, Бранкузи вернулся в Европу, вернулся в Трансильванию, вернулся в Замок Дракулы.

Ему понадобилось немалое время, чтобы во тьме ночи найти нужное место — шрам, оставшийся в земле от его прежних раскопок, был лишь одним из многих в этой пустынной местности. Но в конце концов он его нашёл. Он выкопал в земле ряд ям поменьше и в каждую из них опустил оскаленный череп. Затем засыпал ямы тёмной землёй.

Бранкузи надеялся, что сам он никогда не па-

дёт, но если это всё же случится, то один из его собственных новообращённых сделает то же самое для него — вернёт его останки домой, на землю Семьи.

Перевод: Владислав Слободян

Саймон Р. Грин
Человек, который хотел быть Дракулой

Simon Richard Green, "The Man Who Would be Dracula', 2021

Что произошло со всеми древними монстрами? Когда-то вампиров и оборотней повсеместно признавали и боялись, а затем все мы вдруг оказались в веке разума и никто больше не верил в сказочных чудовищ. Но на самом деле чудовища предпочли скрыться с глаз, чем рисковать столкнуться с электричеством и СМИ. Безопаснее было стать легендой. И поэтому все они укрылись на преступном дне и изобрели новые способы охотиться на человечество.

Лишь один монстр пошёл против своего вида — Эдвард Хайд. Он основал "Джекилл энд Хайд Инк." и снабжал своим чудесным эликсиром тем, кого посчитал наиболее подходящими бросить вызов нынешним чрезвычайно богатым и устоявшимся Кланам монстров.

Дэниел и Тина приняли это зелье по серьёзным,

как они считали, причинам и стали работать на Эдварда, сделавшись и больше и меньше, чем человек. Вместе они истребили Кланы монстров, лишь для того, но обнаружили, что Эдвард Хайд хуже их всех. Поэтому они убили и его тоже, и возглавили "Джекилл энд Хайд Инк.". Дэниел и Тина — последние из Хайдов, но они всё ещё разыскивают немногих оставшихся монстров…

Тихой осенней ночью в лондонском Сохо стоял необычайно густой туман. Узкие улочки заполнял бескрайний серый океан, рассеивая густой жёлтый свет уличных фонарей и скрывая множество грехов и грешников. Дэниел и Тина Хайд шагали через Сохо, словно самые крупные акулы в этом сером океане, довольно улыбаясь, пока искали что-нибудь, стоящее того, чтобы его убить. Несколько таящихся душ, всё ещё разгуливающих в этот безбожный час, поспешили убраться с их пути. Они не знали, кто такие Хайды, но безошибочно различали хищников, когда видели их. Поэтому все отступали подальше и отводили глаза, в надежде, что их не заметят. Некоторые даже прятались в дверных проёмах, пока Хайды благополучно не прошли.

Дэниел и Тина не тревожились и не обращали внимания, воспринимая это, как должное.

Дэниел Хайд был высоким и мускулистым, широкоплечим и широкогрудым. Он шагал по улице, будто стремясь пройти поверх, а, может и прямо насквозь, всех и вся, кто встанет на пути. Он был довольно красив, черноволос и черноглаз, и обычно носил деловой костюм. Он убивал чудовищ и ему это нравилось — его улыбка подтверждала это.

Вэлентайн Хайд (только Тина и никогда Вэл), шести с половиной футов, была на добрую голову выше Дэниела. Атлетически сложённая и изящная, словно экзотический зверь из джунглей. Она выглядела очаровательной и невероятно опасной, и гордилась этим. Огромная копна багряных волос каскадом спускалась ей на плечи, обрамляя поразительно красивое лицо с жестокими зелёными глазами и широким насмешливым ртом.

Хайды рыщут: проблем ищут. Чтобы их растоптать.

— Скажи мне ещё раз, — спросила Тина. — Почему мы таскаемся по улицам в этом, не особо полезном для здоровья, квартале, когда могли бы оттягиваться в какой-нибудь модной забегаловке: напиваться, задирать чужаков и всё громить?

— Потому что наша работа ещё не закончена, — ответил Дэниел. — Мы изничтожили Фран-

кенштейнов и вампиров, мумий и оборотней, но упыри затаились. Наше дело — раскопать их.

— Мы заметили их отсутствие во время нашей войны с Кланами, — согласилась Тина. — По бумагам Эдварда, упыри никогда не могли организоваться настолько, чтобы создать настоящий Клан. Они выжили, будучи полезными, подчищая беспорядки за Кланами. Потому что упыри жрут всё, что угодно.

— Но теперь, видимо, упыри собираются вместе в огромном количестве, для какой-то своей цели, — сказал Дэниел. — Мы должны узнать, что происходит и положить этому конец. Резко и бурно, потому что Хайды поступают так.

— Ты знаешь, как развлечь девушку, — весело откликнулась Тина. — Но всё-таки: упыри? Они вправду стоят потраченных усилий?

— Они — всё, что осталось от старых чудовищ, а мы — всё, что осталось от Хайдов, — ответил Дэниел. — Мы не старались уничтожить Кланы ценой своей жизни, вот так упыри и смогли пролезть в освободившуюся нишу.

Тина искоса глянула на него. — Ты уверен, что не стремишься хоть что-то сделать, только потому, что раньше был копом? Хайды не связаны долгом.

— Хайды не почивают на лаврах, — спокойно ответил Дэниел. — Не тогда, пока ещё есть плохие парни, которым нужно показать ошибочность их пути.

— А будут убийства, погромы и массовое уничтожение собственности? — спросила Тина.

— Я же обещал тебе клёвый вечер, — сказал Дэниел.

Тина довольно улыбнулась. — Куда мы идём? Мы уже почти там?

— По словам осведомителя, который, похоже, верил, что я изобью его до полусмерти, просто потому что это — я, упыри в настоящее время действуют под прикрытием сети фастфуда, всего в нескольких улицах отсюда, — сообщил Дэниел.

— Как подходяще, — произнесла Тина.

Когда они добрались до магазина фастфуда, тот оказался закрыт. Дверь заперта, нигде никакого света и все признаки указывали на то, что он не только не был ничьим домом, но и какое-то время вообще пустовал.

— Не столько пуст, сколько заброшен, — заметила Тина.

— Предполагается, что так все и должны думать, — сказал Дэниел. — Думаю, мы обойдём сзади, взломаем чёрный ход и прокрадёмся

внутрь?

Тина громко фыркнула. — Хайды не крадутся.

Дэниел усмехнулся и пнул парадную дверь с такой силой, что снёс её с петель. Дверь улетела внутрь и грохнулась на пол, а эхо падения заполнило всё вокруг. Дэниел и Тина шагнули внутрь мрачного интерьера, осматриваясь по сторонам, в надежде, что кто-нибудь на них набросится. Столы и стулья были пусты, зона обслуживания — свободна, а когда Тина провела по столу пальцем, он покрылся серой пылью.

— Не то, чтобы я сомневалась в твоём, несомненно достаточно запуганном источнике, — сказала Тина, — Но это место не могло быть более пустым, даже если бы называлось «*Марией Селестой*»[56].

Дэниел усмехнулся и провёл её между столов к определённому участку пола. Он опустился на колени и указал на тщательно замаскированный люк.

— Мой осведомитель не очень хорошо помогал, пока я не указал, что альтернатива заставит его на локтях ходить.

— Я так возбуждаюсь, когда ты говоришь непри-

---

[56] Примечания: 56

«Мария Целеста» — бригантина, покинутая экипажем по невыясненной причине и найденная 4 декабря 1872 года кораблём «Dei Gratia». Классический пример корабля-призрака.

стойности, — промурлыкала Тина.

Дэниел потянул за стальное кольцо, вделанное в люк, но дверца не шелохнулась. Видимо, с нижней стороны была уйма замков и задвижек. Поэтому он покрепче ухватился за кольцо и вырвал люк из пола. Тот вылетел под громкий треск древесины и скрежет ломающейся стали, и Дэниел небрежно отбросил тяжёлую дверь в сторону.

— Выделываешься, — заметила Тина.

Новый проход явил череду голых каменных ступеней, ведущих вниз, в беспросветную темноту.

— Конечно, там обязательно будет ловушка, — сказал Дэниел.

— Отлично! — воскликнула Тина. — Давай зайдём!

— Почему бы и нет? — ответил Дэниел.

Они шумно потопали вниз по каменным ступеням, быстро приспособившись ко мраку, пока не достигли огромной и угрожающе массивной двери у подножия, запертой на несколько по-настоящему больших замков.

— Ну вот, теперь они просто нас дразнят, — сказала Тина. И пнула дверь так сильно, что разломала громадную деревянную панель напополам, оставив зазубренные куски свисать с разбитых петель. На лестницу пролился яркий

свет.

— Тук-тук! — произнесла Тина.

Хайды неторопливо зашли в огромную каменную пещеру, залитую безжалостным светом рядов люминесцентных ламп на потолке. Сотни упырей, скучившись, сидели на низких скамьях, за рядами пустых столов. Все они обернулись и уставились на Дэниела и Тину: тощие, голые, серокожие твари, с морщинистыми лицами идиотов и огромными глазищами.

— Это и есть упыри, — сказал Дэниел. — Выглядят, как твари, обитающие под землёй или под камнями.

— Не обманывайся голодным видом, — заметила Тина. — Ты не поверишь, какой у упырей аппетит и зубы, которые могут прогрызть мраморную гробницу, чтобы добраться до вкусняшки внутри.

— Насколько они сильны? — спросил Дэниел.

— Им и не нужно быть сильными, — ответила Тина. — Они берут числом. И зубами.

А потом оба Хайда резко оглянулись, когда прозвучал глубокий и интеллигентный голос, исходящий из тёмных теней в глубине пещеры.

— Ну-ну, что тут у нас? Видимо, у нас гости, дети мои; незваные, но не обязательно нежеланные.

Дэниел и Тина сдвинулись теснее, когда высокая и крепкая фигура неторопливо выдвинулась из теней и вышла на свет. Он носил парадный смокинг под широким чёрным оперным плащом с кроваво-красной подкладкой. У него было мертвенно-белое лицо, тёмные, как ночь, волосы и, когда он улыбнулся Хайдам, те ясно различили удлинённые клыки.

— Хайды… — произнёс он. — Я польщён.

Дэниел посмотрел на Тину. — Вампир?

— Вампир очень старой школы, — сказал Тина. — Вылитый Лугоши.

— Что здесь делает вампир? — удивился Дэниел.

— Спроси его, — предложила Тина.

Хайды бесстрашно встретили холодный взгляд вампира и тот вежливо склонил голову.

— Позвольте представиться. Я — граф Дракула.

Дэниел приподнял бровь. — Правда?

— Это мои владения, а это мои слуги, — продолжил Дракула. — И я предпочитаю старую школу, потому что этот аспект всё ещё может подчинять. Мои дети видят и они верят; и, поэтому, я властвую над ними. Упыри не могут бросить вызов власти вампира. Разумеется, я знаю вас обоих: печально известные Дэниел и Тина Хайд. Слухи

расходятся в нашем, довольно ограниченном, кругу.

— Я думал, мы перебили всех вампиров, — заявил Дэниел. — Мы накрыли ваше ежегодное собрание в пустых тоннелях метро под Лондоном, затопили целой рекой святой воды!

— Она была специально освящена, — добавила Тина

— Я не был на собрании, — ответил Дракула. — Никогда туда не входил. Но, поскольку вы уничтожили всех моих немёртвых родных и близких, я подумал, что мудрее будет не высовываться. Пока мне не пришло в голову… что, с уничтожением всех Кланов монстров, в сердце преступности наступило безвластие, куда я мог бы войти. И так я стал господином упырей и вновь правителем своего собственного маленького королевства.

— Никогда бы не подумал, что вампир опустится до того, чтобы связаться с упырями, — сказал Дэниел.

Дракула пожал плечами. — Мне пришлось выстраивать политическую поддержку всеми доступными инструментами. Как вы узнали, что найдёте меня здесь?

— Мы пришли сюда не за тобой, — сказала

Тина. — Мы просто заинтересовались, почему упыри организовываются.

— Значит, мой успех и привёл вас к моим дверям, — промолвил Дракула. — И грехи ваши постигнут вас…

— Вы уходите от ответа, — заметил Дэниел. — Почему упыри?

— Это мои новые дети ночи, — ответил Дракула. — Грубоватые, но гораздо тише прежних.

— И они просто позволили тебе прийти и захватить власть? — спросила Тина.

— Упырям всегда требовался кто-то, указывающий им, что делать, — сказал Дракула.

— И что именно они для вас сделали? — спросил Дэниел.

— Я сдаю их напрокат преступным организациям по всему Лондону, — отвечал Дракула. — Упыри полезны для избавления от любых вещественных доказательств, которые могут связать кого-то с преступлением. Поскольку упыри едят всё.

— Убери свою мерзкую рожу, — рявкнула Тина.

Дракула резко прервался, потому что никто не спорил с Тиной, когда она говорила таким тоном. Она тяжело нахмурилась, сосредоточась на том,

что слышала только она, а потом быстро двинулась между рядами столов. Упыри поворачивали головы вслед за ней. Наконец она остановилась перед одним участком каменной стены и напряжённо вслушалась.

— Прочь оттуда! — резко произнёс Дракула. — Там нет ничего интересного для вас!

— Но я что-то слышу, — возразила Тина.

— Это не ваше дело! — возмутился Дракула.

Тина ответно усмехнулась Дэниелу. — Ладно, теперь я действительно хочу знать. — Она склонилась поближе и зашарила кончиками пальцев по каменной стене. — Ну вот как ему верить? Тут есть потайная дверь. Интересно, что же с другой стороны.

Она вырвала дверь из стены и отбросила её прочь. Тина вгляделась в открывшийся проход, а затем застыла на месте.

— Что там, Тина? — спросил Дэниел. — Что ты там видишь?

— Людей, — ответила Тина, не оглядываясь. — Живых людей, в клетках. Некоторые из них — дети.

Дэниел быстро двинулся между столов, чтобы присоединиться к ней. Упыри смотрели, как он идёт, не сделав ни движения, чтобы попытаться

его остановить. Дэниел встал рядом с Тиной и всмотрелся в примыкающую комнату. Десятки голых людей были битком набиты в клетках, со стороной едва ли в три фута. Дети теснились по двое или трое в одной клетке. Клетки явно не чистили уже какое-то время. Узники смотрели на Дэниела и Тину умоляющими глазами, едва осмелившись надеяться. Хайды обернулись, уставившись на Дракулу.

Тот выпрямился во весь рост и завернулся в плащ. — Всегда кто-то причиняет беспокойство кому-то другому. Нежелательные свидетели, определённые личности, знающие слишком много или просто люди, которые перешли дорогу более важным людям. Я забираю всех. Мои упыри всегда голодны.

— Упыри не пожирают живых, — возразила Тина. — Это не в их природе.

— Я позабочусь об этом, — ответил Дракула.

— Тут дети, — произнёс Дэниел.

Что-то в его голосе заставило Дракулу тревожно пошевелиться. — Кому-то выгодно их исчезновение. Тут нет никого, кто имел бы значение или по кому будут скучать. С каких пор Хайды стали сентиментальны?

— У нас есть совесть, — ответил Дэниел.

— И есть грань, которую мы не пересекаем, — добавила Тина. — Что ты хочешь сделать, Дэниел?

— Я обещал тебе ночь убийств и погромов, — сказал Дэниел. — Не желаешь ли поубивать всех, кто не в клетках?

Она задумалась. — Не так уж весело убивать упырей. И я думаю, они — такие же жертвы, как все прочие. Но вот Мистер Плащ-и-Клыки…

— Да, — согласился Дэниел. — Без графа, организовавшего их, упыри перестанут быть проблемой.

— Восстаньте, дети мои! — воззвал Дракула.

И сотни упырей, как один, поднялись на ноги. Теперь все они уставились на Хайдов, своими огромными немигающими глазами. На морщинистых серых лицах не было ни следа человеческой выразительности, но их ухмылки обнажали долотоподобные зубы.

— Мои дети всегда голодны, — заметил Дракула.

— Но они не пожирают живых, — уверенно сказал Дэниел. — Это не в их природе.

— Думаю, с этим проблем не возникнет, — откликнулся Дракула.

Дэниел дотянулся до ближайшего стола и ото-

рвал одну из его ножек. Он взвесил её в руке, а потом непринуждённо кивнул Дракуле.

— Как вам этот колышек?

Дракула улыбнулся шире. — Против меня вам это не поможет.

Он покопался в своём смокинге и вытащил пистолет. Дэниел вздёрнул бровь.

— С каких это пор вампирам требуется оружие?

Дракула пожал плечами. — Все мы должны идти в ногу со временем.

Тина невероятно быстро рванулась вперёд, расталкивая столы и раскидывая упырей. Дракула поднял своё оружие, но Тина двигалась настолько быстро, что он не смог в неё прицелиться. Он всё равно принялся стрелять и чёрная кровь хлынула из падающих замертво упырей. У Дракулы закончились патроны и Тина бросилась к нему, её руки тянулись к его глотке. Он выждал, пока она не оказалась почти вплотную, а затем его рука с ужасной силой описала дугу, ударив так крепко, что она отлетела назад, через столы и врезалась в каменную стену с такой силой, что оглушённой рухнула на пол.

Дэниел двинулся между столами, направляясь прямо к Дракуле. Вампир перезарядил свой пи-

столет, тщательно прицелился и открыл огонь. Дэниел подныривал и уворачивался, благодаря рефлексам, превосходящим человеческие и, хотя пули пролетали так близко, что он их ощущал, не одна его не задела. У Дракулы опять кончились патроны и кулак Дэниела вылетел со сверхчеловеческой силой, более чем достаточной, чтобы сразу же оторвать Дракуле голову. Но реакция Дракулы тоже превосходила человеческую. Он сдвинулся ровно настолько, чтобы кулак безвредно просвистел мимо его головы, а потом уже он засадил кулаком Дэниелу в живот. Дэниел рухнул на одно колено, скорчившись от боли и Дракула занёс кулак для убийственного удара по открытой шее.

Подоспела Тина, снова бросившись вперёд. Дракула видел её приближение, но, пока он к ней оборачивался, она оказалась достаточно близко, чтобы со всей силы врезать ему по рту. От разбитых губ разлетелась кровь и накладные вампирские зубы вылетели изо рта.

Дракула отлетел назад, по его подбородку стекала кровь. Тина помогла Дэниелу подняться, и они встали рядом и смотрели на человека, который не был вампиром. Он восстановил равновесие, выплюнул полный рот крови и воздел трясущу-

юся руку.

— Стойте! Нам нет причин сражаться. Я — не то, что вы думаете.

— Это мы уже проходили, — сказала Тина.

— Если ты не вампир, — спросил Дэниел. — То кто ты, чёрт подери?

— Я — Хайд-отступник, — ответил Дракула. — Я провёл годы в бегах, скрывая, кто и что я, за многими масками.

— Я думала, что Эдвард убил всех остальных Хайдов, — заметила Тина. — Как ты смог сбежать?

— Меня не было, когда он приходил оторвать мне голову, — ответил Дракула. — Я должен был оставаться незаметным, но, когда я услышал, что вы уничтожили Кланы монстров… Я увидел шанс.

— Поработив упырей? — спросил Дэниел.

— Не то, чтобы их жизни имели какую-то ценность… И я превратил их в одну из самых многочисленных преступных организаций Лондона! Послушайте, я не жаден. Мы можем править упырями вместе и делить прибыль. Этот путь принесёт деньги, достаточно для всех нас.

— Нет, — ответил Дэниел.

— Мы не опустимся до такого, — ответила

Тина.

— О, хватит! — сказал Дракула. — Мы же Хайды!

— И есть грань, которую мы не пересекаем, — добавил Дэниел.

— Какая грань? — переспросил Дракула.

— Дети, — ответила Тина.

— Мы убиваем чудовищ, — сказал Дэниел. — А единственное чудовище здесь — ты.

Дракула повернулся, чтобы отдать приказ упырям, но те уже двигались к нему, проходя мимо Дэниела и Тины. Их глаза были устремлены на бывшего хозяина и все они улыбались теми же ужасающими улыбками.

— Они видели накладные клыки, — пояснил Дэниел. — И они видели, как ты истекал кровью. Теперь, когда они знают, что ты не вампир, у тебя нет над ними власти.

— Они не могут убить меня, — пробормотал Дракула, когда упыри окружили него. — Это не в их природе!

— Думаю, с этим проблем не возникнет, — ответил Дэниел. Он обернулся к Тине. — Я позабочусь об этом. А ты освободи пленников и уведи их отсюда.

— Почему мне нельзя с ним разобраться? —

спросила Тина. — Ты обещал мне убийства и погромы!

— Позже, — пообещал Дэниел. — Ты освободишь пленников, потому что ты — привлекательная. Тебя они не очень испугаются. Разумеется, они ведь не знают тебя, как я.

Тина улыбнулась. — Спасибо за комплимент.

Она исчезла в соседней комнате и оттуда донёсся звук раздираемой стали, когда Тина вымещала на клетках свою ярость. Через некоторое время она вернулась вместе с узниками и повела их через пещеру. Большинство ослабело настолько, что им приходилось держаться друг за друга, но Тина помогала им двигаться, пока они не вышли из пещеры и не начали подниматься по ступеням. Дэниел повернулся к Дракуле, взвешивая в руке деревянный кол.

— Я не настоящий вампир! — проговорил Дракула. — Это не сработает со мной!

— Кол всегда срабатывает, — заметил Дэниел. — Если вбить его поглубже.

Он двинулся вперёд и упыри расступились, пропуская его. Дракула нанёс Дэниелу отчаянный удар, но тот аккуратно увернулся и вонзил кол под грудину. Изо рта Дракулы снова полилась кровь и он обеими руками схватился за

кол, пытаясь его вытащить. Дэниел ударил по колу ладонью и вбил его прямо в сердце. Дракула замертво рухнул на пол и упыри испустили единый низкий звук, будто общий вздох. Дэниел кивнул им.

— Bon appetite.

Он развернулся и ушёл, не оглядываясь. Он должен был помочь Тине вывести пленников к безопасности, но потом… Он обещал ей ночь погромов и убийств, и эта ночь ещё не закончилась.

Перевод: BertranD

Андрей Белянин
Как казак графа Дракулу напоил

Андрей Белянин, "Как казак графа Дракулу напоил", 2006

В давние времена, в далёкой земле румынской, в горах Карпатских, стоял чёрный замок. Все жители окрестные за семь верст его обходили, потому как жил там ужасный вампир граф Дракула. Заманивал он к себе одиноких путников да и сосал у них кровушку. Нет, не сразу, знамо дело, он же граф — стало быть, культурою не обиженный, благородных статей, опять же воспитания приличного.

Поначалу всегда накормит, напоит, спать в постелю чистую уложит, свечку лично задует — как же без обходительности... Это уж потом, как стемнеет окончательно да уснет гость разомлевший, тут он и кусаться ползёт... Но опять же по благородному, без насилия — так, придушит слегка, в глаза посмотрит эдак, со значеньицем, и уж тогда в шейку белую зубищи-то и вонзает! Ему что мужик, что баба, что дитё малое — всё

без разницы, насосётся себе крови и в родной гроб спать-отдыхать завалится. Уж такой вот был малоприятный злодей, прости его господи…

А в те поры шёл себе до дому казак. Издалека возвращался, из плена турецкого. Оно, конечно, в Турции-то потеплее будет, и фрукты, и курага, и жён хоть целый гарем иметь можно, но вот потянуло домой человека! Поломал он стенку в тюрьме турецкой, форму свою назад взял, шашку верную забрал, хотел было ещё чего попутно разнести, да турки отговорили… Мол, иди отселя, добрый человек, никто тебе препятствиев чинить не будет, а минареты ломать тоже не дело — всё ж таки культурно-историческое наследие! А дороги-то и не указали… Может, оно не со зла, конечно, да тока рано ли, поздно, заплутал казак. Крюком срезать хотел, да, видать, свернул не в ту сторону…

Долго шёл, матерился, но как-то вышел себе к закату солнышка на тропиночку мощёную, а впереди, на горе высокой, здоровенный такой замок стоит. Сам весь чёрный, архитектуры романской, и вороны над ним кружат с мышами летучими вперемешку. Казак, душа добрая, общительная — дай, думает, зайду рюмку чаю выпить, поздоровкаться. Его ж и не предупредил никто, что в

замке том живёт гроза Карпат, сам бледный граф Дракула! Да он бы и не поверил, покуда сам не налюбовался…

Однако сказка не кот, чтоб ее зазря за хвост тянуть. В общем, постучал казак в ворота резные, дубовые, — отворились двери без скрипа. Шагнул на порог, а там темно да сыро, а из-под ног тока мыши серые так и прыскают. Подивился казак, усы подкрутил, глядь-поглядь, ан в конце коридора-то огонёчек светится! Пошёл туда, а двери за спиной сами собой закрываются, засовами лязгают, замками звенят, путь к отступлению отрезают напрочь!

Идёт себе казак, шаг печатает — козырёк с глянцем, походка танцем, портупея скрипучая, щетина колючая: не брит три дня, плохо… так везде ж без коня, пёхом! Доходит до большущей залы красоты неописуемой — люстры горят хрустальные, стены повсеместно картинами изувешаны, посредине стол богатый, закусью разной щедро уставленный, а в уголочке, на табуреточках, — чёрный гроб стоит!

— Здорово вечеряли, хозяева, — поклонился казак, да тока не ответил ему никто. — А не будете ль в претензии, коли я от щедрот ваших слегка откушаю? Не пропадать же христианской душе

под вечер без провианту, уж не объем небось…

Сел он за стол, перекрестился, да тока первую рюмочку водки налил, как гроб чёрный вздрогнул, явственно. Пожал плечами казак, шашку на колени уложил поудобнее… В те поры слетает крышка гробовая об паркет с жутким грохотом, и встаёт из красного бархата красавец мертвец типажу вампирского. Высок да строен, костюм ладно скроен, ликом бледен, недужен и два зуба наружу!

— Я, — говорит, — хозяин сего замка, бессмертный граф Дракула. Но ты меня покуда не бойся, можешь есть-пить вволю, я позднее ужинать буду…

— Благодарствуем, граф. — Казак кивает. — А тока бояться тебя у нас резону нет. Вот она, шашка златоустовская, клейменая — тока пальчиком помани, сама из ножен выпрыгнет!

— Ха-ха-ха! — демонически эдак граф хихикнулся. — Да разве ж мою бессмертность обычным оружием поразишь?:

— Ну попробовать-то можно?

— Изволь…

Подошёл к казаку граф Дракула, плащик чёрный с изнанкой красною распахнул, манишку белую предоставил, а сам глазом хитрым мигает

насмешливо — дескать, бей, руби, казачина! А ить казака-то и самого интерес берёт: ткнул он графу в пузо тощее — шашка возьми, со спины и выйди. Стоит вампирская морда, хиханьки-хаханьки строит. Казак клинок назад потянул, а на лезвии, вишь, хоть бы капля крови — так, пыль одна…

— А всё потому, что кровью чистою я сам пропитаюся. И за то сила мне дана великая, могу одной рукой хоть пятерых казаков победить! — Взял граф со стола вилку железную да и скатал в ладошках в шарик ровненький. А сам всё ухмыляется: — Ешь-пей, гость долгожданный. Как ты закончишь, так и я начну…

Казак с силою спорить не стал — кто ж голым задом гвозди гнёт?! Налил с горя, налил ещё, а на третьей чарке водка кончилась. Огорчился он:

— Что ж за гостеприимство такое? И полчасика не посидел, а уж выпить нечего?

— Как нечего, — возмущается Дракула. — Вона вино, да коньяк, да пиво — пей, хоть залейся.

— Баловство энто всё! — поясняет казак. — Винцо слабое — хоть до утра пей, а ни в голове, ни в… С пива тока в сортир кажный час бегать, коньяки клопами да портянками пахнут, а вот нет ли водочки?

Осерчал вампир румынский, стакан хересу

разбавленного хлопнул да и самолично из подвалу бутыль литровую принес. Усидел её казак за разговором, ещё требует. Подивился граф, но спорить не стал — с двумя бутылями возвратился. Казак уж повеселее глядит, фуражку набекрень заломил, анекдотами похабными, турецкими хозяина потчует. Час-другой, а и нет водки-то! Граф со стыда сам не свой, по щёчкам беленым румянец пополз зеленоватый — в третий раз побежал поллитру добывать! Спешит, спотыкается, вишь, до рассвету-то недалеко, а он всю ночь не жрамши. Один херес на пустой желудок, ить развезёт же…

А казак знай своё гнёт, он, может, последнюю ноченьку гуляет на свете. Так наливай, злодей, — за Русь-матушку, за волю вольную, за честь казацкую! До краев, полней, не жалей, всё одно помрём, чё ж скупердяйничать?! Истомился граф, колени дрожат, кадык дёргается, изо рта слюнки бегут, на манишку капают…

— Не могу больше, — говорит, — сей же час крови чистой хоть глоточек да отведаю!

А казак, после четырёх литров беленькой, тоже языком-то натужно водит:

— Н-наливай, не жалко! Угостил т-ты меня на славу, ни в чём не перечил — потому и я тебя, ик,

за всё отпотчую!

Сам, своею рукой шашку вытянул да по левой ладони и полоснул! Полилась кровь тёплая, красная, густая, казачья, прямо в рюмку хрустальную… Как увидал сие вампир Дракула, пулей к столу бросился, рюмочку подхватил да и в рот! Так и замер, сердешный…

Глазоньки выпучил, ротик расхлебянил, из носу острого пар тонкой струйкой в потолок засеменил, а в животе бурчание на весь зал. Потом как прыгнет вверх да как волчком завертится! Сам себя за горло держит, слова вымолвить не может, а тока ровно изжога какая его изнутрях поедом ест, зубьями кусает, вздохнуть не дает. Кой-как дополз до своего гроба чёрного, крышкой прикрылся и в судорогах биться начал без объяснениев…

Помолчал казак, протрезвел, сидит как мышь, свою вину чувствует. Глядь, а за окошком, в щели узкие, уж и рассвет пробивается. Встал он тогда, руку салфеткой перевязал, к гробу подошёл, прощаться начал:

— Уж ты извиняй, светлость графская, ежели не потрафил чем. За хлеб-соль спасибо! А тока что ж тебя, горемычного, так-то перекорежило?

— А не хрен стока пить, скотина! — из-под

крышки донеслось истеричным голосом. — Я ить чистую кровь пью, а у тебя, заразы, апосля четырёх литров такой коктейль сообразовался — у меня аж всё нутро огнем сожгло! На три четверти — водка! Совесть есть, а?!

— И впрямь… нехорошо как-то получилось… — пробормотал казак, поклон поясной отвесил да и пошёл себе — благо с рассветом и двери нараспах открылися.

А тока одну бутылку водки с собой втихаря приобмыслил. На всякий случай, вдруг ещё какой другой вампир по пути попасться решит. Ну а нет, так хорошей водочкой возвращение в края родимые отметить!

А граф Дракула, говорят, с тех пор тока кефиром и лечится и о казаках вспоминает исключительно матерно. Уж такой он малоприятный злодей, прости его, Господи…

Вук Задунайский
Сказание о господаре Владе и Ордене Дракона

Бысть в Мунтьянской земли греческыя веры христианин воевода именем Дракула влашеским языком, а нашим Диавол. Толико зломудр, яко же по имени его, тако и житие его.[57]

Вук Задунайский, "Сказание о господаре Владе и Ордене Дракона", 2008

Крепки монастырские стены. Узки горные тропы. Круты склоны Святой горы, надёжно защищены они морем от поругания. Повсюду пламя бушует, топчут поганые нехристи земли православные, рушат храмы, плач доносится со всех сторон, но стоит Хиландар,[58] как утёс по-

---

[57] Примечания: 57

В качестве эпиграфов здесь и ниже использованы отрывки из «Повести о Дракуле воеводе». Список ГПБ, Кирилло-Белозёрское собрание, № 11/1068 (Ефросиновский список).

[58] Примечания: 58

Хиландар — монастырь сербской православной церкви на горе Афон, сохранился до наших дней.

среди ярящихся волн, и не под силу тем волнам сокрушить его. Но не только стены, скалы и море защищают Хиландар. Стоит он на Святой горе Афон, и нет туда ходу тому, кто нечист душой. Нет туда ходу ни душегубу, ни отступнику, ни духу адскому. Хранят древние стены седую мудрость веков. С самого первого камня в основании, заложенного святыми Саввой и Симеоном, копится в Хиландаре эта мудрость, по крупице прибавляется каждый божий день. А ну как поднимется она выше стен монастырских, что тогда устоит?

Глядят святые с икон и фресок. Глубоки их глаза, глубоки и печальны. От многой мудрости много печали. Заполняют библиотеку монастырскую тома, свитки да пергаменты. И хранят их монахи-книжевники[59] со всем тщанием. Времена приходят, и времена уходят, а сокровенное знание живёт вечно. Живёт благодаря любви к истине, которая есть слово Божье. Громко говорящий да не услышит. Грош цена вере той, что прокладывает себе дорогу в сердцах людских огнём да мечом. Оплела образ святого Симеона, высеченный в скале, виноградная лоза — чудесным образом выросла она из камня. Так и вера

---

[59] Примечания: 59
Книжевник — писатель, книговед *(серб.).*

живая — сама оплетёт она руины и вдохнёт в них жизнь, едва стихнет буря.

Размышлял про то отец Николай, возвращаясь в свою келью со службы в храме Соборном. Был он одним из тех умудрённых книжевников, коим доверил Господь заботу о слове своём, и нёс эту тяжкую ношу отец Николай честно, по совести, не жалуясь и не перекладывая на других. Просыпался он рано поутру, вставал вместе с первыми лучами солнца, умывался водой ключевой, творил молитву, шёл пешим ходом до монастырской пристани и возвращался обратно, дабы члены его не дряхлели преждевременно. А там уже прибегал с трапезой Ратко — сирота, росший при монастыре, ученик отца Николая. Проста была монастырская пища: пресная погача[60] да лепинья,[61] рыба, сыр козий, цицвара,[62] гиба-

[60] Примечания: 60
Погача — постный пресный хлеб *(серб.).*

[61] Примечания: 61
Лепинья — лепешка *(серб.).*

[62] Примечания: 62
Цицвара — каша из муки на молоке (воде) с козьим сыром *(серб.).*

ница,[63] подварак[64] капустный, маслины да иные дары монастырского сада с огородом. Водой запивали монахи еду, отварами травяными и реже — молодым вином. Корпел отец Николай над пергаментами с утра до вечера, прерываясь только на молитву да трапезу. Лишь на празднества великие оставлял он рукописи свои и шёл с монахами в храм Соборный на службу.

---

[63] Примечания: 63

Гибаница — сырный пирог *(серб.)*.

[64] Примечания: 64

Подварак капустный — блюдо из квашеной капусты, которую сперва тушат, а затем — запекают в специальной посуде (тепсии) *(серб.)*.

Как посмотришь на отца Николая — так увидишь пред собой столь великого праведника, что ажно тошно станет. Идёт ли он по дороге

к пристани иль в храме молится — так глаза вверх устремлены, а в них — думы совсем не мирские. Так и падал он часто на ровной дороге, задумавшись. Но ведал Ратко, что учитель его, хотя и не чужд созерцанию смиренномудрому, не токмо им одним пробавляется. Как сядет он за свои летописи любимые — так и преображается весь. Откуда только что берётся! Глаза горят, как глазам благонравного монаха гореть не должно, борода вздыбливается, как у козла бешеного. А то ещё как начнёт отец Николай бегать взад-вперед по келье, как лев по клетке, — тут только держись! А и падал он частенько на ровном месте, ибо всю дорогу помышлял о том, какой клад по крупице извлёк из небытия.

— Ты только помысли, сыне, — восклицал отец Николай, — как милостив к нам Господь! То, что держим мы в руках, есть бесценное сокровище! Пройдут века, люди забудут о том, что было. Кто им напомнит, кроме нас? Про всё забудут: про царей и воевод, про князей и простых людей, про зло и добро. Всё стирается из памяти людской. И неоткуда будет людям узнать о корнях своих, кроме как от нас. И будет всё так, как в этих книгах. А кто их пишет? Мы! То-то же! А вот теперь поведай мне, аспид, почто ты намедни залил

список с «Деяний османов» чернилами?

Сурово говорил отец Николай — но улыбался при этом. И ведал Ратко, что нет злости в учителе на него за испорченный пергамент. Мудр был отец Николай и вся жизнь его была в книжевности.[65] Перечитывал да переписывал он летописи дней давно минувших, а всё прочее для него будто и не существовало. Потому выносил Ратко ворчание учителя со смирением и ответствовал только:

— Не гневись, отче. Я всё перепишу.

* * *

> Царь же, услышав то от посла своего, что Дракула хощет приити к нему на службу, и посла его почести и одарити много. И велми рад бысть, бе бо тогда ратуяся со восточными. И посла скоро по всем градом и по земли, да когда Дракула пойдёт, никоего ж зла никто дабы Дракуле не учинил, но ещё и честь ему воздавали. Дракула же поиде, събрався с всем воиньством, и приставове царстии с ним, и велию честь ему воздаваху. Он же

[65] Примечания: 65
Книжевность — написание книг, литература *(серб.).*

преиде по земли его яко 5 дни, и внезапу вернуся, и начат пленити градове и села, и множьство много поплени и изсече, овие на колие сажаху турков, а иных на полы пресекая и жжигая, и до ссущих младенець. Ничто ж остави, всю землю ту пусту учини, прочих же, иже суть християне, на свою землю прегна и насели. И множьство много користи взем, возвратись, приставов тех почтив, отпусти, рек: Шедше, повеете царю вашему, яко же видесте: сколко могох, толико еемь ему послужил. И будет ему угодна моя служба, и аз ещё хощу ему тако служити, какова ми есть сила. Царь же ничто ж ему не може учинити, но срамом побежен бысть.

Научен был Ратко грамоте — спасибо отцу Николаю, загодя готовил он себе смену. И хотя был отрок ещё совсем зелёным, а уж доверяли ему делать списки с летописей — слово в слово. Ну а больше был он на побегушках при учителе — сходи туда, принеси то, дай чернил, просуши лист. Но не серчал Ратко на такое ученичество. От кого бы узнал он столько, сколько от отца Ни-

колая! Помнится, когда писал тот «Сказание про битву на Косовом поле», так Ратко ни на шаг не отходил от него, написанное только что из рук не выхватывал. Видел он будто бы пред собой, как сошлись два войска могучих, как железо входит в плоть живую, ломаются древки, звенят щиты, ржут кони. А ещё мечтал он быть как князь Милош Обилич, мчаться на коне сквозь турецкие ряды, рубить нехристей мечом, а потом ворваться в шатёр и вспороть ножом толстое брюхо султану — до самой бороды. Бывало, так размечтается Ратко, что чернила прольёт или яблоки на пол рассыплет. Не ругал его за то учитель, только приговаривал порой: «Ай да Ратко! Растёт ученик!»

А после Пасхи стали ученик с учителем и вовсе пропадать — как засядут в келье, так даже на службу не дозовешься. Дивится братия — уж не переусердствовали ли они в книжевности? Не ведали монахи, что принялся отец Николай за хроники ордена Дракона. Немало поведал он Ратко, пока писал.

О том, что основал орден не кто-нибудь, а столь любимый Ратко князь Милош. Каждый раз, входя в храм Соборный, спешил Ратко в северный придел, дабы глянуть на фреску, где написан был князь Милош в полный рост с мечом в руке. На

голове его был шлем с драконом — прежде-то Ратко и не знал про то, что это дракон, покуда отец Николай не просветил.

А ещё поведал ему учитель о том, что рыцарей ордена прозвали змиевичами,[66] по имени оного же дракона. Так нарёк царь Лазарь князя Милоша на вечере пред битвой Косовской. И не потому нарёк, что князь предал его — не водилось такого за Милошем никогда! А затем нарёк, что был князь Милош первым рыцарем ордена, и не просто искал он встречи на поле боя с султаном Мурадом, позабыв о делах иных. А ещё поведал отец Николай о другом змиевиче — короле венгерском Сигизмунде Люксембурге, ставшем во главе ордена. И про дела орденские поведал, как боролись его рыцари — все сплошь господари да воеводы сербские, венгерские, валашские да молдавские — с турками, как выходили смельчаки против вождей османских и убивали их ценою своей жизни. И не было ни доселе, ни после сего примеров, чтобы бок о бок сражались рыцари православной и латинской веры. Вот какие они были, змиевичи.

Загорелись глаза у Ратко от таких рассказов. Да

---

[66] Примечания: 66
Змиевич — змей, дракон *(серб.).*

и как не загореться! Был он ещё мал совсем, когда разорили и пожгли турки его деревню. Видел он, как убивали родных, отца и мать. Самого его увели турки в полон. Ещё свезло мальцу, что не попал он на галеры турецкие, а купили его монахи греческие у торговцев и отдали потом в Хиландар. Тут глаза и не так загорятся! Засели учитель с учеником в келье, носа оттуда не кажут месяц, другой, исхудали за таким делом. Да только охота ж пуще неволи. Как поминал Ратко слова учителя о том, что от них теперь зависит вечная жизнь тех, про кого они летописи слагают, так руки сами к перу и тянулись. Рос ученик.

Пришёл как-то поутру Ратко в келью — а отца Николая нет, вышел ноги размять по обыкновению. Свечи совсем оплавились — видать, трудился учитель всю ночь. Поставил Ратко поднос с трапезой на стол да сунул нос в пергамента. Лежал посреди стола лист, и было на нем рукою отца Николая начертано:

Сказание о валашском господаре Владе Дракуле по прозванию Цепеш

А дале такие шли слова:

«Был в Валашской земле господарь

Влад, христианин веры православной, имя его по-валашски Дракула, а по-нашему — Дракон. Так велик и мудр он был, что каково имя, такова была и жизнь его. 30 октября 1431 года от Рождества Христова, в канун Врачеви, увидел он свет в замке Сигишоара. То был славный день для отца его, господаря валашского Влада II, ибо пришла ему весть о том, что посвятил его король Сигизмунд в рыцари ордена Дракона. Посему Влад, сын Влада, потомок Великого Басараба, получил такое диковинное имя да дракона на знамени. Не рождалось ещё в земле Валашской столь могучего воина и мудрого правителя, коим был Дракула. И вскрикнула мать его, княгиня Василисса Молдавская, едва появился он на свет, пала на подушки, и отошла душа её в выси горние, ибо прозрела она всё величие, выпавшее на долю её сына».

* * *

И толико ненавидя во своей земли зла, яко хто учинит кое зло, татбу или разбой, или кую лжу, или неправду, той никако

не будет жив. Аще ль велики болярин, иль священник, иль инок, или просты, аще и велико богатьство имел бы кто, не может искупитись от смерти, и толико грозен бысть.

Как прочёл сие Ратко, так рот у него и открылся. Не слышал он доселе ни про господаря Влада, ни про славные его деяния. Так и стоял бы, кабы отец Николай не подошёл. Увидал он раскрытый рот и засмеялся. Преломил погачу, закусил сыром да маслинами, запил водицей, сел за стол, и перо его вывело на пергаменте:

«Был юный Влад Дракула одарён умом и умением привлекать сердца людские. Владел он латынью, немецким и венгерским языками, а потом ещё и турецким. Воинское искусство постигал он не только на Западе, но и на Востоке, кои навыки потом неоднократно и с таким успехом применял. Его рыцарская доблесть не знала себе равных. С турниров не возвращался Дракула побеждённым, и даже в славном городе Нюрнберге сохранилась память о его достославном поединке с немецкими рыцарями. Был Дракула

высок ростом, весьма крепко сложен и строен. Черты его были цветущими: орлиный нос, длинные ресницы, зелёные, широко раскрытые глаза. Чёрные кудри волнами ниспадали на широкие плечи. Оборачивались жёны ему вослед, вздыхали девицы. И был он силён, как бык, и вынослив. Измученная войнами страна давно ждала такого господаря».

— А дальше? Что было дальше? — спросил Ратко.

— Вот неугомонный!

Отложил отец Николай перо и задумался. Всё стирается из памяти людской. Проходят века, люди забывают о том, что было. Про всё забывают: про царей и воевод, про князей и простых людей, про зло и добро. И будет всё так, как написано в этих книгах. К чему зло плодить? Его и так через край вокруг…

— Слушай, сыне, я поведаю тебе про господаря валашского Влада Дракулу по прозванию Цепеш. Был он великим воином и правителем. Народ в правление его благоденствовал, не опасаясь проклятых турок. Можешь ли ты представить себе это? Много ли сейчас таких народов в наших

краях? Не мог такой господарь не нажить себе врагов на Западе и на Востоке. Не одолели они его при жизни — так чернят имя его после смерти. Да только зачем их слушать?

Провёл Влад отрочество у турок в заложниках. Отец отдал его с младшим братом Раду султану Мухаммеду, ибо не мог поступить иначе. Но судьба была немилостива к старшему Владу. Опутали его тенётами коварные венгры, опутали — и погубили. И старшего сына его, Мирчу, тоже сжили со свету. Как проведал о том Дракула, так ничего не оставалось ему, как бежать от султана и идти отвоёвывать престол отца своего. С лёту овладел он тогдашней столицей Валахии, Тырговиште, и не успели враги помешать ему, ибо был он рождён властителем, коего ждал народ. Все бояре до единого отдали за него свой голос.

В одеяниях белых взошёл Влад, сын Влада, на престол господарский. И украшал главу его венец, который добыл он в славном городе Нюрнберге на турнире. Был венец искусно сделан из серебряных цветов и листьев тончайшей работы и украшен рубинами, сверкавшими на солнце, как капли крови голубиной. Быстро навёл Дракула порядок в стране. Каждый получил по делам своим: любовь господарскую и дары богатые — за

добрые деяния, гнев и наказание — за худые. Не стало в землях валашских воровства и татьбы. На главной площади в любом городе стояло по золотой чаше, дабы люди могли испить воды из источника. Никто эти чаши не охранял — но никто и не крал их…

— Да ну!

— Во тебе и да ну! Это правда истинная! В том согласны все летописи. Купцы оставляли свои товары прямо на улицах — и никто не брал их. Обокрали однажды в столице некоего купца семиградского[67], взяли у него из повозки ночью пятьдесят дукатов — так на следующий же день по приказу господаря злоумышленника нашли и наказали, а купцу вернули украденное, прибавив к нему один дукат. И купец тот был честен настолько…

— Вот этого уж никак не может быть! Где ж такое видано — честные купцы?

— А вот может! Невиданное делал Дракула обыденным. Так вот, когда купец благодарил господаря, поведал он ему, что воры вернули ему на один дукат более, чем похитили. На это ответил господарь, что ежели купец утаил бы

---

[67] Примечания: 67

Семиградье — историческое название Трансильвании.

сей дукат, то сам бы подвергся наказанию вместе с вором. А ещё не стало при Дракуле лодырей. Как-то приметил господарь в поле крестьянина, рубаха которого была коротка. Выспросил господарь, есть ли у того жена, достаточно ли льна он вырастил. А когда оказалось, что и жена имеется, и льна достаточно, наказал господарь жену крестьянина, поленившуюся соткать для мужниной рубахи достаточно ткани.

А поелику не стало в стране воров и лодырей, то не стало и бедняков. Сербы да болгары рады были, когда удавалось им вкусить на Пасху краюху погачи пресной да испить кружку молока козьего, а в Валахии даже простые люди по воскресеньям ели жареных поросят да гусей. Амбары ломились от зерна, бочки были до краёв полны вином, по лугам бродили стада тучных коров, а уж кур сколько бегало — не считал никто. Не стало при Дракуле таких людей, у коих не было бы лошади с телегой, и даже самые простые крестьянки надевали при нём на праздники золотые мониста. Надолго запомнил народ сие благоденствие.

Но не токмо им было славно правление Дракулы. В те поры все люди были равны пред господарём, но при этом каждый — на своём месте. Крестьяне пахали землю, купцы торговали,

воины — воевали, бояре — управляли. И всякий делал это ладно и ко времени. И всякий, невзирая на род и положение, мог прийти к господарю и говорить с ним. И всякий мог рассчитывать на его помощь. Но также знал всякий, что наказание за проступки зловредные будет таким же, как и у прочих. Справедлив был господарь Влад и строг со своим народом, как отец с детьми. Но разве не нуждаются дети в строгости? Ведь без неё и купец не будет честным, и бояре воровать не перестанут, а уж народ — так и вовсе от кувшина с вином не оторвётся. Возвёл Дракула в захолустье Букурешть-замок, и выросла потом на том месте новая столица Валахии.

Но не только этим заслужил Дракула любовь своих подданных. Был он рождён воином, истым змиевичем, и хорошо это помнили враги его. Бил он их в Валахии и Семиградье, в Сербии и Молдавии, в Боснии и Болгарии. И где бы ни появлялся его шлем, увенчанный, как у князя Милоша, драконом, где бы ни реяло его драконье знамя — везде ждала победа воинство христианское. Надевал Дракула свой прославленный доспех из множества мелких чешуек золочёной стали, наподобие кожи драконьей, брал в руки меч — и враги бежали пред ним. Изгнал он турок из

Сербии, освободил крепости Шабац и Сребреницу излюбленным своим способом — переодевшись вместе с самыми верными воинами в турецкую одежду и обманным путём проникнув в крепость, поддержал он потом идущих на приступ изнутри. С побратимом своим, молдавским господарём Штефаном, прогнал Дракула турок из Молдавии. С Яношем Хуньяди одолел он турок в Београдской битве. А многие ли тогда умели побеждать непобедимых османов?

Очистил Дракула от турок всю страну свою, особливо Южную Валахию, где они по недосмотру Господнему чуть было не расплодились. Захватил он там три больших турецких крепости — Джурджиу, Новиград и Туртукай — и перестал платить дань туркам. Зол был султан Мухаммед, рвал он на себе шёлковые халаты да сёк рабам головы. А толку-то? Не мог ничего поделать султан с рыцарем ордена Дракона. И тогда надумал он стереть Валахию с лица земли…

Глянул отец Николай на Ратко — а у того глаза не на месте.

— Но не стёр же он, правда?

— Нет, сыне. Куда ему, этому султану! Ишь ты, а я и не приметил, как за делами да разговорами день прошёл. Иди почивать, умаялся небось, а я

пока потружусь. Только свечи мне поставь. Иди.

Осенил отец Николай Ратко крестным знамением, коснулся губами его лба — и вернулся к рукописям своим. Снилось Ратко всю ночь, что он витязь в сверкающих золотом чешуйчатых доспехах, а на голове у него — шлем с драконом. Мчится он по полю брани, разя мечом турок поганых, и попирает его конь их трупы копытами. И крик вырывается из гортани его: «Мортэ лор! Мортэ лор!»[68] Семиградье — историческое название Трансильвании. Свистит ветер в ушах, струятся по плечам вороные кудри, а впереди из-за гор восходит алое солнце.

* * *

> Единою ж пусти по всей земли своё веление, да кто стар, иль немощен, иль чим вреден, шь нищ, ecu да приидут к нему. И собрашась бесчисленое множество нищих и странных к нему, чающе от него великиа милости. Он же повеле собрати всех во едину храмину велику, на то устроену, и повеле дати им ясти и пиши доволно; они ж ядше и возвеселишась.

---

[68] Примечания: 68
Мортэ лор — смерть им *(рум.)*.

> Он же сам приде к ним и глагола им: Что ещё требуете? Они же ecu отвещаша: Ведает, государю, Бог и твоё величество, как тя Бог вразумит. Он же глагола к ним: Хощете ли, да сотворю вас беспечалны на сем свете, и ничим же ну жни будете? Они же, чающи от него велико нечто, и глаголаша ecu: Хощем, государю. Он же повеле заперети храм и зажещи огнём, и ecu ту изгореша.

Наутро чуть свет побежал Ратко в храм полюбоваться ещё разок на князя Милоша, а потом через кухню, на ходу закусив гибаницей, поспешил он в келью к отцу Николаю. Тот гулял по обыкновению, и прочёл Ратко последнюю его запись:

> «Весной 1462 года Махмуд-паша, великий визирь султана Мухаммеда, во главе армии из тридцати тысяч воинов вышел в карательный поход против господаря Влада Дракулы. Османы переправились через Дунай и напали на Валахию».

— Что? Что дальше было? — накинулся Ратко на вошедшего учителя.

Оторопел тот сперва. Но не будешь же сироту

за такое лупцевать! Потому и ответствовал:

— Сбегай сперва к брату Ничифору за пергаментом да за чернилами, а потом поведаю я тебе, чем дело кончилось.

Бежал Ратко, не чуя ног под собой. И как только сосуд с чернилами не разбил? А когда прибежал, бухнул всё на стол, уселся в углу кельи на овечьей шкуре, поджал худые ноги — и жадно внимал учителю.

— Вошло войско Махмуд-паши в Валахию и принялось разорять её…

— Но как же?! Почему господарь оставил свой народ?!

— Терпение, сыне! Твою деревню разорили когда-то турки в таком же грабительском походе, и ни один из господарей за вас не вступился. Не всесильны они, господари. Только Господь всемогущ, запомни это. Ну так вот. Пограбили, пожгли да поубивали турки всласть, как повсюду они это делают. Много пленников взяли они, дабы потом продать их на рынках своих богомерзких. И вот на обратном пути, когда переправлялись турки через Дунай с награбленным добром и пленниками, налетел на них Дракула со всем своим войском — а и было его в те поры не больше трёх тысяч всадников. Налетел — и одолел, турки и

опомниться не успели. Десять тысяч турок убиты были на месте, ещё столько же — при бегстве поспешном. Мало кто из турок добрался тогда до дома своего.

— Вот это да!

— Да, победа была неслыханной. Одолел Дракула турок, коих было в десять раз больше, нежели его воинов. Не бывало такого прежде. И мыслить стали другие господари — видать, не так уж и непобедимы эти турки, раз под силу смертному мужу одолеть их. Вернул Дракула всё награбленное добро обратно и освободил людей. Убитых не мог он вернуть, но разве напрасной была их жертва? А уж какой злобой изошёл султан после этого! Но Турция сильна была — она и теперь сильна, одолеть мы её всё никак не можем. Выслал тогда султан Мухаммед на Валахию новое войско — в десять раз больше прежнего. Двести пятьдесят тысяч сабель! И сам пошёл во главе. Кликнул тогда Дракула на битву рыцарей ордена Дракона — короля венгерского Матиаша да побратима своего Штефана, господаря Молдавского. Да только не явились они — кто на засуху жаловался, кто на дожди. Стали их воинства на границах и ждут, пока с турками дело решится. Не устоять на этот раз господарю Владу. Стать Валахии пепелищем.

— И что же?

— Воистину случилось чудо, сыне! Хорошо усвоил Дракула уроки битвы Косовской — так хорошо, что ни одной ошибки царя Лазаря не повторил. Твёрдо знал господарь Влад, что нельзя побить османов в открытом бою. Как бы ни были доблестны его воины — а не одолеть двадцати пяти тысячам двести пятьдесят.

— Но одолел же он их, одолел?

— То-то и оно, что одолел! С тех самых пор турки и заговорили о Дракуле-колдуне. Ан не было там никакого колдовства! Держи крепче оружие в руках, будь чист сердцем, думай головой, а не задом — вот и всё колдовство. Так слушай — летом 1462 года вступило в Южную Валахию несметное войско османское. Но что видит султан на месте цветущего края? Ни деревни, ни колосящегося поля, ни колодца, ни амбара. Ничего нет! Лишь чёрный дым от горящих полей застилает небо. Выжжена земля, отравлена вода, и нечего делать там ни людям, ни зверям. Идёт так султан день, идёт неделю. Пожрало войско его последние припасы, ибо шли налегке, уповая на лёгкую добычу. Надумал тогда султан подвозить пропитание для голодающего воинства своего по Дунаю. Но запирала вход в Дунай могучая крепость Килия,

и красовался на ней герб венгерских королей. Тут-то король Матиаш и расстарался — ни одно турецкое судно не вошло в Дунай. Осадили турки Килию, да что толку-то! Крепости ещё полгода стоять, а войско святым духом не накормишь. Но это был только зачин, ибо, когда ступили турки на дорогу, ведущую к столице валашской, начались дела пострашнее.

Как-то ночью завыли вокруг турецкого войска волки, а потом налетели на сонных турок всадники в турецкой одежде. То были воины Дракулы, и мчался он на коне впереди их, рискуя жизнью. Много турок полегло в ту ночь. Без малого тридцать тысяч. Бегали они по лагерю своему во тьме, как обезумевшие, а знаменитый чешуйчатый доспех господаря весь залит был поганой их кровищей. Не давала покоя Дракуле слава князя Милоша — она и теперь никому покоя не даёт. Разыскал он шатёр султана, ворвался в него прямо на коне да заколол того, кто лежал на султанском диване в красном халате, богато шитом золотом. Рассёк ему Дракула ножом брюхо — от живота до самой бороды. Но хитёр был султан Мухаммед, да и про битву Косовскую тоже не забыл. Посему нынче ночевал султан не в своём

шатре, а в шатре простого сотника селихтаров.[69] На диван же положил слугу в халате своём.

Остался султан жив в ту ночь, но ужас навсегда поселился в его сердце. Кровь залила шатёр его, а халат богатый порезан был на мелкие лоскутки. Много воинов потерял султан в ту ночь, а тех, что остались, нечем было накормить. И когда опять наступила ночь и услышал султан волчий вой, страх завладел его сердцем безраздельно. Молвил он своим приближённым: «Невозможно отобрать страну у мужа, способного на такие деяния», бросил войско своё и бежал в Андрианополь. И случилось это в одном дневном переходе от валашской столицы. Тогда ударил в тыл бегущим османам господарь Влад и одолел их. Только малая часть турок выбралась из Валахии. Тогда и прозвали Дракулу турки «Казыклы»,[70] ибо трупы врагов своих, по их же собственному обычаю, насадил он на колья.

Случилось невиданное! Одолел господарь Влад с его малым воинством турок. И гремела его слава по всему христианскому миру. Угнетённые воспряли духом, ибо показал он, что уязвимы

---

[69] Примечания: 69
Селихтары — тяжёлая пехота османского войска *(тур.).*

[70] Примечания: 70
«Казыклы» — «Насаживающий» *(тур.).*

османы и что ведом им страх. Сохранил господарь Влад страну свою и её жителей — насколько было это в его силах. Даже сами турки, никогда не признававшие поражений своих, в хрониках «Теварих-и аль-и осман»[71] написали про победу господаря Влада. Дабы избежать позора, въехал султан в Адрианополь ночью, как вор. А турки, что обживали захваченный ими недавно Константинополь, убоялись гнева Дракулы и стали в спешке покидать город. И всегда, во всех сражениях, больших и малых, шёл Дракула впереди воинства своего и бился наравне с простыми воинами. За то возносились ему молитвы в храмах православных и украшал его лик стены церковные. Великому герою — великие почести.

— Что же было далее? Господарь Влад управлял своей страной, и она процветала?

— Эх, сыне! Если бы всё было так, как в сказках!

* * *

Единою ж приидоша к нему от Угорскыя земли два латиноса мниха милостыни ради. Он же повеле их развести разно,

---

[71] Примечания: 71
«Деяния османов».

и призва к себе единого от них, и показа ему округ двора множьство бесчисленое людей на колех и на колёсех, и вопроси его: Добро ли тако сотворих, и како ти суть, иже на колии? Он же глагола: Ни, государю, зло чиниши, без милости казниши; подобает государю милостиву быти. А ти же на кольи мученици суть. Призвав же и другого и вопроси его тако же. Он же отвеща: Ты, государь, от Бога поставлен еси лихо творящих казнити, а добро творящих жаловати. А ти лихо творили, по своим делом въсприали. Он же призвав перваго и глагола к нему: Да почто ты из монастыря и ис келии своея ходиши по великым государем, не зная ничто ж? А ныне сам еси глаголал, яко ти мученици суть. Аз и тебе хощу мученика учинити, да и ты с ними будеши мученик. И повеле его на кол посадити проходом.

Продолжил отец Николай своё повествование:

— Чем мудрее правитель, чем благороднее и удачливее, тем больше у него врагов. И зашипели повсюду змеями злые языки, подстрекаемые врагами Валахии. Начали говорить в народе,

что Дракула — колдун, ибо не мог смертный муж свершить то, что он свершил. Называли его изувером, не имевшим прав на престол господарский. Кто только не предавал Дракулу! И венгры хитроумные, и побратим его, Штефан, господарь Молдавский, и бояре да воеводы валашские. Даже брат родной — Раду Красивый — и тот продал его туркам.

Хотели венгры завладеть Семиградьем да Валахией, истребить там веру православную и заменить её латинской. Прикрывались они господарём Владом как щитом от османов и плели исподтишка тенёта свои, звали на престол господарский князя Лайоту. Выехал в те поры Дракула с малым отрядом в замок Бран, что близ Брашова, на встречу с королём венгерским. Но была устроена в узком ущелье засада, и перебиты были воины господаря, а сам Дракула схвачен чёрным войском чешским, что служило злокозненным венграм. Злорадно писал про то турецкий летописец: «Казыклы, спасаясь от когтей льва, предпочёл попасть в когти ворону-падальщику». Ежели подо львом разумел летописец султана, то в падальщики записан им был король венгерский Матиаш Хуньяди, родовое имя которого — Корвин — по-латыни значит «Ворон». Любил,

ох любил этот ворон выклёвывать глаза у воинов, павших на поле брани!

Так начались долгие годы заточения господаря Влада в венгерском плену. Прозябали отвага и рыцарство в застенках. И только сестра короля Матиаша Илона полюбила Дракулу, и по приказу её был прорыт ход в темницу его, дабы она могла видеть своего возлюбленного. Хотел король Матиаш, чтобы Дракула принял веру католическую, но отказался тот наотрез. А Валахия под рукой Лайоты тем временем погружалась во тьму. Турки захватывали одну крепость за другой и настолько обнаглели, что самой Венгрии угрожать стали. Вот тогда обратился к королю Матиашу Штефан, господарь Молдавский, с просьбой освободить узника и дать меч ему в руки для защиты страждущих земель христианских. Не мог король Матиаш отказать Штефану. Взял снова Дракула в руки свой меч, надел он снова свою кольчугу — и бежали турки пред ним, ибо боялись его более своих жестокосердных правителей.

Таким и было житие Влада, сына Влада, господаря Валахии, — будто на острие меча. Посреди бушующего моря скалой возвышался он, и ничто, казалось, не могло сокрушить его. Но стал виновником гибели господаря случай. Однажды во

время битвы с турками выехал господарь неожиданно из-за холма — а был он одет в турецкие одежды. Не ведали воины валашские, что это их господарь, и поразили его копьями в самое сердце.

Так погиб великий воин, рыцарь ордена Дракона. Тело Дракулы новый господарь Раду — его младший брат, с коим прожил он немало лет у турок в заложниках, — выдал семейству Владову, а голову его, по обыкновению тогдашнему, отослал султану Мухаммеду. Погребли тело Дракулы в Снаговском монастыре, тихо и без почестей. Истинная доблесть всегда незаметна. И положили ему в гроб венец, который добыл он в славном городе Нюрнберге на рыцарском турнире — тот, что был искусно сделан из серебряных цветов и листьев тончайшей работы и украшен рубинами, сверкавшими на солнце, будто капли крови голубиной.

После смерти Дракулы пошло всё наперекосяк. Захватили турки и Валахию, и Молдавию, и даже Венгрию. И предали они память Дракулы поруганию. Подсобили им в том хитроумные монахи латинские. Тогда и посбивали фрески с ликами Дракулы со стен церковных. И стало всё так, как теперь: некому стада пасти, некому

урожай возделывать, и пала тень полумесяца на крест Господень.

Закончил свою историю отец Николай, и слёзы полились у Ратко из глаз. Наутро пошёл он чуть свет в храм Соборный искать, нет ли на стенах там ликов господаря валашского Влада. За этим делом и застал его игумен Прокопий.

— Что ищешь ты в храме, сын мой?

— Я ищу лик Влада Дракулы, господаря валашского.

— Чей-чей? — переспросил игумен, и выпучились глаза его. — Кто сказал тебе, что потребно искать его здесь?!

Громогласны были слова игумена. Заробел Ратко.

— Отец Николай…

— Ужо дождётся он у меня со своей ересью. Совсем стыд потерял! Пойдём к нему, пусть сам поведает, как дошёл до жизни такой, что послал отрока в храм Божий чёрта искать.

Не понял Ратко, что стряслось, но почуял, что дурное. Долго и сердито говорил игумен Прокопий с отцом Николаем. Из-за двери не разбирал Ратко слов, но гудел голос игумена, как труба иерихонская. Когда удалился игумен, вошёл Ратко в келью к учителю. Тот сидел за столом и

глядел на чистый лист. Пал Ратко на колени:

— Прости меня, отче, что глупостью своею навлёк я на тебя немилость. И в мыслях у меня того не было.

— Встань, сыне. Не твоя в том вина. Всё стирается из памяти людской. Проходят века, люди забывают о том, что было. Про всё забывают: про царей и воевод, про князей и простых людей, про зло и добро… И будет всё так, как написано в этих книгах. Мыслил я, что незачем зло плодить. Но теперь я поведаю тебе истинную историю господаря валашского Влада Дракулы по прозванию Цепеш.

Обмакнул отец Николай перо в чернила и вывел на чистом пергаменте:

> Сказание о валашском господаре Владе Дракуле по прозванию Цепеш

А дале такие шли слова:

> «Был в Валашской земле господарь Влад, христианин веры православной, имя его по-валашски Дракула, а по-нашему — Дьявол. Так жесток и зломудр он был, что каково имя, такова была и жизнь его. 30 октября 1431 года от Рождества

Христова, в канун Врачеви, увидел он свет в замке Сигишоара. То был славный день для отца его, господаря валашского Влада II, ибо пришла ему весть о том, что посвятил его король Сигизмунд в рыцари ордена Дракона. Посему Влад, сын Влада, потомок Великого Басараба, получил такое диковинное имя да дракона на знамени. Не рождалось ещё в земле Валашской столь кровавого и страшного правителя, коим был Дракула. И вскрикнула мать его, княгиня Василисса Молдавская, едва появился он на свет, пала на подушки, и отошла душа её в выси горние, ибо прозрела она всё зло, сотворённое её сыном».

* * *

Единою ж яздящу ему путём, и узре на некоем сиромахе срачицю издрану худу и въпроси его: Имаши ли жену? Он же отвеща: Имам, государю. Он же глагола: Веди мя в дом твой, да вижю. И узре жену его, младу сущу и здраву, и глагола мужу ея: Не си ли лён сеяль? Он же отвеща: Господи, много имам лну. И показа ему

много лну. И глагола жене его: Да почто ты леность имевши к мужу своему? Он должен есть сеяти, и орати и тебе хранити, а ты должна ecu на мужа своего одежю светлу и лепу чинити, а ты и срачици не хощеши ему учинити, а здрава суща телом. Ты ecu повинна, а не мужь твой, аще ли бы муж не сеял лну, то бы муж твой повинен был. И повеле ей руце отсещи и труп ея на кол всадити.

«Был Влад Дракула злобен с юных лет, имел он дар погружать сердца людские во тьму. Колдовал он и поклонялся сатане, за что был отлучён от церкви. Воинское искусство его было от нечистого, ибо ни разу не был Дракула побеждён на поле брани, и был он будто заговорён от сабель и стрел. Изуверство его не знало себе равных. Был Цепеш истым дьяволом. Роста был Дракула низкого, черты его были отвратительны. У него был большой нос крючком, как клюв грифа, и выпученные глаза, горевшие адским пламенем. Чернявые космы змеями сползали на широкие плечи. Околдовывал он женщин одним взглядом, уволакивал к себе в замок, где

надругался и пил у них кровь. И был он силён, как бык, и нельзя было его убить обычным оружием. Ужаснулась измученная войнами страна, узрев такого господаря».

Свидетельствуют о сем правдиво Михаэль Бехайм из Вены в своём «Великом изверге Дракола Вайда», итальянец Антонио Бонфини в «Венгерской хронике», иеромонах Ефросиний из Московии в «Сказании о Дракуле воеводе», да греки Дука, Критовул и Халкокондил. Сотня лет миновала с тех пор — а в народе по сей день говорят про деяния Дракулы, и кровь стынет в жилах у тех, кто слушает. Прозвание своё получил Влад оттого, что излюбленной забавой его было сажание людей на кол, ибо «Цепеш», как и «Казыклы», означает «Насаживающий». Занимался он сим богомерзким делом с утра до вечера и с вечера до утра не покладая рук. И не надо тебе, сыне, знать, что сие такое…

— Я знаю… Я видел… У нас в деревне… Турки…

— Тогда молчи, сыне, молчи. Ты слишком многое видел. Негоже это отроку. Но раз была на то воля Божья… Смерть на колу — страшная смерть. Ежели сделать всё «правильно», то пять дней че-

ловек будет умирать — и всё ещё не будет мёртв. «Искусству» сему научился Цепеш у турок, было у него время, ибо всё отрочество смотрел он на то, как свершали они богомерзкое это дело под стенами замка Эгригёз. Так слушай же далее. Страшным изувером был Дракула. Даже турки боялись его пуще шайтана — а уж страшнее турок, как известно, нет никого. Помнишь, говорил я тебе про то, что не было при Дракуле в Валахии воров и что на площадях стояли золотые чаши, а никто их не крал? Почему, думаешь? Да потому как в десятке шагов от этих чаш высились колья с телами тех, кто покушался на них, и не убирали тела до тех пор, пока грифы да вороны не склёвывали мёртвую плоть. Помнишь историю про купца, которого обокрали и которому Дракула подложил дукат? Так вот, вора тогда нашли и посадили на кол, а сам Дракула ответствовал купцу так: «Ежели не сказал бы ты мне про дукат, то сидел бы сейчас рядом с ним».

А знаешь ли, почему в господарство Владово не было в Валахии людей бедных и убогих? Да потому что извёл он их жестоко! Мыслил Дракула, что в стране его развелось слишком много попрошаек и увечных, от которых нет никакой пользы. Собрал он их всех на роскошную трапезу

в хоромах богатых. После обильного угощения и возлияния спросил Дракула гостей своих, не хотят ли они быть навсегда избавлены от забот и голода? «Хотим! Хотим!» — донеслось в ответ. Тогда приказал Цепеш запереть выходы из хором тех и поджечь их. А помнишь ли историю про крестьянина и его нерадивую жену? Так вот — жену эту Цепеш посадил на кол, сперва обрубив руки за лень.

Однажды, посадив на кол сразу тридцать тысяч человек, уселся Цепеш трапезовать прямо посреди леса из кольев с телами казнённых, дабы насладиться их предсмертными стонами. И увидал он, что один из бояр зажал нос, дабы избавиться от ужасного запаха растерзанных. Тогда Дракула приказал казнить его, посадив на самый высокий кол, дабы не беспокоил брезгливца неприятный запах. Вот, видишь, гравюра немецкая? Это Цепеш трапезует. А вот это — тела, насаженные на колья. А вот чан с человечьими головами, ибо говорят, — что Дракула не токмо убивал людей, но и пожирал их. И кровь пил, как упырь. Будучи духом нечистым, не переносил он света солнечного, выходил из замка своего всё больше по ночам, а наутро подсчитывали люди, кого умучал господарь. Умел он обращаться вол-

ком и нетопырём, мог вызывать грозу и нагонять туман — вот как велика была его тёмная сила! А про бояр честных не запамятовал? Ещё бы не быть им честными!

В одеяниях чёрных взошёл Влад, сын Влада, на престол господарский. После восшествия собрал Дракула всех бояр своих на пасхальный обед да задал им вопрос: скольким господарям служил каждый из них? Оказалось, что немалому числу: кто — пятнадцати, а кто — и семнадцати, лишь самые молодые служили всего семи господарям. И молвил тогда Цепеш: «А не ваше ль вероломство причиной тому, что недолго сидят господари на престоле валашском?» После этого всех бояр своих посадил Цепеш на кол.

Не смотрел Дракула на то, кто пред ним, какого рода-племени. Рубил он головы, сжигал, сдирал кожу, варил заживо, вспарывал животы у простолюдинов, бояр и даже у монахов. Любил он, чтобы колья различались по длине, толщине и цвету, а ещё любил, чтобы из них составлялись фигуры разные, от вида коих даже у людей бывалых сердце замирало. Пришли как-то к Цепешу два монаха. Спросил он их, что говорят о нём в народе. Один монах сказал — мол, говорят, что злодей господарь, каких мало, и кровопийца. А другой

сказал, что хвалят всё его мудрое правление. И тогда посадил Дракула на кол обоих: первого за то, что хулу возвел на господаря, второго — за то, что господарю солгал. Вот тебе и змиевич…

Но хуже всего приходилось при дворе Дракулы посланникам из других стран. Отказались однажды послы турецкие снять чалмы свои пред господарём — де, таков обычай страны их, не обнажают они голов своих даже пред султаном. Похвалил господарь Влад обычай страны их и, дабы впредь не был он нарушен даже по случайности, приказал прибить чалмы к головам послов гвоздями. А другое посольство турецкое Юнус-бея и Хамза-паши, выехавшее приветствовать Дракулу, так и вовсе исчезло бесследно — так долго думали.

А вот ещё случай был. Посланнику венгерскому во время трапезы показал Дракула позолочённый кол и спросил, зачем, по его мнению, это сделано. Ответствовал посол, что, вероятно, знатный боярин не угодил господарю, по какому почётному случаю кол и был позолочён. Похвалил господарь посланника за сообразительность и ответствовал, что кол предназначен для самого посла, дабы оказать ему высокую честь. Но умён был посол и сказал на это, что ежели виноват

он пред господарём, то, стало быть, на колу ему самое место, и золото незачем было тратить на такую собаку. По нраву пришлись Цепешу таковы слова, осыпал он гостя дорогими дарами, сказав, что любой другой ответ привёл бы досточтимого посланника венгерского прямо на оный кол. Даже попав в заточение в замок Вышеградский, не мог Цепеш ни дня прожить без любимой своей забавы. За неимением людей сажал он на кол в своей темнице крыс, мышей и птиц.

Закончил эти речи отец Николай и глянул на Ратко — были глаза у того огромны и темны, и жил в них ужас. Устыдился отец Николай, что напугал так отрока неразумного, и молвил:

— Давай-ка, сыне, ступай к себе, выспись хорошенько, а я потружусь покамест. Иди.

Осенил отец Николай Ратко крестным знамением, коснулся губами его лба и вернулся к рукописям своим. Еле-еле добрёл Ратко до постели. И снилось ему всю ночь, что он воин дьявола, и тело у него драконье, всё в чешуе, не пробиваемой ни копьями, ни стрелами, а на голове — шлем с черепом дракона. И мчится он по полю брани на огромном шерстистом волке, разя мечом проклятых турок, и попирает волк их трупы своими когтистыми лапами. И крик вырывается

из гортани его: «Мортэ лор! Мортэ лор!» Свистит ветер в ушах, змеятся по плечам вороные кудри, а впереди из-за гор восходит кровавая луна.

* * *

> Учиниша же ему мастери бочкы железны; он же насыпа их злата, в реку положи. А мастеров тех посещи повеле, да никто ж увесть съделаннаго им окаанства, токмо тезоимениты ему диавол.

Наутро чуть свет побежал Ратко в келью к отцу Николаю — успел только по пути прихватить его трапезу. Учитель в те поры прогуливался по окрестностям, и Ратко прочёл последнюю его запись:

> «Весной 1462 года Махмуд-паша, великий визирь султана Мухаммеда, во главе армии из тридцати тысяч воинов вышел в карательный поход против господаря Влада Дракулы. Османы переправились через Дунай и напали на Валахию».

Памятны были Ратко слова сии. Всё меняется в мире — одни турки остаются такими, каковы они

есть, и ничто не в силах исправить их.

— А, ты здесь уже! — приветствовал его учитель, входя в келью. — Погоды нынче какие стоят! Не лучше ль тебе подняться в гору, сыне?

Покачал Ратко головой. Не погоды ему надобны были, но истина. И пришлось отцу Николаю скрепя сердце продолжить свой рассказ:

— Надо сказать тебе, сыне, что султан не просто так прислал в Валахию воинство Махмуд-паши. Как вассал, платил Дракула дань султану. Но долго мешкал в тот раз господарь, то на засуху жаловался, то на дожди, покуда не прислал Мухаммед за данью посла своего Юнус-бея да Хамзу-пашу, наместника захваченной турками Южной Валахии. Полагались туркам на сей раз тысяча овец, тысяча золотых дукатов и тысяча мальчиков для пополнения янычарского войска. Назначил Дракула туркам встречу в чистом поле, неподалёку от крепости Джурджиу, захваченной турками ещё при отце его. Прибыл господарь в условленное место с положенными овцами и мальчиками. Но не ведал никто, что скрытно по пятам за ним следует войско его в три тысячи воинов.

Юнус-бей и Хамза-паша тоже не одни пожаловали, а с десятью тысячами сабель. Прибыли они

в условленное место — и как сквозь землю провалились. Сам же Дракула объявился через день под стенами Джурджиу. Подошло к крепости вроде бы посольство Юнус-бея со стадом овец и толпой мальчиков, турки отворили ворота и тут же были заколоты Дракулой и его воинами, переодетыми в турецкое платье. Так пали и другие турецкие крепости. Легко было Цепешу выдавать себя за пашу турецкого, ибо знал он все повадки османские и языком их поганым владел, как будто сам турком родился. Нехристям, что сидели по крепостям, не были подозрительны сигналы, что подавал господарь, отворяли они ворота, после чего ждала их гибель — кого быстрая, в бою, а кого — долгая и мучительная. Не зря прозвали турки Дракулу Казыклы.

Страшным ураганом пронёсся Дракула по Южной Валахии, громя крепость за крепостью, огнём и мечом неся справедливость в забытый Богом край. Никто не успевал донести весть о его приближении, ибо шёл он быстрее, нежели слухи о нём. Да и некому было передавать страшные вести, ибо убивал Цепеш всех до единого. Тридцать тысяч человек полегло от руки его. Даже в самой малой деревушке на площади возвышалось по три кола с насаженными на них предводителем

воинства турецкого, старостой албанским да муллой.

— Так то ж враги, отче! Разве не делали они то же самое в наших деревнях? Разве с добром пришли они к нам?

— Так-то оно так, сыне. Да только когда смерть сеешь и пожинаешь, нешто заметишь, где свои, где чужие? Султан Мухаммед в те поры воевал Грецию, не мог он выпустить надкушенный кусочек рахат-лукума изо рта, но оставлять без наказания отложившегося вассала не в его было привычках. Отдал султан повеление великому визирю Махмуд-паше покарать смутьяна. Что сталось с войском Махмуд-паши — ты знаешь. А когда послал Цепеш султану письмо, где промеж делом сообщил, что он, покорный раб султана, позволил себе наказать другого раба, Махмуд-пашу, который покусился на положенную самому султану дань, осерчал султан сверх всякой меры. Вышло, будто владыка мира поручил рабу украсть у себя свою же дань! Никто ещё не потешался так над Мухаммедом — он уж и забитые в головы послам гвозди запамятовал. Пришлось султану выпустить изо рта кусочек рахат-лукума и взять в него кусок раскалённого железа, ибо оставила его армия Грецию, дабы

усмирить строптивого валашского господаря. Летом 1462 года вступило в Валахию несметное войско османское.

Наслышан ты, сыне, об этом походе. Только не всё я поведал тебе в прошлый раз. Когда шло султанское войско по выжженной Валахии, каждую ночь вокруг него выли волки и каждую ночь утаскивали они турок, много турок — по сотне воинов за ночь. А наутро находили их в поле, и всё мясо с костей у них было обглодано. Но сколько бы ни стреляли турки по ночным пришельцам, ни одного не удалось добыть им. В роковую ночь нападения на лагерь турецкий волки выли так, что бывалые янычары затыкали уши и хотели укрыться подале от этих мест. Ворвались Дракула и воины его в лагерь в волчьем обличье. Только были те волки гораздо крупнее обычных, черны и шерстисты, и были у них стальные зубы и когти. Одним движением челюсти перекусывали они шеи лошадям. И когда нашёл султан на диване своём труп слуги, растерзанный волком, наполнилось его нечестивое сердце страхом.

Тридцать тысяч воинов недосчитался в ту страшную ночь султан. С тех пор и пошла молва, что Дракула продал душу шайтану и стал оборотнем, пожиравшим человеческую плоть и пившим

человеческую кровь, ибо не мог никакой человек одолеть османов в чистом поле без оружия… И всё воинство своё обратил Цепеш в волколаков: днём отлеживались они по чащобам лесным, ибо ненавистен адским отродьям солнечный свет, а ночью жестоко терзали врагов своих. И не ведали турки, что ждать им от Дракулы, — а сам-то он всё про них знал заранее. С тех пор, едва солнце садилось за холмы, сжималось сердце у султана — а ведь был он жестоким владыкой, каждый день отправлявшим на смерть лютую многих людей одним взмахом холёной руки. Но ждал его ещё один подарок господарский.

В дневном переходе от валашской столицы узрели турки в стороне от дороги удивительный сад со стройными рядами деревьев. Издали сад был прекрасен и манил к себе, а турки были столь усталы и голодны, что тотчас направились к нему в надежде найти там пищу. Затем они почуяли запах… Нет, не цветов и плодов, а страшный запах смерти. Вблизи увидали они, что это был за сад… Встали лесом перед турками колья. Впереди на высоких позолочённых кольях красовались Юнус-бей и Хамза-паша в своих роскошных одеяниях. За спинами их насажена была на колья вся пропавшая османская армия. Уж начали гнить

тела, и заполнил тошнотворный запах окрестности, а привлечённые им грифы да вороны кружили над страшным садом. Глянул султан на сад, молвил: «Невозможно отобрать страну у мужа, способного на такие деяния», — и приказал воинству отступать. И не отступление это было, а бегство, ибо в спину османам ударил Дракула. Немногие турки увидели Андрианополь, а сам султан пробрался туда ночью, опозоренный. Со времён Тамерлана не ведали османы таких поражений.

Много что ещё говорили потом про Дракулу. И что бродил он по ночам в облике волка и пил кровь у молоденьких девушек. И что при помощи чар колдовских соблазнил он сестру короля Матиаша Илону, а потом, когда чары рассеялись, бросилась она с высокой башни Поенарского замка, ибо дьявольская его сущность открылась ей целиком. И что трапезовал он сердцами человечьими. И что каждый год в одну и ту же ночь уходил он в лес или в горы один, а когда возвращался под утро, была вся его рубаха в крови, и будто бы служил он там чёрную мессу самому Сатане и приносил ему в жертву младенцев, за что ему были дарованы сила и неуязвимость. Отрёкся Дракула от Господа делами своими бого-

мерзкими. Отлучили его от церкви святые отцы и прокляли. Сама земля переполнилась кровью от его невиданных доселе злодеяний. Пил он кровь человечью кубками и хлеб ел, обмакивая его в эти кубки. Плохи были турки. Но господарь Влад был хуже во сто крат. И так все боялись и ненавидели его, что только и ждали, когда кто-нибудь наконец освободит их от этого дьявола во плоти.

И однажды стало так. Когда выехал Дракула на сражение с турками, обступили его воины валашские и закололи. И каждый, кто мог, подошёл к телу и проткнул его копьём, ибо злы были люди на Цепеша. А потом отсекли его голову и, положив её в бурдюк с мёдом, поднесли брату Дракулы, Раду Красивому, а тот уж отослал голову султану Мухаммеду, дабы не гневался тот на Валахию. Бросили тело Дракулы в глубокую яму и завалили его камнями, дабы никто не мог откопать душегуба. Но говорят в народе, что не помогло это — встаёт Дракула из своей могилы по ночам, ходит по окрестным сёлам и пьёт кровь человечью. Посему крестьяне из той местности с заходом солнца не выходят из своих домов, крепко-накрепко запирают двери и развешивают чеснок над проёмом, дабы не тревожил их Дракула в час полуночный.

Закончил отец Николай своё повествование, ан тут и вечер наступил. Жалко было смотреть на Ратко — весь он осунулся, налились щёки болезненным румянцем, а глаза блестели, как в лихорадке. Осенил отец Николай его крестным знамением и отправил восвояси.

Глубокой ночью разбудили отца Николая встревоженные монахи. Поведали они, что Ратко тяжко болен — стоны его услышал брат из соседней кельи. И поспешил отец Николай к своему ученику. Тот лежал весь в горячке и бредил. То поминал он чешую дракона, то волков с железными зубами, а то и вовсе пел песню о том, какой красивый садик вырастила молодка под окошком, а в садике том… Но сел вдруг Ратко на постели, схватил отца Николая за руку, глянул ему в глаза и прошептал:

— Он ведь приходил за мной, господарь Влад. Приходил. И снова придёт. Он так сказал.

Промолвил это Ратко и вновь впал в беспамятство. Опечалился отец Николай. Застыдил он себя за то, что поведал отроку вещи, кои знать ему не положено. Посему не отходил он от него всю ночь и весь следующий день: обтирал водой, смешанной со скисшим вином, поил отварами из лечебных трав, читал молитвы. И в ночь следу-

ющего дня остался отец Николай в келье Ратко, ибо не мог оставить того одного в его болезни. И когда за полночь молился истово за здравие болящего, услышал вдруг, как кто-то скребётся в окно. Оглянулся — и в неверном свете узрел за стеклом руку. Дивной была рука сия — с длинными острыми ногтями, пальцы унизаны золотыми перстнями с каменьями драгоценными. Снова заскреблись ногти в стекло. Осенил себя отец Николай крестным знамением:

— Изыди, нечистый!

Замерла рука, перестала скрестись, и защемило сердце у монаха. Выскочил он из кельи и побежал наружу глянуть, что ж это за гость пожаловал к ним так поздно. Выбежал, смотрит — ан темень вокруг, только Млечный Путь ярко сияет над головой да цикады поют. Походил отец Николай под окнами кельи, побродил — никого не нашёл там, ничьих следов, и вернулся обратно, бормоча под нос: «Святое место Хиландар. Стоит он на горе Афон. Нет сюда ходу тем, кто чёрен душой. Нет сюда ходу ни душегубу, ни отступнику, ни духу адскому. Аминь!» Вернулся отец Николай в келью да и просидел у изголовья Ратко остаток ночи. «И чего только с недосыпу-то не привидится!» — думалось ему. Дабы не пугаться бог знает чего,

осенил ещё раз он себя и мальчика крестным знамением да углубился в молитву.

Наутро открыл Ратко глаза и улыбнулся первым лучам солнца. Отступила ночь, а вместе с ней хворь и страхи. И вот уже сидит Ратко на постели своей и горячую цицвару уплетает. Когда совсем поправился малец, вышел он погулять за стены монастырские да встретил отца Николая на тропинке, ведущей к пристани.

— Будешь ещё сказания мои читать? — спросил его тот.

— Конечно буду!

— Послушай, сыне. Всё стирается из памяти людской. Проходят века, забывают люди о том, что было. Про всё забывают: про царей и воевод, про князей и простых людей, про зло и добро. И будет всё так, как мы пишем. Помыслил я, что незачем зло плодить. Посему расскажу я тебе на этот раз самую истинную историю господаря валашского Влада, рыцаря ордена Дракона.

Усмехнулся Ратко:

— Ещё одну? Самую истинную?

— Самую.

И настал тот день, когда опять сидел Ратко в келье отца Николая и с замиранием сердца следил за тем, как тот выводил на чистом листе:

Сказание о валашском господаре Владе Дракуле по прозванию Цепеш

А дале такие шли слова:

«Был в Валашской земле господарь Влад, христианин веры православной, имя его по-валашски Дракула, а по-нашему — уж и не знает никто. И такими страшными и тёмными были те времена, что под стать им была и жизнь его. 30 октября 1431 года от Рождества Христова, в канун Врачеви, увидел он свет в замке Сигишоара. То был славный день для отца его, господаря валашского Влада II, ибо пришла ему весть о том, что посвятил его король Сигизмунд в рыцари ордена Дракона. Посему Влад, сын Влада, потомок Великого Басараба, получил такое диковинное имя да дракона на знамени. Не знала ещё земля Валашская более тревожных лет, нежели те, в кои привелось править Дракуле. И вскрикнула мать его, княгиня Василисса Молдавская, едва появился он на свет, пала на подушки, и отошла душа её в выси горние, ибо прозрела она тяжкое бремя, выпавшее на

долю её сына».

* * *

> Некогда же поиде на него воинством король угорскы Маттеашь; он же поиде против ему, и сретеся с ним, и ударишась обои, и ухватиша Дракулу жива, от своих издан по крамоле. И приведён бысть Дракула ко кралю, и повеле его метнути в темницю. И седе в Вышеграде на Дунай, выше Будина 4 мили, 12 лет. А в Мунтьянской земли посади иного воеводу.

Почему Дракулу начали величать не иначе как Дьяволом? Потому что «Дракула» по-валашски значит «Дьявол», правда это. Но стало так уже после смерти господаря Влада. А при жизни его, при жизни отца его «Дракула» значило то, что значило. Отец Влада был рыцарем ордена Дракона, и прозывался он Дракул. Стало быть, сын его стал Дракулой. Прозвания Цепеш никто в Валахии и знать не знал до последних лет. И только турки нарекли Влада «Казыклы» — «Насаживающий на кол», но разве не заслужили они того?

А времена наступили страшные. Тень полумесяца накрыла многие земли православные. А с

другой стороны надвигалась на них тень креста латинского. Всё меньше и меньше становилось истинной веры. И были венгры немногим лучше турок, а король Венгрии Сигизмунд, глава ордена Дракона, — немногим праведнее султана Мухаммеда. Но умер Сигизмунд, и сын его, король Владислав, желая превзойти отца, затеял на золото, что дал ему папа, крестовый поход по землям Болгарии. Единственный раз выехали бок о бок против турок рыцари православной веры и латинской. И была большая битва рыцарей с турками у Варны, но разбил султан воинство ордена. Много рыцарей полегло тогда, сам король Владислав сложил голову.

Были среди рыцарей те, кто стоял подле короля насмерть, как Юг Богдан стоял подле царя Лазаря на поле Косовом. Среди таких и был Влад Дракул, отец Влада Цепеша, и побратим его Георге Бранкович — не в предка своего пошёл сей славный воитель! Но были и иные рыцари, коим предатель Вук примером служил. Таков был Янош Хуньяди, воевода короля Владислава. Бежал он с поля боя в великом страхе со всеми своими воинами — а ведь мог бы спасти короля своего и принести победу ордену. И вышло так, что сложили православные рыцари головы при Варне, а

католики — покинули поле боя. Изловили потом Влад Дракул с Георге Бранковичем предателя Яноша, заточили в темницу, да только пожалели его да отпустили в Венгрию. И зря отпустили — надо было туркам отдать.

Остался Влад, отец Влада, один на один с турками в ослабленной распрями стране. Захватили они Южную Валахию, кого из жителей не вырезали — тех на галеры отдали, а засим ещё и столице угрожали. Что было делать господарю? Пришлось на поклон идти к нехристям поганым, гнуть спину пред султаном и целовать туфлю его. И дань платить — золотом, овцами и мальчиками, коих забирали турки для войска янычарского. Смилостивился тогда султан и нарёк Валахию «мумтаз эйялети», что означает — «вольная провинция». Значило это, что не могли здесь турки грабить и убивать по собственной воле, но токмо по воле султана. И дабы не предал его новый вассал, забрал султан себе в заложники двух сыновей его, Влада и Раду, и запер их в крепости Эгригёз, что означает «Кривой глаз». Воистину кривым стал этот глаз для сыновей господаря валашского! Ибо на глазах у Влада растлил султан брата его и смеялся при этом. И смеялись все подданные султана, даже рабы последние, глядючи на то,

как совершает султан над мальчиком богомерзкое дело. Глубоки и черны были горнила, в коих ковалась ненависть Дракулы.

Но сие было только началом бедствий. Занял Янош Хуньяди венгерский престол всеми неправдами — не затем оставил он на верную гибель при Варне короля Владислава, чтобы кто-то иной правил королевством. Ничего не прощал он и не забывал. Заманил он отца Дракулы в ловушку, где тот был убит по его приказу. А через краткое время умерщвлён был мучительной смертью и старший брат Дракулы Мирча — ослепили его да заживо похоронили жители славного города Тырговиште. И здесь не обошлось без хитроумных венгров, будь они неладны! Рвался юный Влад на свободу, да только прочны были оковы его. Говорят, что бежал он от султана, да только неправда это. Сгнил бы он в «Кривом глазе» заживо, кабы не решил Мухаммед, что новый глава ордена Дракона, король Янош, опасен для него. И кого послал султан супротив короля? Верно, злейшего врага его, сына и брата убитых им господарей. Страшное это было время, жестокое.

«Был юный Влад Дракула одарён сверх меры умом и умением наживать себе

врагов. Владел он латынью, немецким и венгерским языками, а потом ещё и турецким. Воинское искусство постигал он не только на Западе, но и на Востоке, кои навыки потом неоднократно и с таким успехом применял. Да только одолеть ли ему было в одиночку таких врагов? Был Дракула ростом не низок, но и не высок, зато весьма крепко сложен. Имел он большой орлиный нос, зелёные, широко раскрытые глаза. Чёрные волнистые кудри падали на широкие плени. И был он силён, как бык, и вынослив. Давно измученная войнами страна ждала такого господаря. Но разве под силу ему было изменить сей неправедный мир?»

А знаешь ли ты, сынок, кто таков господарь? Это плоть от плоти народа своего. Что у народа в голове — то в голове у господаря, ибо он не свободен. Чем сильнее страсти обуревают народ, тем сильнее бушуют они в господаре. А страсти тогда сильны были — ох, сильны. И главной был страх. Страх обуревал всех от мала до велика. Захватили османы соседние царства, железной сохой прошлись по Сербии и Болгарии, по Греции

и Боснии. Отхапал султан себе и Южную Валахию, а жителей либо убил, либо обратил в рабов. Потому все боялись, все. Страх вползал в каждую деревню, в каждый дом. И пеленал этот страх господаря Влада, как крестильная рубаха младенца, — хоть сам он не ведал его. Страх народа сделал его жестоким, страх отрастил ему железные зубы и волчью шерсть. Мог господарь в те поры быть только таким — иль никаким не быть. Ведал Дракула, что сильный всегда прав. Про то же ведали и Штефан, господарь Молдавский, и Сигизмунд Люксембург, и султан Мухаммед.

В одеяниях алых взошёл Влад, сын Влада, на престол господарский, ибо пролил он уже кровь. Едва прибыв в столицу из турецкого плена, убил он Владислава Дэнешти, занявшего престол после убиения Мирчи, Владова брата. Казалось, и самого Дракулу постигнет вскорости та же участь, но судьба его была куда страшнее. Властители мира забыли до поры о Валахии, ибо бушевали тогда бури посильнее. В 1453 году захватили османы Константинополь. Пала Византийская империя, оплот веры православной. А потом поразила народы чума. Не щадила она ни турок, ни венгров, ни владык, ни рабов. Валялись вдоль дорог тысячи трупов, и волки жестоко терзали

их. Забрала чума и венгерского короля Яноша Хуньяди, старинного недруга Дракулы.

И остался Дракула один на один с турками, как и отец его некогда. Легла на его широкие плечи тяжкая ноша. Разве под силу вынести её смертному мужу? Только ежели научится он чудеса творить. И научился Влад. Начал он с того, что навёл порядок в доме своём. Вскрыл Дракула могилу брата Мирчи, и увидали все, что перевернулся тот в гробу, ибо был погребён заживо. Было то на светлую Пасху Христову. Все жители столичные нарядились в лучшие свои одежды, вышли в храмы да на трапезы пасхальные. Не омрачало их радость то, что закопали они заживо господаря своего. Видит бог, Цепеш был справедлив! Отверг он Христа в душе своей, но сам был орудием Господним. Приказал он заковать всех нарядившихся к Пасхе в цепи, как рабов, и отправил их строить замки и укрепления для войны с турками. И трудились там несчастные, пока не умерли, а богатые их одежды не превратились в груду тряпья.

Время было таким, сыне. Испаскудился народ. Трудиться не хотел никто, только торговать. Поля лежали заброшенными, скотина ходила голодная, зато через одного тянули люди все, что

плохо лежит. Распутничали жёны по корчмам, валялись пьяницы вдоль плетня. Отвернулся народ от веры истинной: воровал, лгал, прелюбодействовал. И тогда отвернулся от веры сам господарь. Воров сажал он на колья на площадях, прелюбодеев — на перекрёстках дорог, нечестных купцов семиградских — на торжищах, бояр же — на высоких местах, а колья покрывал золотом сусальным, дабы кол знатного человека отличался от кола простолюдина. Стали бояться в народе Дракулу больше, нежели турок, и сразу наступили в стране порядок и процветание.

Не стало нищих на улицах, но не оттого, что пожёг их Дракула: собрать всех нищих в хоромину и истребить их огнём даже ему было бы не под силу! А случай такой и впрямь был. Только спалил Дракула вовсе не нищих. Своими глазами видал я старинную валашскую летопись, где говорилось, что сжёг Дракула бродяг, собранных им с ярмарок страны и якобы прибывших в Валахию для «изучения языка», а на самом деле — для того чтобы шпионить. Страх был оружием Дракулы. Страхом он боролся с врагами своими, страхом одолевал их. И страх всегда шёл впереди него.

Потянулся Ратко за кувшином воды, что стоял на столе, но от слов таких дрогнула рука его, за-

дела за перо, и пролились чернила на бесценные пергаменты.

— Ох ты боже ж мой! — воскликнул отец Николай. — Бедный мой список с «Жеста Хунгарорум»![72] Почто ж ты, скорпий, венгров обидел?

Грозно говорил отец Николай — и улыбался при этом. Не было в нём злости на ученика за испорченный пергамент.

— Ты только помысли, сынок, — продолжал отец Николай отсмеявшись, — как милостив к нам Господь! То, что мы держим в руках, — это бесценное сокровище! Пройдут века, и люди забудут о том, что было. А кто им напомнит, кроме нас? То-то же! А мне теперь новый список делать…

— Я сделаю, отче.

— Ну ежели так, то поведаю я о том, как Дракула любил шутить над людьми. Прибыло однажды к нему посольство с дарами и посланием приветственным от какого-то другого господаря. Принял Дракула дары, да только когда начали послание зачитывать, всё и обнаружилось — по недосмотру писцов посольских добавлены были к имени господарскому и титулам лишние буквы, посему

---

[72] Примечания: 72
«Деяния венгров».

к господарю Валахии обращались в послании так, будто он женщина. Посмеялся на то Дракула — и приказал отсечь послам да писцам уды срамные за ненадобностью, ведь отсекли они то же господарю, не поморщившись. И спросили тогда Дракулу — а что бы сделал он, ежели прибыла бы к нему с посольством какая-нибудь жена достойная да натворила бы такое, на что ответствовал господарь, что приказал бы пришить ей то, что отсёк у мужей.

* * *

Умершу же тому воеводе, и краль пусти к нему в темницю, да аще восхощет быти воевода на Мунтьянской земли, яко же и первие, то да латиньскую веру прииметь, аще ль же ни, то умрети в темници хощеть. Дракула же возлюби паче временного света сладость, нежели вечнаго и бесконечного, и отпаде православия, и отступи от истинны, и остави свет, и приа тму. Увы, не возможе темничныя временный тяготы понести, и уготовася на бесконечное мучение, и остави православную нашу веру, и приат латышскую прелесть.

Просидел Ратко в келье отца Николая цельную ночь. Хоть и не верил отец Николай, что может нечисть спокойно гулять по монастырю, а всё ж таки боязно было оставлять мальца одного на ночь. Слушал Ратко, что говорил учитель, смотрел, как обмакивает он перо в чернила и выводит красивым почерком:

> «Весной 1462 года Махмуд-паша, великий визирь султана Мухамеда, во главе армии из тридцати тысяч человек отправился в карательный поход. Он перешёл Дунай и начал грабительский набег на Южную Валахию».

После вторых петухов уснул Ратко на постели отца Николая да так разоспался, что заутреню пропустил. Когда вползла предрассветная свежесть в келью, накрыл отец Николай мальчика покрывалом из козьей шерсти, осенил крестным знамением и вышел по своему обыкновению размять затёкшие члены. Видел он, как встало светило из-за скал, как играли блики его на воде, — и отпустило его, будто камень с души упал. Времена приходят и времена уходят, а сокровенное знание живёт вечно. Громко говорящий да не услышит. Посему решил отец Николай закон-

чить историю господаря Влада и ордена Дракона и боле не возвращаться к ней. Перекусили они с Ратко капустным подварком да яблоками, выпил отец Николай вина для поднятия сил, и сели они вновь за рукопись. Продолжил отец Николай повествование;

— Но тяжелее всего приходилось Дракуле в борьбе с османами. Разбежались все союзнички его, рыцари ордена Дракона: у одних засуха, у других — дожди. Остался Дракула один на один с врагами своими, как родитель его когда-то. Тогда и заполз в души людские ужас… Столь лелеемая Владом Валахия была «мумтаз эйялети», а господарь валашский — вассалом султана и платил ему дань. Да только хуже ножа в сердце была людям эта дань. Баранов и золото можно было пережить, а вот когда турки забирали мальчиков, старики ложились на землю и плакали. Нельзя было отдавать души невинные нехристям на растерзание. И тогда задумался крепко господарь, как не давать туркам боле детей своих. И надумал. Как только надумал, так сразу вскочил на коня и умчался — только и видели его в столице. Потом говорили, что умел он летать нетопырём, но неправда это. Правда то, что не сидел Дракула ни дня на месте, видели его то здесь, то там, и

казалось людям, что он вездесущ, — а он всего лишь загонял по три коня за день, но делал то, чего нельзя было сделать.

Привёл Дракула обещанных туркам мальчиков и стадо в условленное место, подле турецкой крепости Джурджия. Вышли навстречу ему Юнус-бей и Хамза-паша с воинством немалым. И надо тебе знать, сынок, кто таков был этот Юнус-бей. На сей паршивой овце клеймо негде было ставить! Был он когда-то дьяком по имени Фома Катаволинос, верой и правдой служил императорам византийским. Но отрёкся от Христа, принял магометанство и стал верой и правдой служить султану под именем Юнус-бея. Хитёр был Катаволинос, как лисица. Скольких господарей обманул он своим двоедушием византийским да коварством турецким, скольких под ятаган подвёл. Исполнял он самую чёрную волю султана, где нужна была только ложь и ничего кроме лжи, ибо преуспел в ней Юнус-бей. Хотел он льстивыми речами заманить господаря Влада в турецкий лагерь, схватить его и выдать султану на верную смерть. Только не прознал Юнус-бей, с кем на сей раз свела его судьба. И что очутился он на колу позолочённом — так то кара Господня за лихие дела его.

Сильные морозы стояли в тот год. Сковало Дунай льдом. Перешло ночью малое войско валашское по льду через реку, окружило турок и напало. Половина турок убита была сразу, другая половина вместе с Юнус-беем и Хамзой-пашой — взята в плен. Ни один нехристь не вырвался из кольца. И пронёсся Дракула по Южной Валахии, громя крепость за крепостью, убивая всех, кого встречал на пути. Страшное это было время. Турки при отце Дракулы прошли тем же путём, неся с собой смерть. Но разве кто вспомнил об этом? А потом заселили турки Валахию албанцами, принявшими магометанство. И в каждом селении стояли турецкие воины, и была там поставлена мечеть, где сидел мулла, — эти-то побеги сорные и срыл Дракула под корень. Ни одного волоска не упало с головы тех мальчиков, что приведены были им к туркам, живые и невредимые вернулись они в дома свои, но только кудри их поседели преждевременно, ибо видали они всё.

Чёрные дела творил Дракула, чёрные. Истый змиевич! Только скажи мне, сынок, — будь у тебя власть его, пошёл бы ты на такое? Нет ли? Молчишь. Вот и я молчу. Ни один из сербских господарей не творил такого ни в Косово, ни в Боснии — и что обрели они своим мягкосер-

дечьем? Когда Господь отвернулся от народов, когда живут они во мраке — кто вправе судить за смерть? Когда живут люди по древним законам, по коим жили ещё до Христа, когда кровью отвечали за кровь, — кто из них прав? Кто виноват? И мнится мне, что власть господарская в Валахии крепче, нежели в Сербии, и что ежели бы нашёлся у вас господарь храбрый, как Дракула, то… не пожгли бы турки безнаказанно деревню твою. Да и не осудил господаря Влада никто в те годы, даже супротив того — прислали ему властители наихристианнейшие здравицы с победой над неверными и отстояли в ознаменование сего события молебны в храмах.

Возвращал господарь Влад нехристям два ока за око и десять зубов за зуб. И предавал он смерти лютой душегубов за дела их тёмные, ибо был бичом Божьим, присланным людям в наказание за грехи их. Не мог он ни остановиться, ни свернуть с пути своего, хоть и тяжким было его бремя. Много понарассказали про него турки, венгры да немцы — да только выдумки всё это. Незачем ему было каждый раз сажать на кол по тридцать тысяч человек, ибо стали бояться его и после первого раза. Незачем было ему истязать голубей и крыс, ибо заключён он был не в темнице, а в

замке королевском, а после так и вовсе жил при дворе короля венгерского, где ничего такого за ним не водилось. Незачем было ему соблазнять сестру короля Матиаша — сам король выдал Илону замуж за Дракулу, и пока тот заточён был в Вышеграде, родила она ему двух сыновей.

А с башни Киндии Поенарского замка бросилась первая жена Дракулы, княгиня Елизавета, которую он очень любил и которой был верен, хотя и не были они венчаны пред алтарём. Случилась та беда, когда огромное войско султана Мухаммеда шло к Тырговиште. В сто первый раз предали Дракулу бояре ближние, донесли они султану, что в Поенарском замке прячется супруга господаря, к которой он вельми привязан. Тайно отрядил султан на поимку княгини валашской отряд янычар. Но не желала гордая княгиня оказаться в руках нехристей и, когда пошли они на приступ замка, прыгнула с высокой башни и разбилась о камни. Да тут ещё и отцы святые отличились — отказались хоронить её по-человечески, ибо сама она лишила себя жизни. Горевал о ней Дракула. А когда смог дотянуться до турок, до предателей-бояр и семейств их — то пожалели они, что на свет народились. От веры своей не отрекался Дракула, но христианское милосердие

и всепрощение чужды были ему. Страшное было время, страшное.

Был король Матиаш лукавым и двурушным правителем. Когда-то помог ему Дракула занять престол венгерский — через голову потомков короля Владислава, погибшего при Варне. Но обманом заточил Матиаш Дракулу в замок Вышеград под надзор чёрного чешского войска и отправил в Рим послание с просьбой признать Влада преступником против веры и церкви с изложением всех — и настоящих, и мнимых — преступлений Дракулы, коих свет Не видывал прежде. Хотел король казнить Дракулу прилюдно страшной казнию. Но ответствовали королю из Рима, что ежели перебьёт он всех рыцарей ордена Дракона, то некому будет с нехристями биться. Не было дела Святому престолу до цены побед, подавай ему торжество веры латинской. И всё-таки заступился тогда за Дракулу господарь Штефан Молдавский, не забыл он побратима, честь и хвала ему.

Не бегал Дракула волком да не летал нетопырём. Не пил он кровь человечью. Кровь на руках его была кровью на руках лекаря, а не кровью на руках палача, хотя и много её было, крови этой. Прознал он как-то про обычаи даков, обитавших

в родных его местах ещё до того, как пришли туда римские легионы. И было в тех обычаях пред боем надевать волчьи шкуры и выть на луну. Остановили давным-давно волки-даки воем своим римских воинов, остановил волк-Дракула воем своим турок. Нет ничего нового под солнцем. Не соблазнял Дракула девушек, не прокусывал им шейки. По своей воле приходили они в замок к нему, ибо не мила была им жизнь без того, кого они страстно желали. И была во всём том не вина Дракулы, а беда его.

Нашёлся и тот, кто сокрушил господаря Влада. Был то родной его брат, Раду чел Фрумос, что означает Красивый. С ним заточены они были когда-то в турецкой крепости Эгригёз. Только встал старший брат на защиту страны своей и веры православной, а младший поддался на турецкие посулы, принял магометанство и предал брата в надежде самому сесть на господарский престол. Более, нежели радение рыцарское, прельстили его ласки султанские. По сердцу было Раду стать наложником Мухаммеда, возлежать на атласных подушках, раскуривать кальян и глядеть на танец гурий гаремных. Выловил однажды Дракула братца своего порченного вместе с турками из воинства Махмуд-паши, да только рука не подня-

лась у него убить брата родного. Турок посадил он на колья, а Раду отпустил.

Но не таков был чел Фрумос. Подкупил он воинов брата своего, и во время боя с турками повернули они копья свои против Дракулы и пронзили его насквозь. А потом отрезал Раду голову брату и отослал её султану в бурдюке с мёдом. По преданию, молвил султан, достав голову Дракулы из бурдюка: «Будь Аллах более милостив к нему, сотворил бы он многое. Не устояла бы империя османов». И приказал султан водрузить голову господаря Влада на высокий кол посреди Константинополя, дабы всем видна была. А ведь и вправду хотел Дракула отвоевать у турок все захваченные ими земли христианские, особливо Константинополь, и возродить там новую Византию. Он и монеты с орлом византийским чеканил уж…

Слушал Ратко слова сии, и кружилась голова его. Думал по первости, что от слабости кружится, от болезни. Проглотил он нехитрую вечернюю трапезу — печёную на углях рыбу да лепинью с сыром, — а всё равно глаза будто слипались. Прикорнул он на постели, слыша сквозь сон скрип пера и голос учителя. И снилось Ратко, что он израненный витязь в тяжёлых чешуйчатых

доспехах и нестерпимо давит ему голову шлем с драконом… Мчится он по полю брани, разя мечом людей каких-то, должно быть — врагов, не разобрать… И еле скачет его конь, попирая их трупы копытами… Свистит в ушах смрадный ветер с болот, лезут в глаза нечёсаные космы, а пред глазами будто бы пелена, чёрная муть, чрез которую едва пробивается свет то ли солнца, то ли луны… И громкий крик вырывается из гортани его: «Мортэ лор! Мортэ лор!» И знает Ратко, что это значит: «Смерть им! Смерть им!» Но слышит вдруг он глас учителя своего, от коего спотыкается конь:

— Изыди, нечистый! Святое место Хиландар на горе Афон. Нет сюда ходу духу адскому. Изыди!

Содрогается Ратко от слов таких, но ответствует — только не своим, а чужим чьим-то голосом:

— Вошёл я сюда — значит, чист пред Богом.

* * *

> Глаголют же о нёмь, яко, и в темницы седя, не остася своего злого обычая, но мыши ловя и птици на торгу покупая, и тако казняше их, ову на кол посажаше, а иной главу отсекаше, а со иныя перие ощипав, пускаше.

Ответствует Ратко — и просыпается. И чудно ему, что знает он слова языка валашского, прежде неведомого. Понимает Ратко: не он говорит слова эти, а тот, кто сидит спиной к нему на лавке. Кто сей гость? Зачем пожаловал он к отцу Николаю? Почему поздно так? Может, монах из монастыря какого греческого? Да нет вроде — даже при свече видно, что из мирских, знатный гость. Одежды на нём просторные, тёмного бархату, золотом шиты да соболем оторочены. Кудри чёрные падают на широкие плечи крупными кольцами. Украшает чело венец, искусно сделанный из серебряных цветов и листьев, и сверкают на нём рубины, словно капли крови голубиной. И осенило тут Ратко, но, упреждая его, молвил отец Николай по-валашски, осеняя себя крестным знамением:

— Уходи! Мы не звали тебя!

— Неправда. Я прихожу только к тем, кто называет имя моё.

Понял Ратко, кого занесло к ним в келью этой ночью. И волосы зашевелились на голове у него. Воскликнул он, не помня себя:

— Господарь Влад!

Обернулся ночной гость. Был он таким, каким видел его себе Ратко, — и не таким. Глубокие морщины лежали на лице — а ведь был он вроде

не стар, когда умер, сорока пяти лет от роду. И шёл поперёк его шеи страшный багровый шрам. Уставился на Ратко гость — будто дырку в нём просверливал. Мерцали глазищи его зелёным светом, как у кошки. От этого прошиб Ратко хладный пот, подался он назад и упёрся спиной в стену. Заглянул к нему в душу ночной гость — и тут же прикрыл глаза, спрятал силу свою бесовскую под ресницами, только промолвил усталым голосом:

— Хороший ученик у тебя, святой отец. Мне такого не дал Господь.

— Почто ты пожаловал, дух нечистый?

— Вы звали меня.

— Знали бы, что придёшь, — не произнесли б имени твоего поганого.

Испугался Ратко — а ну как господарь осерчает на такие слова? Что он потом с ними сделает — страшно даже подумать. Но рассмеялся ночной гость. Тихо рассмеялся и стены кельи сотряслись от его смеха.

— Почто ты бранишься, святой отец? Не к тебе пришёл я. К нему. Он меня звал.

Сказал это Дракула и указал на Ратко рукой. Дивной была сия рука — с длинными острыми ногтями, пальцы унизаны златыми перстнями с

каменьями драгоценными.

— Он дитя малое, неразумное. Мало ли что ему в голову-то втемяшится?

— А и напрасно не веришь ты отроку, святой отец! Честен он, и нет греха на нём. Я доверял таким.

— Ты пришёл поведать нам о нашем грехе? Ты, дьявол во плоти человеческой?!

Забился Ратко в тёмный угол, зажмурил глаза — страшно было ему даже взглянуть на господаря Влада. А тот и вправду осерчал, вскочил на ноги:

— А кто ты такой, монах, чтоб судить меня? Ты просидел всю жизнь в келье и ничего не видал, кроме книг своих. А знаешь ли ты, как пахнет палёное человеческое мясо? Видел ли, как турки прикалывали копьями младенцев к груди матерей их? Отгонял ли ты волков, грызущих трупы твоих братьев, что валяются вдоль дорог? Ходил ли ты на врага конным строем — копьё к копью? Как ты можешь судить меня?

— Многих людей убил ты неправедно, смертию лютою, отверг ты Христа в сердце своём…

— А что бы ты делал, монах, окажись ты на моём месте? Удалился бы на молебен, как третий мой братец, оставив землю туркам на поругание?

— Но не только врагов лишал ты жизни…

— Иные друзья хуже врагов! Я делал для них всё, что возможно, даже невозможное делал — но как они отплатили мне за это? Я искал друзей — но они отреклись от меня. Я искал свой народ — но он погряз в грехе. Я искал любовь — но она ускользнула от меня. Я искал воинство своё — но оно покинуло поле боя. Я искал бояр верных — но они предали меня. Я искал врагов — но они оказались трусливыми собаками. Я искал побратимов-рыцарей — но они превратились в торгашей, грызущихся за золото папское. Я искал брата — но он отсёк мне голову и отослал её султану…

Откинул господарь волосы и показал на свой шрам, свидетельство усечения главы.

— Что заслужили все они?! Они заслужили смерть! Они недостойны того, чтобы жить! Мортэ лор! Мортэ лор!

Страшно говорил Дракула — сотрясались стены монастырские. И как братия не проснулась? Но ведомо было Ратко, что никто, кроме них с отцом Николаем, не слышит этого гласа. Схватил господарь со стола яблоко неспелое, сжал его в руке — и брызнул из кулака белый сок, потёк по пальцам, а когда разжал господарь кулак, то была там вместо яблока будто бы горстка циц-

вары. Но прошёл его гнев — так же быстро, как начался. Молвил господарь таким голосом, что будто нёс он нестерпимо тяжкий груз, но иссякли силы его:

— Что бы ты сделал, святой отец, узрев всё это? Затянул бы петлю у себя на шее?

— Если нельзя было помочь этим людям — ты должен был уйти…

— И оставить их одних? Нет, святой отец. Не может господарь покинуть свой народ. Я искал смерти — но смерть бежала от меня, и была мне дарована вечная жизнь. До тех пор, пока не затрубят рога Дикой Охоты.

— Творил ты богопротивные вещи, господарь…

— А кто не творил их? Матиаш? Штефан? Мухаммед? Кто?!

— Но воители святые на поле Косовом…

— Чем помогли они народам своим, сложив голову в битве? Я творил чудеса, кои творили они, я защищал веру так, как защищали они, я мучился так, как они мучались, — но лики их красуются в ваших храмах, а мои посбивали со стен. За что? Только за то, что не смог я стать святым угодником? В чём тогда она, ваша справедливость?!

— Погубил ты свою душу…

— Разве значит она что-то по сравнению с

тысячами душ таких, как он? — снова указал господарь на Ратко.

— Ты служил Сатане и каждый год выходил из лесу весь в крови невинных младенцев…

— Чушь! Да, я вызывал Дикую Охоту. Но кроме неё никто не мог помочь мне. Христос давно отвернулся от наших земель — иначе как бы он мог смотреть на то, что творят нехристи с его паствой? А Дикая Охота дала мне силу. Кровь, что на мне, — моя кровь. Древним богам не нужна чужая.

Задумался отец Николай. Долго стояли они с господарём друг против друга, Ратко и шевельнуться боялся. Наконец молвил отец Николай:

— Ты спросил у меня, кто я? Я книжевник, пишу летописи, перекладываю древние хроники на новый лад. Пройдут века, и люди забудут о том, что было. А кто им напомнит, кроме меня? Про всё забудут: про царей и воевод, про князей и простых людей, про зло и добро. Всё стирается из памяти людской. Неоткуда будет людям узнать о своих корнях, кроме как от меня. И будет всё так, как я начертаю. И судить о тебе, господарь, будут по моим книгам. Но сам я тебя не сужу, ибо недостоин. А вот он, — показал отец Николай на Ратко, — достоин, ибо чист душой.

Опустил глаза господарь Влад, пали длинные тени от ресниц на щёки его, и молвил тогда:

— Да будет так!

— Подойди сюда, — тихо сказал отец Николай Ратко. — Смотри. Узнаёшь? Это сказания о господаре валашском Владе Дракуле по прозванию Цепеш. Все три. Вот первое. Вот второе. Вот третье — я закончил его, пока ты спал. Мы с гостем покинем келью — негоже ему тут оставаться. А ты выбери одно из трёх сказаний и отнеси его в монастырскую библиотеку. Два же других сожги в жаровне. Понял ли ты меня, сын мой?

— Да, отче. Я понял.

— Смотри, не ошибись. Тебе решать судьбу господаря Влада и народа его.

Кивнул Ратко головой, но смотрел всё время на гостя, не отрываясь, — видать, и вправду был у Дракулы дурной глаз. Вышел отец Николай из кельи, за ним двинулся и господарь Влад. Выходя чрез дверь, наклонился он пред низким косяком. Наклонился, но на миг обернулся, глянул на Ратко напоследок своими глазищами — и зашуршал соболями по каменной кладке узкого хода.

Стихло всё в предутренний час. Спокойно спал древний монастырь за крепкими стенами. Стоял Ратко подле стола, на котором лежали три

стопки пергаментов. Стоял — и не мог решиться, какой из них взять. То к первому руки тянулись, то ко второму, то к третьему… Все они были истинными. Все они были ложными. Не смог Ратко сделать выбор. Кто он такой, чтоб судить господаря Влада? Не ведал Ратко, было ли дело господаря правым или неправым. Но в том, что сам он задумал дело правое, сомнений у него не было. Сложил Ратко все три Сказания в суму, а в жаровню бросил список с «Жеста Хунгарорум», залитый намедни чернилами, — туда и дорога этим венграм. Запамятовал отрок, что решает он нынче судьбы народов. Не потому ли закатилась с той поры звезда королевства Венгерского?

Сделал так Ратко, взял суму на плечо, тихо вышел из кельи и направился в библиотеку. Страшна было ему идти по тёмным залам монастырским. Защищают здесь сами стены от духа нечистого, но от себя самого как защититься? Прижал Ратко к себе покрепче суму и проскользнул в зал, где хранились рукописи. Зашёл он в самый дальний угол, разыскал самый дальний сундук и положил на дно его все три сказания, завалив сверху тяжёлыми томами. Пусть упокоится господарь Влад до той поры, пока не придут сюда люди, не откроют сундук и не отыщут под

горой пергаментов то, что было сокрыто. Пройдут века, и люди забудут о том, что было. Про всё забудут: про царей и воевод, про князей и простых людей, про зло и добро. Всё стирается из памяти людской. Но станет всё так, как в этих сказаниях. Быть господарю Владу едину в трёх лицах: и героем, и кровопийцей, и тем, кто ищет смерти, а она бежит от него. Так осудил отрок великого и страшного господаря Валахии Влада по прозвищу Цепеш из ордена Дракона. И был справедлив его суд.

* * *

Конец же его сице: живяше на Мунтъянской земли, и приидоша на землю его турци, начаша пленити. Он же удари на них, и побегоша турци. Дракулино же войско без милости начаша их сещи и гни та их. Дракула же от радости възгнав на гору, да видить, како секуть турков, и отторгъся от войска; ближнии его, мнящись яко турчин, и удари его один копием. Он же видев, яко от своих убиваем, и ту уби своих убийць мечем своим пять, его же мнозими копии сбодоша, и тако убиен бысть.

А жизнь монастырская пошла своим чередом. Отец Николай писал свои рукописи, Ратко подсоблял ему. Не являлся боле господарь Влад в Хиландаре, но ведали они, что ушёл он только на время и что когда наступят сроки — выйдет он на Дикую Охоту, и ужаснутся те, кто отрёкся от света и избрал тьму. Не сказал Ратко учителю о своём выборе — да тот и не спрашивал. Только потрепал его по голове да прижал к себе — совсем как отец когда-то.

Так прошли три года, пока однажды Ратко тайно не покинул Хиландар. Хватился его отец Николай — а уж поздно было. За мелкую серебряную монету увёз моряк-грек юношу с горы Афон туда, где не было ни крепких стен монастырских, ни крутых берегов. Потерял отец Николай след его. Ни разу не приходила ему весть от ученика — ни добрая, ни злая. Взял он тогда себе нового воспитанника — Живко, а все вспоминал о том, пропавшем. Всё выспрашивал у гостей монастырских да у греков, что корабли приводят к причалу, не видали ли они юношу-серба по имени Ратко? Не слыхали ли что о нём? Но те в ответ только качали головами.

Однажды только услышал отец Николай весть о том, что нагнал на турок страху под Митрови-

цей некий хайдук Ратко Младич. Появлялся-де он и исчезал прямо на глазах невероятным образом, будто из-под земли, был заговорён от сабель и пуль, неуловим и жесток с турками настолько, что боялись они его поболе мутессарифа смедеревского.[73] Но был ли то его Ратко или какой другой — про то отец Николай не ведал. Мало ли бродило по Сербии тех, кому нечего было терять и кто брал в руки оружие, дабы наказать турок за дела их поганые! А ежели то был его Ратко, то, видать, сглазил его Дракула. Сманил он парня, сбил с пути истинного на путь мученический.

Исправно носил Живко в келью сыр, пресную погачу, оливки и вино, старательно выводил буквы на бумаге, высунув от усердия язык. Но не брал боле отец Николай в руки летописей про орден Дракона, корпел он отныне только над деяниями святых угодников. Ибо пройдут века, и люди забудут о том, что было. И будет всё так, как начертано им. Сокровенное знание живёт вечно. А ну как поднимется оно выше стен монастырских — что устоит тогда?

---

[73] Примечания: 73

Практически вся территория Сербии в XV–XVIII веках являлась административно-территориальной единицей Оттоманской империи под названием Смедеревский санджак. Управлял санджаком мутессариф (губернатор). Впоследствии Смедеревский санджак был преобразован в Белградский пашалык.